

НЧУК «Музей Рыбинские рыбы»

ГАУК ЯО Рыбинский государственный
историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Общественная организация «Землячество мологжан»
Ярославской области

ТРАДИЦИИ И ПРАЗДНИКИ ГОРОДА МОЛОГИ

Историко-этнографический сборник

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПРЕЗИДЕНТСКОГО ФОНДА
КУЛЬТУРНЫХ ИНИЦИАТИВ

Рыбинск
2022

УДК 908(470.316)
ББК 26.89(2Рос-4Яро)
Т65

*Книга издана при поддержке
Президентского фонда культурных инициатив
по проекту «Молога-фест. Связь времён и поколений»*

Т65 Традиции и праздники города Мологи.
Историко-этнографический сборник / Ред.-сост.
А. С. Клопов, худ.-илл. В. Добрынинская. —
Рыбинск : Издано НЧУК «Музей Рыбинские рыбы»,
2022. — 192 с. : илл.

В сборник включены ставшие библиографической редкостью краеведческие очерки А. А. Фенютина (1815–1887) и В. А. Лаврова (?–?), в которых раскрывается материальная и духовная культура жителей уездного города Мологи Ярославской губернии в XIX в. Предваряет книгу анонимное описание города (1802 г.) с главнейшими сведениями о его географии, экономике, особенностях одежды и еды мологжан того времени.

Центральное произведение сборника — сочинение А. А. Фенютина «Увеселения города Мологи в 1820–1832 годах», подробно описывающее весь годовой цикл традиций и праздников мологжан. На рубеже 1930-х — 1940-х годов город Молога был расселён и затоплен при создании Рыбинского водохранилища...

УДК 908(470.316)
ББК 26.89(2Рос-4Яро)

© Фенютин А. А., Лавров В. А. (тексты)
© Добрынинская В. (иллюстрации)
© Клопов А. С. (примечания,
подписи к иллюстрациям)

МОЛОГА В 1802 ГОДУ¹

Город Молога лежит под 58 градусом и 17 минутами северной ширины, 56 градусом и 20 минутами долготы, при устье реки Мологи, впадающей по правую сторону в реку Волгу. Этот город с южной и западной сторон окружён лесом, с северной стороны — рекой Мологой, а с восточной — Волгой.

Расстояние до Мологи от С.-Петербурга — 818, от Москвы чрез Углич — 265, от губернского города Ярославля — 105, от смежных уездных городов: Рыбинска — 34, Мышкина — 47, Пошехонья чрез Рыбинск — 96, а прямо — 54 версты. Местоположение города ровное и открытое длиной 4 версты, а шириной — около 250 сажен; фигуру представляет продолговатую с поворотом.

Кем именно и на какой случай построен сей город, и какими людьми первоначально был населён — неизвестно, а только известно, что до открытия губернии он был купеческим посадом и зависел по управлению от Углической провинциальной канцелярии. По открытии же губернии с 1778 г. сделан уездным городом.

Церквей каменных три: 1) соборная Воскресения Христо-

¹ Печатается (с некоторыми сокращениями) по: Молога в 1802 году // Ярославские губернские ведомости. 1854. Ч. неофиц. 9 октября. С. 338–340; 16 октября. С. 345–346. *Здесь и далее, кроме оговорённых случаев — прим. А. С. Клопова.*

ва с приделами Св. Пророка Илии, Святителя Николая Чудотворца и Успения Пресвятой Богородицы; 2) Вознесения Господня с приделами Бориса и Глеба; 3) кладбищенская Всехсвятская, построенная на выгонной земле; церковь эта ещё не освящена. [Церквей деревянных две]: 4) Возвиженья Честного и Животворящего Креста Господня; 5) в третьей части города, называемой Горькая Соль, причисленной к городу, деревянная же Св. апостола Фомы. Все эти церкви построены иждивением жителей города Мологи.

Казённого строения только каменный дом о двух этажах, выстроенный по открытии губернии. В нём помещены: вверху — уездный и земский суды, а внизу — городническое управление, уездное казначейство и соляной магазин. Тюрьма для содержания колодников помещается в деревянном доме. Кроме того, шесть питейных домов, из коих — три каменных, и три — деревянных казённых.

Городского общественного строения дом, в котором помещаются городской магистрат и почтовая экспедиция. Экспедитор и почтальон проживают по найму от городского общества. Почтовая станция нанимается от содержателей почт, у коих для почтовой гоньбы находится 9 пар лошадей и 10 человек ямщиков. Городовая школа помещается по найму в частном доме. В ней обучаются дети купецкие и мещанские до 45 человек, коим преподаются науки: краткий катехизис, читать и писать по-русски, арифметики 1-я и 2-я часть, первые основания рисовального художества и, сверх того, объясняется должность человека и гражданина. Учитель содержится на счёт городского общества.

Улиц положено по конфирмованному плану 24, а именно: 1) Мологская, 2) Озерная, 3) Ярославская, 4) Мещанская, 5) Рыбинская и 19 безымянных шириной в 10 сажен, по которым выстроено вновь по конфирмованному плану каменных домов в два этажа — 10, в том числе, один ещё не совсем отстроен; деревянных одноэтажных — 412; старых не по плану каменных и деревянных — 537 домов. Впрочем,

строение производится вновь с лучшим против прежнего порядком и украшением.

Гостиного двора, хотя и нет, но заменяется оный одноэтажными каменными лавками, коих теперь — 51, да деревянных — 127. Сверх того, вновь выстроено 4 лавки каменных под домом, занимаемым городовым магистратом. А всего каменных лавок — 55, да деревянных — 127. В выстроенных лавках торгуют здешние купцы и мещане — суконным, шёлковым, бумажным, шерстяным, крашенинным, нитяным и железным товарами, сахаром, чаем, кофеем и прочими мелочными товарами, деревянной посудой, коренной рыбой², икрой, разными фруктами и съестными припасами. Вообще, торг простирается на 21 500 руб.

Торг сказанными товарами производится не каждодневно, а более по субботам, называемым торговыми днями. Сверх сего бывают три годовые ярмарки: 1) 18 января, 2) в среду четвёртой недели Великого Поста, и 3) 20 июля, и продолжаются каждая не более двух дней. На эти ярмарки съезжаются из близлежащих городов и уездов, как-то: из Ярославля, Рыбинска, Пошехонья, Мышкина, Углича, Бежецка и Весьегонска с разными шёлковыми товарами, серебряной посудой, с немецкими и русскими чулками и прочими мелочными товарами. Из близлежащих селений крестьяне привозят для продажи разный холст, коровьи и бараньи кожи, масло, яйца, колёса с ободьями, деревянную посуду и другие крестьянские изделия. Холст покупают более угличские обыватели. Сверх того, жители города Мологи торгуют ржаным и яровым хлебом, получаемым из низовых мест, строевым и дровяным лесом. Хлеб доставляется водой в С.-Петербург, а лесной материал, сплавляемый по реке Волге, отправляется в разные города. В зимнее время скупают у деревенских жителей битые туши свинины, говядины и баранины, гусей, уток и поросят. Всего привозимого деревенскими жителями товару бывает на сумму от 2 000 до 3 000 руб.

Купецких амбаров, не по плану выстроенных, старых —

² Т. е. выловленной летом.

пять. Торговая площадь для съезда крестьян с их домашними рукоделиями, земляными продуктами, с сеном, лесом и дровами — одна.

Заводов пивоваренных и солодовенных — два:

1. почётного гражданина и откупщика Осипа Васильева Казанина солодовенный, деревянный, выстроенный в 1800 г. На этом заводе переделывается ячменя и ржи по 700 четвертей, для варения пива — всего на 1 000 руб.;
2. каменный солодовенный, принадлежащий мологскому купцу Кузьме Андрееву и купечкой вдове Ульяне Матвеевой Бушковым, выстроенный в 1795 г. на градской земле. В этом заводе выращивается в год солоду ржаного и яичного — до 600, овсяного — по 400 четвертей; всего — на 6 500 руб.

Кожевенных заводов — два:

1. деревянный купеческого сына Ивана Борисова Новотельнова, выстроенный в 1801 г. на градской земле. На нём выделяется говяжьих кож дубных — 4, зольных — 1, подошвенных — до 200, передовых — тоже до 200. Продаётся десяток подошвенных кож от 40 до 50 руб., а передовых — от 30 до 35 руб.; всего вырабатывается на 1 550 руб.;
2. деревянный же овчинный мещанина Максима Маркова Нестерова, выстроенный в 1798 г. На нём вырабатывается до 700 и 800 больших овчин, всего на 1 275 руб. В продажу употребляют их здесь в городе, также ближайших городах и селениях, на торгах и ярмарках. На эти заводы сырые кожи покупают здесь в городе и в других ближайших городах и селениях, на торгах и ярмарках. Корьё³, приплавляемое рекой Мологой из Тверской губернии, привозится здешними жителями в торговые дни.

Кирпичных заводов — два:

1. посадского Якова Степанова Киселёва, выстроенный в

³ Корьё — снятая с дерева кора.

- 1781 г. На нём вырабатывается в год 75 000 кирпичей;
2. посадского же Фёдора Иванова Наумова, выстроенный в 1783 г., на градской земле. На нём вырабатывается в год кирпича тоже до 75 000. В продажу употребляют его здесь в городе по 8 руб. за каждую тысячу. Вывоза в другие города или губернии не бывает.

Кузниц деревянных при бывшей С.-Петербургской дороге — 5.

Промыслы, художества и ремёсла здешних жителей: шубное, крашенинное, портное, сапожное, кузнечное, а хлебное и льнопромышленное — в лучшем состоянии.

Город Молога населён купцами, мещанами, частью дворянами, священно-церковнослужителями и прочими разночинцами, в окладе не состоящими.

Образ жизни купцов, мещан и мастеровых: в выстроенных по конфирмованному плану домах чистоту наблюдают, скарбом достаточны. Употребляемая здесь одежда обыкновенная. Мужчины одеваются отчасти в немецкие, а более — в русские; летом — в суконные и китайчатые синие кафтаны, а зимой — в шубы, полушубки и тулупы, крытые сукном, плисом и китайкой, и нагольные овчинные. На голове носят: летом — пояркового и пуховые круглые шляпы, зимой же — немецкие шапки, а на ногах — сапоги и валенки.

Из женщин одеваются в немецкое платье только из купчих 1-й, 2-й и 3-й гильдий: они носят юбки, парчовые, шёлковые, ситцевые и байковые платья, а на ногах — башмаки и черевички. Недостаточные же, по обычаю своих предков, носят более сарафаны кумачные и телогрейки, а на голове — кокошники остроконечные, привязываемые к затылку, которые потом покрываются шёлковыми и бумажными александрийскими красными фатами. Вообще же, в здешнем городе, как мужчины, так и женщины, шьют платье по-нынешнему покрою, и одеваются хорошо и опрятно.

В пищу употребляют достаточные в скоромные дни — говядину и молоко, а в постные — рыбу, варёные и огородные

овощи, свежие, солёные и сушёные грибы, горох, редьку, репу и картофель; а недостаточные — говядину и рыбу, не каждый день. Обхождение жители имеют между собой и с приезжающими людьми простое и ласковое; жизнь вестí начинают они более по-нынешнему вкусу, однако ж средственно роскошную.

Жители города Мологи роста средственного, лицом не дурны, волосом тёмно-русые, речисты, замысловаты, в торговле трудолюбивы, а таких, чтобы неопределённый образ пропитания, нерадивое промыслом обращение, суровость нравов и совершенную бедность имели — нет. По верному же вычислению, предполагая от торговли, заводов, рукоделия и промыслов, решительно заключить можно, что купцы 1-й, 2-й и 3-й гильдий не бедны, а посадские — посредственнаго состояния.

Скот содержат не многие: лошадей по одной и по две, и то для разъездов по своим надобностям, а коров и свиней — многие. Из птиц: курицы есть у всех, а гуси и утки у немногих, и то не в большом количестве, только для домашнего употребления.

Грунт земли песчаный. На этой земле в огородах сажают капусту, огурцы, свёклу, редьку, лук, тыкву, фасоль, морковь, горох и бобы, коих родится посредственно. Впрочем, за продовольствием домашним, и продают живущим в городе, не имеющим своих домов или огородов. Женщины, сверх домашней огородной работы, упражняются в рукоделии — прядут лён и шерсть; из сей последней вяжут русские чулки и вáреги на продажу. Жители водой довольствуются из копаных колодцев; вода к употреблению людям и скоту здорова.

Река Волга против сего города в летнее жаркое время шириной бывает 250 сажень, глубиной от 3 до 12 аршин, а местами и более. Молога — шириной 120 сажень, глубиной — от 4 до 16 сажень. На обеих реках перевоз против города зависит от Казённой палаты.

Реки Волга и Молога льдом покрываются в октябре и ноябре, а вскрываются в марте и апреле; ранее почти всегда тремя или шестью днями против прочих городов здешней губернии, лежащих вниз по Волге, так что в одно и тоже время

в Мологе переезжают на лодках, а в Рыбинске ещё ездят по льду. Вешние наводнения хотя и довольно бывают ощутительны, так что не менее 2 сажень вода стоит по лугам и лесам близ города лежащим, но никакого вреда городу не наносят.

Из города Мологи пролегают три большие столбовые дороги: 1-я в Петербург, 2-я в Рыбинск, 3-я в Череповец. Продукты, привозимые в город: разные сукна, материи шёлковые и бумажные, ситцы, полуситцы, выбойки, чай, сахар, кофе, деревянное масло⁴, виноградные напитки и прочие товары — все не в большом количестве, только для продовольствия жителей города. Получатся эти товары из С.-Петербурга, Москвы, Ярославля и Кашина, с Макарьевской и Ростовской ярмарок — сухим путём, а водой — только с Макарьевской. Всего же привозится товару примерно на 22 000 руб. Кроме сего, из Устюжны, по реке Мологе, приплывает в город строевой и дровяной материалы, а именно: сосновых строевых деревьев — до 9 600, еловых — до 4 970, и дров — до 400 сажень; всего на 23 000 руб.

Продукты, вывозимые из города: ржаной и пшеничной муки — до 13 200 четвертей, овса — до 250, разного солада — до 1 700 чеве́ртей, сала — до 1 000 пудов, холста — до 2 000 аршин, сальных свечей — до 300 пудов, овчин коровьих и бараньих — до 1 100, яиц — до 20 000, говядины свежей — до 10 000 пудов, из коей до 7 000 пудов употребляется в соль, свинины свежей — до 100 пудов, масла коровьего — до 200 пудов, поросят — до 300, гусей — до 200, и уток — до 50 пар. Муку, овёс и солод отправляют в С.-Петербург в летнее время водой, а сало, холст, кожи, дичь и прочие товары — сухим путём зимой.

⁴ Деревянное масло — низший сорт оливкового масла; использовалось ранее в примитивных светильниках.

А. А. Фенютин

ЗАМЕТКИ О ПРАВАХ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА МОЛОГИ¹

Исстари моложане усердны к церкви, и особы духовного звания здесь в большом почёте; особенно уважают своих духовных отцов, священников. Доказательством усердия наших предков к храмам Божиим могут служить, между прочим, писцовые книги. Так, например, в книге 1676 года значится: *«А на посаде ж церкви, и в них книги, и ризы, и на колокольнях колокола, и всякое церковное строение моложан посадских людей»*².

Из этого можно заключить, что как самые храмы, так и внутренние их украшения сооружены были на счёт добротных жертвователей. В старину всякий считал непременно

¹ Фенютин Александр Андреевич (1815–1887), мOLOGский краевед XIX в., знаток местных обычаев. Печатается по: Фенютин А. А. Заметки о нравах жителей города Мологи // Ярославские губернские ведомости. 1863. Ч. неофиц. № 50. 12 декабря. С. 357–359.

² См.: Фенютин А. А. Выпись из писцовых книг Углицкого уезда Государева дворцового посаду Мологи писма и меры стольника Михайла Фёдоровича Самарина да подьячего Михайла Русинова 1676, 1677 и 1678 годов // Ярославские губернские ведомости. 1850. Ч. неофиц. № 28. С. 286.

ной обязанностью иметь в церкви свою икону и каждый раз, входя в церковь, покупая свечу, зажигал её и сам ставил перед своим образом, усердно кланяясь в землю. Поэтому-то и теперь ещё можно видеть во многих церквях, и у нас в Мологе, несколько обыкновенной меры икон, вставленных в один кивот³; эти иконы назывались *мирскими*.

Иметь в церкви свою икону — древнее обыкновение. Некоторые толкуют это в худую сторону и объясняют тем, что прихожанин, будто бы оставался недоволен церковными образами, полагал в них мало святости, почему и прибегал к указанной выше мере. Но такое заключение решительно не верно в отношении к Мологе: оно может быть применено только там, где есть раскольники, а здесь их нет. Иногда моложанин завещавал в церковь икону уже после своей смерти, следовательно, не думал молиться ей сам. Икона, поставленная в число *мирских*, оставалась в церкви навсегда, за весьма редкими исключениями; её клали на аналой перед умершим жертвователем; она провожала его до могилы; дети и родственники покойника молились ей за его душу, и ещё долго, долго, в день памяти умершего, ставили перед этим образом свечу и стакан с мёдом.

У предков наших иконы составляли главное украшение горницы и избы. Исправил моложанин свои домашние нужды, ну и заботится, добрый человек, прежде всего об украшении образов, делает резной кивот, ризу золотую, серебряную или жемчужную. У меня есть несколько духовных завещаний моложан XVII и XVIII столетий; по большей части они состоят в благословении завещателя всех своих родственников иконами — и какими дорогими! «*Такому-то отказываю икону Божией Матери, риза серебрянная, литая золочёная, венец с короною, с камнями и жемчугом... Такому-то — икону Спасителя, оклад и риза басейного*⁴ дела, а венец серебряный,

³ Кивот (киот) — особый украшенный шкафчик (часто створчатый) или застеклённая полка для икон.

⁴ Басма — тонкие листы из драгоценных металлов с тиснёными узорами.

золочёный... Такому-то — икону Николая Чудотворца со Спасителем и Божией Матерью, оклады и венцы серебряные, риза низана бурмицким⁵ жемчугом» и тому подобное.

Почти на каждом шагу попадались священные предметы: на воротах кресты медные или небольшие иконы. Выходя из дома, хозяин молился на образ; возвратившись, опять принимался за поклоны перед воротами. Так делается и теперь. А посмотрите, сколько в рядах лавок висит *общих* икон! Отправляется купчик-моложанин вести торговые делишки, прежде всего усердно помолится *общей* иконе; отопрёт он лавку, и своей иконе отдаст должное, как следует истинному христианину...

Да, говоря вообще, Молога — город богомольный! И замечательно, что при особенно религиозном настроении нашего общества здесь вовсе нет раскольников. Был, правда, назад тому лет тридцать один беспоповщинец⁶, да и тот уехал куда-то в скит, не найдя в Мологе последователей себе.

Но, упомянув о людях старой веры, кстати будет сказать, что в богоспасаемом граде Мологе живёт несколько господ. Не раскольники они, а так себе, ни то, ни сё, вообще не слишком светлые личности, как впрочем водится везде по захолустьям нашего любезного отечества. Они и к церкви усердны и на службу церковную ходят охотно, пожалуй, ещё усерднее нас, грешных. Каждогодно говеют⁷ и приобщаются; только не любят новых икон, а особенно живописных; двуперстный крест употребляют, верят... во многое верят, между прочим, в *Сон Богородицы*⁸. Ярым противникам нововведений — им

⁵ Бурмицким (гурмыжским) в старину называли крупный жемчуг, добываемый в Персидском заливе, на острове Ормуз.

⁶ Беспоповщинец (беспоповец) — приверженец одного из двух основных направлений русского старообрядчества, возникшего в конце XVII в., по смерти священников «старого» рукоположения.

⁷ Гование — приготовление к таинству причащения, заключающееся в посте и воздержании, посещении всех богослужений в продолжение по крайней мере одной недели.

⁸ Сон Богородицы — один из известных народных сюжетов о Божией Матери, которой как-будто провидчески приснились страдания Христа.

всё старое кажется в розовом цвете, а новое — в чёрном. К счастью, некоторые из них, поразвитее других, начинают видеть и понимать свои предрассудки, и если не оставляют их, то по крайней мере позволяют детям не строго держаться старины-матушки. И то хорошо! Будем надеяться, что дети пойдут не назад, а вперёд, не по избитой дороге любезных тятенек⁹, а новым широким путём цивилизации, уверовав не в Сон Богородицы, а в ту истину, что не всё то хорошо, что старо. И тогда оракулы, сонники и тому подобная дрань уступит место дельной книге, свежей газете.

Кстати, о журналистике, насколько она касается Мологи. Давно ли здесь получались две—три газетки, а теперь их и не считаешь? Для многих газеты стали необходимостью.

Но вот беда — наряду с почитателями литературы, у нас благоденствуют поклонники мракобесия. Колдуньи водятся в Мологе или, вернее сказать, в одной части города — Заручье! Не далее прошедшего года, здешний судебный следователь должен был производить следствие о колдовстве.

Любая моложанка укажет вам на ведьм и, если хотите, расскажет, что в домишках их под печкой сидят чертенята «в виде поросят», объяснит словоохотливая баба. Колдунья непременно обязана задавать работу каждому бесёнку или всем вместе, иначе ей самой несдобровать. Эта порода чертей пребеспокойная. От верных слуг колдунье житья нет; по ночам она не спит, всё ходит, всё ищет: какую бы работу дать «детушкам»? В глухую полночь, чтобы никто не увидел, колдунья выходит на улицу, нагребёт в подол песку, снесёт его домой и заставит бесенят пересевать столько раз, сколько ей вздумается, или считать каждую песчинку. И к стыду нашему есть люди, готовые клятвою подтвердить, что они сами своими глазами видели нечистую силу, занятую таким бесплодным делом, своими ушами слышали отвратительную речь чертовскую.

Следует заметить, что нельзя сделаться хорошей колдуньей, не задавая по временам детушкам, кроме работы

⁹ Тятя, тятенька — то же, что отец.

обыкновенной, работу гораздо поважнее, состоящую в порче женщин. Это делается очень просто: колдунья потреплет бабу по плечу с ласковым словом и довольно: она испорчена, чертёнок сидит в животе и творит там разные скверности. Порченная узнаёт о своём несчастье при известных условиях, всего чаще во время крестных ходов, на Страстной неделе при погребении Спасителя и прочее. Сильная тоска, подступы к груди, давление под ложечкой, где как будто катается какой-то ком, судороги — вот болезненное состояние порченной. Она рвёт на себе волосы, кричит не своим голосом, словом, страдает сильнейшей истерикой. Лет десять назад страшно было прийти в Вознесенскую Заруцкую церковь в субботу Великого поста, когда приобщались святых тайн. Мнимо порченные больные были на все лады, кричали (кликали, как здесь говорят), лаяли... Картина возмутительно безобразная. И теперь кричат, да поменьше, не столь безобразно, почему и говорят: «такой посажен». Вокруг беснующейся тотчас образуется толпа женщин, кто с услугами, кто из любопытства, и все нетерпеливо вслушиваются: авось, больная выкричит, то есть назовёт, свою мучительницу колдунью, посадившую в неё чертёнка? Удобный случай для клеветы! И такие безобразия допускаются в наше время!

Вера в приметы, также, как и вера в бесов, квартирующих в животах, здесь и до сих пор сильна. Например, чем начнёшь понедельник, то будешь делать всю неделю: получил в понедельник, будешь получать всю неделю, отдал в понедельник, будешь отдавать всю неделю... Поп встретился — быть беде. Соль просыпалась — не миновать ссоры. Лоб чешется — родным кланяться, и так далее. Впрочем, такие приметы распространены не в одной Мологе и потому говорить о них больше не буду.

Расскажу лучше, какую роль играла здесь в старые годы *бирка*. Это тоже оружие невежественных людей, которые верили в колдовство, в чертей, ставили пред иконами пудовые свечи и в то же время встречу с попом считали событием опасным со своим зловредным последствиям.

Бирка — палка, на которой безграмотный купец вырезывал сумму отпущенного в долг товара; одна зарубка означала единицу, а крест — десяток. Торговец брал бирку вместо палки, за пазуху клал нож и отправлялся получать долги.

— Так и так-с. Много времени ждал-с. Позвольте получить должок.

— Повремени, ради Бога. Заплачу с благодарностью.

Кредитор, владелец бирки, соглашался ждать, если знал своего должника с хорошей стороны; в противном случае, зная, что у него деньги есть, да охоты нет разделаться как следует, — вынимал из пазухи нож с намерением «срезать с бирки долг», сострогать условные знаки. Должник, приведённый таким намерением в крайность, или тотчас отдавал деньги, или бросался купцу в ноги, умоляя не срезывать долг, не бесчестить его на весь посад Мологу. Напрасная просьба! Срезал злодей... И вот человек, с которым поступили таким образом, терял всякий кредит, делался предметом злых насмешек, не смел показаться добрым людям. Вот оно что значила бирка-то!

Хотел было я, грешный человек, кончая свои беглые заметки, умолчать об одном некрасивом названии, которым нас, моложан, дразнят иногородние; да, как говорит пословица, шила в мешке не утаишь. Прав господин Лавров: нас точно зовут *пьяной мологой*; но этот эпитет достался нам в наследство не от старины и взят не от семидесяти кабаков, которых здесь никогда не бывало, а от чего? — Не сами ли мы дали повод так называть нас, жителей благочестивой, богомольной Мологи? Мудрёный вопрос! Решить его не берусь...

А. А. Фенютин

УВЕСЕЛЕНИЯ ГОРОДА МОЛОГИ В 1820–1832 ГОДАХ¹

Отдел I
Весенние праздники и гулянья

Святая неделя

В Мологе весна делает по улицам езду и ходьбу затруднительными; везде лужи, около стен снег, по которому протоптаны глѳбки (дорожки с просѳвами ног²), или грязь, почему для гулянья остаѳтся одна почти набережная в середине города, где снег, сдутый ветром, скоро исчезает и открываются довольно большие лужайки.

Но вот наступил торжественный праздник³. В первый день жители города, мужчины и женщины, холостые молодцы и девицы, одетые в лучшее платье по состоянию, проходят только в ту или другую сторону: они идут, или ходили

¹ Печатается по: Фенютин А. А. Увеселения города Мологи в 1820–1832 годах // Труды Ярославского губернского статистического комитета. Вып. 1. Ярославль, 1866. С. 1–153.

² Просѳ — здесь: вытоптанный снег.

³ Имеется в виду Пасха.

христосоваться со своими родственниками и на кладбище с умершими родителями.

На второй день и во все следующие за тем дни до вечере́н прогуливаются около церквей и там, где только дозволяет грязь и лужи. Холостые молодцы звонят на колокольнях, хвастаясь друг перед дружкой своим умением звонить. Те из девиц, у которых не очень многоценное платье, взбираются на колокольни. После вечере́н весь берег бывает наполнен гуляющими; местами сделанные на нём лавочки все заняты близ живущими пожилыми мужчинами и другими, вышедшими посмотреть и послушать, как матушка Волга шумом шумит и строит ледяные горы, нажимая их на мологский лёд. Вода в закраинах⁴ играет, прибывает и топит луг Мологский⁵.

Судохозяева толпятся, бегают около своих лодок с шестами, снастями, кричат, бранятся, стараясь как можно скорее ввести каждый свою лодку в Святозерский ручей и тем спасти её от явной гибели. Между тем девушки, собравшись гурьбой на вытаявшую из-под снега лужайку, играют вместе с молодцами огнём и столбиками⁶; но отнюдь нигде не слышно песен во всю святую неделю.

В Фомино воскресенье⁷ и следующие за ним по проулкам⁸ ставят козлы, качаются на качелях и поют песни.

Борисов день 2 мая⁹

В Вознесенской Заруцкой церкви есть придел во имя Благоверных князей Бориса и Глеба. В честь этих святых прихо-

⁴ Закраина — полоса воды между берегом и льдом на реке.

⁵ Мологский (Боронишинский) луг располагался на левом берегу реки Мологи, напротив города, в окрестности села Боронишина.

⁶ Игры эти огнём, столбиками, будут подробно описаны в летних и осенних гуляньях с принадлежащими к ним песням. *Прим. автора.*

⁷ Празднуется в следующую неделю (воскресенье) после Пасхи.

⁸ Проулок — то же, что переулок, маленькая узкая улица.

⁹ Борисов день — церковный праздник 2 (15) мая в память перенесения мощей Благоверных князей Бориса и Глеба в Вышгород (1115 г.).

жане с незапамятных времён празднуют один раз в год широко, по-русски. Накануне ещё праздника хозяин и хозяйка дома призывают к себе пожилую женщину и просят её сходить позвать всех их родственников — пожаловать к ним завтрашний день хлеба-соли откусать. Женщина эта называется *зов*. Когда она воротится, её спрашивают: кто именно из родных обещался прийти, и кто нет? Она рассказывает по порядку, называя всех поимённо, — что вот-де такие-то не придут, потому что вы-де сами в прошедший год у них не были в Ильин день, а такая-то не придёт, потому что платье новое не поспело, муж-де её придёт один; прочие все вам кланяются и придут завтра. Рассчитывая по числу гостей, которые придут завтра, хозяйка начинает хлопотать о съестном, а её муж о вине, водках и наливках, чтобы после самому не было стыдно.

В Борисов день званные гости идут по зову, кто за обедню, а другие к концу обедни, лишь бы поспеть в пору к чаю или к обеду, — разодетые для праздника в лучшие свои наряды. Женщины носили тогда на головах *мóды-коскí*, которые делались следующим образом. Хороший шёлковый платок разрезывался диагонально с угла на угол и обе половинки его назывались *коска́ми*. Косóк повязывали на голову спереди, немного выше волос обвивали кругом головы и концы завязывали наперёд узлом; в узел ввязывали большой перстень с камнем, короткий узел коска́ шёл чрез голову назад, где и прикреплялся булавкой, — это *мóда*.

В ушах носили длинные жемчужные низанные серьги. На себя надевали белую кисейную воротушку¹⁰ с широкими рукавами, с остевками¹¹, ворот её застёгивался наперед запонкой, потом надевали на себя шубку дорогой парчи, обшитую вокруг подола хорошим газом-позументом, поверх её надевали полушубок, на проймах обложенный кругом тоже дорогим газом¹² по парче. На руках носили большое количество колец,

¹⁰ Воротушка — здесь: блузка.

¹¹ Остебка — здесь: манжета, обшлаг.

¹² Газ — лёгкая, прозрачная ткань особого газового переплетения.

перстней золотых; на ногах — чулки с решётками¹³ и башмаки козловые и сафьянные разных цветов с маленькими головками.

Мужчины носили сначала кафтаны с наборами назади, потом сибирки¹⁴ суконные синие и камлотовые¹⁵ длинные до пят. На головах носили картузы¹⁶ и шляпы пуховые, на ногах — сапоги козловые; на руках замшевые зелёные перчатки. Это летний костюм¹⁷.

Обедни кончились, гости собрались все, чай готов, и хозяин, наливши столько же рюмок водки, сколько было гостей мужчин, обносил всех, а хозяйка в другой горнице¹⁸ потчевала женщин наливкой и белым столовым вином: потом гости пили чай, — а как водится, гости приходят уже сытые своим домашним чаем, то это угощение продолжается недолго.

Между тем накрывают на стол, на три блюда по числу гостей, так что на каждое блюдо приходится по шести и по семи человек; подают три пирога с рыбой. Хозяин и хозяйка просят всех садиться за стол покушать чем Бог послал. Гости, помолвившись Богу, садятся, — мужчины в переднем углу, наблюдая, чтобы младший по чему-либо (по летам, по капиталу или по службе по городским выборам) не сел выше старшего, за чем, впрочем, наблюдает сам хозяин, усаживая каждого гостя. Тоже происходит и между женщинами; но там сметливая хозяйка давно уже знает кого с кем посадить рядом.

¹³ То есть ажурные чулки.

¹⁴ Сибирка — длиннополый, утеплённый, двубортный из толстого сукна сюртук, отрезной по талии и со сборками в нижней части, с отложным воротником и лацканами на груди.

¹⁵ Камлот — шерстяная, полушерстяная и хлопчатобумажная ткань обычно тёмного цвета для пошива женской и мужской одежды. В России камлот был известен и чрезвычайно популярен с первой трети XVIII в.

¹⁶ Картуз — мужской головной убор с козырьком, не форменная фуражка.

¹⁷ Осенняя и зимняя одежда мужчин и женщин будет описана в своём месте. *Прим. автора.*

¹⁸ Горница — летнее неотапливаемое помещение (часть жилого дома), служащее спальней и хранилищем домашних вещей.

Обносят водкой и вином; гости кушают пирог. После пирога подают холодное: языки, заливной студень с хреном. Потом подают жирные щи или уху. Перед каждым кушаньем хозяева усердно потчуют гостей водкой и вином. После щей подают лапшу, похлёбку из картофеля с бараниной или с курицей, густо приправленной яйцами.

Далее подаётся жаркое: баранина, рыба, гусь с огурцами или с мочёной брусникой, с яблоками; на стол являются пиво и мёд. Угощение водкой и вином происходит тем же порядком, с той только разницей, что сначала церемонные гости сильно отговариваются, уверяя, что они не пьют больше одной или двух рюмок. Теперь, под говор и шумок, берут рюмки безотговорочно, в особенности те из гостей мужчин, которые для того только и пришли на праздник. Женщины, которые помоложе, продолжают церемониться, не пьют, тяжёленько помигивая глазами. Догадливая хозяйка раньше знала, что и как нужно было сделать, чтобы все были довольны, и чтобы лишнего чего не видали мужчины-мужья.

Понаевшись и угостившись порядочно, гости все в одно заговорили, что в горницах жарко, открыли окна и запах съестного разлился вдоль улицы. Гости кушают баранину жареную. Но вот при весёлом говоре и смехе подают гуся, и один забавник-гость берёт на вилку гусиную гузку¹⁹, и идёт с ней целоваться с женщинами. Первая из них упрямится, не целуется, защищаясь столом и хоронясь за свою соседку. Нужно употребить силу. Кругом стола обойти нельзя — он всегда ставится близ стены. Все мужчины и женщины смеются, подшучивают над проказником, а он, принимая, может быть, смех их не за шутку, хочет сделать решительное нападение на свою обидчицу. Следует только сделать начало, думает наш герой, поцеловать первую-то, а там уж пойдёт. И, наклонившись чрез весь стол поперёк, делает убыток хозяину, разбив две рюмки, стакан и тарелку... Да что до этого, — он-таки достал ту, которую хотел поцеловать, и поцеловал.

¹⁹ Гузка — хвостовая клинообразная часть туловища птицы; зад.

Потом обращается к другой. «Ну, Фёкла Филиппьевна, поцелуемся?». А Фёкла Филиппьевна взяла в рот булавку, острием наружу, зажала её крепко зубами, ничего не говорит, только посмеивается. Постоявши перед ней с четверть часа даром, герой отошёл к третьей женщине: здесь он не нашёл сопротивления и, перецеловав всех по порядку, воротился к мужчинам, предлагая гузку кому угодно. Те, занятые какими-то важными между собой разговорами, не берут гузки. Он кладёт её на тарелку и садится, до чрезвычайности разобиженный Фёклой Филиппьевной и товарищами, что они не поддерживали его в таком приятном времяпровождении.

Подают сладкие пироги, по верху украшенные узорами из того же теста. Гость, перецеловавший женщин, сидел против того места, где ставилось на стол не разрезанное кушанье, и ему приходилось его резать; теперь он ни за что не хотел резать пирог; напрасно его упрашивали; пирог резать взялся другой, сказавши ему что-то обидное. У сердитого гостя лопнуло терпение и вот пошла потеха: тут всем досталось, особенно Фёкле Филиппьевне. Наконец, кое-как его уговорили и попотчевали особенной настоечкой. Всё пошло своим порядком.

Подали ещё пирожные-рôзаны²⁰. Хозяйка и хозяин обносят гостей вином, прося выпить перед последним-то. Гости пьют, закусывают рôзанами и встают из-за стола. Хозяйка извиняется тем, что мало напасено, а хозяин повторяет только «не взыщите» и все целуются: хозяев целуют за хлеб-за соль и за угощение, а самих себя целуют за компанию.

Фёкла Филиппьевна, поцеловав одну хозяйку, ушла в другую горницу. Мужчины, погулявши по двору, постояв у ворот, разбрелись спать кто на сено, кто в огород под берёзы; женщины, которые постарше, легли спать в доме, а молодые, постоявши у ворот и наговорившись между собой, вошли на двор и стали играть парами, подпевая песни вполголоса, а потом громче и громче; кровь разгоралась, а с тем вместе и игра, продолжающаяся до вечернего чая.

²⁰ Рôзан — круглая булочка с загнутыми внутрь углами.

Между тем, на улице гуляющие занимались другими удовольствиями. У кабака, единственного в Заручье²¹, толпа народу, а в кабаке — песни-пляски; далее по улице бедный мещанин в армяке²² нараспашку, без картуза, которой держит его жена, оба они идут из гостей. Мещанин, выписывая по песку разные фигуры в ту и другую сторону, хотел бы петь, да не поётся, худо выговаривается; он остановился на дороге, щёлкнул пальцами и сказал: «*Эх-ма, запили заплатки, загуляли лоскутки*», посмотрел на кабак, хлопнул по карману штанов и добавил «*Не-ма*» и пошёл за женой, которая его дожидалась.

Вот большая артель²³ ребятишек и ребят, но таких, что другой ростом будет, пожалуй, впору любой бабушке. Они заняли место у стены забора, выстроили целый город-кон шляков (так у нас называют бабки). Вдруг один из ребятишек кричит — *курня*, вслед за ним кричит другой — *выжда*, третий кричит — *грана*, четвертой — *копыто*, и так далее... Но далее что кричали прежде в старину, теперь не кричат, потому что не помнят.

Впрочем, это означало — который из ребятишек успел прокричать которое слово прежде, тот по значению этого слова, имел право метать — бросать свою битку тогда, в каком порядке следуют эти термины, например: кто прокричал слово *выжда*, тот имел право метать свою битку после всех — выжидать, а это в игре значило много. Ребятишки начинают метать свои битки поперёк всей улицы, почти до противоположного забора. Биткой называется большая бабка, внутри налитая свинцом, или чугунная бляха величиной чуть не в ладонь, обделанная из дна старого чугуна²⁴. Первый парень взял с земли свою битку, встал на самое то ме-

²¹ Заручье — северная окраина города Мологи, располагавшаяся за Святозерским ручьём.

²² Армяк — мужская верхняя, долгополая одежда из грубой, шерстяной ткани. В XIX в. «серый армяк» был символом низших сословий.

²³ Артель — здесь и далее: группа друзей и знакомых.

²⁴ То есть из чугунного горшка округлой формы, использовавшегося для тушения и варки в русской печи.

сто, где она лежала, и стал прицеливаться в шляки, отставя левую ногу и прищуря левый глаз; потом он делает два шага вперёд, больше не дозволяется, бросает битку в кон, но несчастливо, он сбил только одну пару шляков.

Другой, и кстати кривой, недолго прицеливался, пустил битку в кон, и шляки, как искры, полетели во все стороны: молодец сшиб больше половины кона. «*Два шляка в соль*²⁵», — кричат мальчишки, подбирающие шляки. «*Ставьте кон*», — кричат другие, вынимая из карманов по паре шляков, и бросая их на землю к кону.

Между тем, на поле — крик, смех; там взрослые холостые парни и женатые играют мячом. Далее по улице, из тех и из других ворот выходят гости, прощаясь с хозяйкой дома, благодарят её за хлеб-за соль и за угощение: «*Просим не взыскать*, — отвечает хозяйка, — *напрёдки*²⁶ *просим жаловать к нам*».

Налево, у старого угóльного дома²⁷, на длинной доске вплотную сидят пожилые женщины и молодые с ребёнками²⁸ на руках; другие, за неимением места на доске, сидят на земле: это бабье гулянье в особенном роде, где от полдня до вечера беспрестанно продолжаются разговоры, пересуды и суды. Этому суду подлежат все и каждый, и все дела земные.

Но вот первый заруцкий проулок; он называется Кóзлов проулок²⁹, он вплотную зарос мелкой травкой. Трудолюбивые заруцкие девушки, ещё за несколько дней до праздника, вычистили, вымели проулок и он, от самой улицы до берега к реке, представляется теперь как бы покрытый зелёным бархатом; любо пройтись по нём. Саженьях в пятнадцати³⁰ от улицы, по тому же проулку, налево к забору, поставлены кóзлы и пове-

²⁵ То есть два шляка разбились вдребезги. *Прим. автора.*

²⁶ Напрёдki — впредь, в будущем.

²⁷ То есть у дома, стоящего на углу квартала.

²⁸ Так в тексте.

²⁹ На планах города Мологи конца XIX в. этот переулок поименован Борисоглебским.

³⁰ Около 32 м (сажень — русская мера длины, равная 2,13 м).

шена качель. Толпа девушек в *подхороших*³¹ платьях чуть-ли не с самого полдня вышла погулять *не взаправды* ещё: некоторые из них сидят на качели, а две стоят по концам и, тихо покачиваясь, поют песни. Другие девушки стоят около качели, а многие сидят на бревне, положенном у забора.

«*Неужели все эти девушки заруцкие?*» — спросит, может быть, кто. Всмотритесь: почти на половину тут городских девушек. Это гости, которых позвали сюда родственники гостить на всю борисовскую неделю. На качели девушки поют чистыми дискантами весёлые, а иногда и заунывные песни, потому, во-первых, что ещё не разгулялись, а во-вторых — потому что, и главное, молодцев нет, петь *не про кого*.

Вот с поля идут молодцы; девушки встрепенулись, стали оправляться и запели весело-громко «По улице мостовой»³². Ещё две девушки встали по концам качели. Молодцы, подойдя к ним, поздоровались, осмотрели всех девушек и, как давно знакомые, вступили в короткий разговор с некоторыми из них. Один из молодцев, например, вырвал из рук девушки платок, другой сел на колени к девушке, сидящей на бревне, и старался снять кольцо либо супір³³ с её руки: завладевши подобными вещами, некоторые молодцы не отдают их до самых *киселок*³⁴, то есть до осени.

Весело лилась из груди девушек песня «По улице мостовой», как вдруг, они не успели даже ахнуть, и все лежат на земле: лопнула верёвка качели, да это, впрочем, не редкость — мало ли что случается. Девушки встали, отрясли свои платья, оправились сами спереди, а сзади оправили подруги и как ни в чём не бывало: тут не до боли, кому сколько досталось. Оправившись, девушки пошли на лужок играть *огнём*. Эта игра безмолвная и бесконечная, о ней после поговорим.

³¹ То есть в нарядных, красивых.

³² Популярная русская народная песня.

³³ Супір — кольцо с камнем.

³⁴ Киселки — осенние вечера, на которых поочерёдно друг у друга рубят капусту.

В том доме, где угощались гости, на дворе уже никого не было, только хозяин искал и будил спящих гостей. Пора была пить чай. В сенях дома грелись два самовара, а в горнице на столе стоял большой двухведёрный самовар и, kloчoca, разливал по горнице белые пары; на нём, на конфорке, стоял большой чайник; хозяйка припасала чашки. В другой горнице на столе стояла водка, а подле неё на тарелке пирог, свинина и жареная баранина с хреном.

Собравшиеся гости по просьбе хозяина выпили перед чаем, а хозяйка на большом продолговато-круглом подносе, уставленном чашками, обносила всех чаем. Выпив по пяти и более чашек чая, гости, один за другим, начали было их закрывать, положивши на дно опрокинутой чашки кусок сахара, оставшийся недогрызенным, но не тут-то было: хозяйка снова являлась с тем же подносом и с чашками чая, неотступно прося выдать «ещё чашечку». «*Братцы, пейте, — говорил хозяин, — ведь выливать же его надо*».

После чая явились пунши³⁵: кому с ромом, кому с французской водкой³⁶, женщинам с наливкой и с красным или белым столовым вином. Несмотря на то, что на столах стояли гостинцы, насыпанные на тарелки: орехи, чернослив, винные ягоды и разных сортов пряники, усердная хозяйка то и дело обносила ими гостей. Весёлые шуточные разговоры, сначала происходившие отдельно между мужчинами и женщинами, теперь мало-помалу сделались общими; о прошедшем, *давешнем*, не было и помину, почему Фёкла Филиппьевна, подчас весёлая разгульная женщина, теперь пришла в свою колею, заговорила всех, усмешила досыта и тем удружила всем. Теперь все, наперерыв друг дружку, упрашивали её сказать ещё что-нибудь, но времени оставалось мало, была пора идти на гулянье.

³⁵ Пунш — собирательное название коктейлей, в первую очередь алкогольных.

³⁶ Импортная водка, выделанная на основе виноградного горячего вина. Из т. н. вейновых водок (от нем. Wein — виноград) французская была наиболее популярна в России в XVIII–XIX вв.

Мужчины, сыскавши свои картузы, а женщины платки, стали прощаться с хозяевами, благодарить за хлеб-за соль, и за угощение, извиняясь в том, что, может быть, под хмельком сделали или сказали что-нибудь неприятное для них. Хозяйева благодарили их за посещение, просили извинить их самих, в том, что припасов было не много, и угощение х́удо; не таковое бы надо, говорили они, и просили жаловать к ним напёрдки. Расцеловавшись с хозяевами, старики уходили домой, а молодые остались погулять на гулянье.

Между тем, на проулке, у качелей, народу собралось довольно. Девушки, переодетые в лучшие платья, собрались в круг, разговаривая между собой вполголоса. Песен ещё не поют и не играют в ожидании, когда гуляющих соберётся больше.

Летний костюм девушек был следующий: волосы с прямым пробором причёсывались гладко и назад заплетались в косу, которая завивалась в кружок на затылке, и в кружок втыкали высокую гребёнку; на висках выпускали небольшие пейсики, завитые в кольцо, называемые *височками*. После пробора на голове носили косой. В ушах носили золотые кольца с жемчугом. Носили и *моды*, а под ними — неширокую бархатную чёрного цвета ленточку, которая и называлась *бархаткой*. По бархатке навязывали виток жемчугу. Жемчуг всегда как в витках, так и в сн́зках³⁷, подбирался в середине крупнее, а по концам — мелкий.

На шее носили сн́зки с фермуарами³⁸, а иногда тонкие золотые цепочки с крестиками. Шёлковые платья с полуоткрытым воротом, рукава от плеч широкие, книзу — уже с остепенками³⁹. Иногда широкие рукава перехватывались в двух местах, повыше локтя и посредине, а во внутрь вставлялись стёганные на вате подушечки, в роде муфточек, чтобы буфы⁴⁰ рукавов не мялись и стояли пышнее. Лиф платья от-

³⁷ Сн́зка — ожерелье, бусы.

³⁸ Фермуа́р — застёжка особой формы на ожерелье.

³⁹ Остепенка — то же, что остепка, то есть манжета, обшлаг.

⁴⁰ Буфы — пышные сборки на платье.

делывался складками, или мелкими буфами, иногда гладкой; около ворота — узенькой воротничок, обшитый узким кружевом; подол кругом отделывался буфами вроде листьев. На руках носили кольца, перстни и супіры, а в руках — белые платочки, гладкие, обшитые кругом кружевом. На ногах носили белые чулки, башмаки сафьянные разных цветов.

Наряд холостых молодцев был: на головах носили шёлковые и пуховые шляпы с широкими полями, галстук с большим бантом наперед; манишка с широкими складками, или с одной посредине; жилет с шалью, открытый во всю грудь. Суконная, по большей части тёмно-синего цвета, сибирка, сюртук длинный до пят. Сапоги козловые с толстыми икрами.

По улице из города начинают подходить к гулянью городские женщины с девицами, а в обход квартала по берегу, молодое мологское купечество с жёнами, сёстрами и дочерьми. По Заруцкому мосту и далее видны артель за артелью; те и другие, подойдя к гулянью девушек, останавливаются около в большой круг. И вот девушки встают в круг, взявшись за концы своих платочков, другой конец платка каждая подала рядом с ней стоявшей девушке и таким образом составилась хоровод. Старшая в хороводе девушка подкликала к себе трёх маленьких девочек, посадила их внутри хоровода в трёх местах, каждую так, что из них составилась треугольник: потом она оставила на месте, по правую руку рядом с ней стоявшую, девушку, сама пошла и повела за собой девушек левой стороны хоровода; она обошла около, завернувшись влево на земле сидящей девочки, и также почти кругом, но вправо около на земле же сидящей другой девочки, наконец обошла и третью, в левую сторону и сошлась с девушкой, оставленной ею сначала. Таким образом хоровод представил собою вид прописной буквы В, только с закруглённым внутренним углом, где посажена была на земле девочка. Весь хоровод девушек шёл, не останавливаясь, по показанному направлению и хором запел протяжно, тихо, следующую песню:

Невеличка птичка пташечка
Много знала — много ведала,
Синее море перелётывала.
Как садилася пташечка,
Среди моря на камушке;
Она слушала — выслушивала,
Как во высоке во тереме
Красная девица плакала,
За старого мужа идучи:
Уж ты стар — ты мой старой муж,
Уж ты стар — погубитель мой —
Погубил мою голову,
Всю девичью красоту.

После длинной паузы эту же песню начинали петь сначала, только с переменной смысла последних строк:

Невеличка птичка пташечка,
Много знала — много ведала,
Синее море перелётывала;
Как садилася пташечка
Среди моря на камушке,
Она слушала — выслушивала,
Как во высоке во тереме
Красная девица радовалась,
За младого мужа идучи:
Уж ты млад — ты мой младой муж,
Уж ты млад — украститель мой —
Украсил мою голову,
Всю девичью красоту.

В продолжение этой игры гуляющих горожан собралось на проулке и на улице столько, что было тесно: все, по причине праздника, одеты были в лучшее платье. Они не принимали участия в игре девушек, только стояли и смотрели на

игру их, а в особенности друг на дружку, делая замечания на счёт нарядов разных лиц. Сюда же явились молодцы, побогаче и поделикатнее прежде бывших, повеселиться с девушками. Они просили девушек начать играть такую игру, в которой и они могли бы принять участие. Девушки же просили, чтобы кто-нибудь из молодцев начал игру, — один из них на то согласился. Девушки встали в две линии, так что между ними можно было пройти свободно; они подали — каждая против себя стоящей девушке платки, и запели:

Подойду-подступлю я под ваш-ли город каменной,
Вышибу-вышибу чёботами стену каменну;
Растворю-растворю я широкие воротечка, —
Выведу-выведу душу красную девицу.

Молодец сначала обошёл кругом девиц, потом прошёл между ними, вышибая из рук их платки, которые девушки и взяли опять. Молодец, ещё обойдя кругом, опять пошёл между девушек под поднятые кверху платки, по пути взял за платок одну девушку и увёл за собой.

Начинают петь эту же песню сначала, молодец действует так же по смыслу слов её, только вместо «Выведу красную девицу» поют: «Выведу-выведу удалого доброго молодца», а та девушка, которая ходит за молодцем, просит другого молодца пожаловать в игру: молодец вынимает из кармана платок, один угол его подаёт девушке и идёт за ней. Эту песню продолжают петь до тех пор, покуда разберутся все девушки и молодцы, — таким образом составится пёстрый хоровод. Он остаётся незамкнутым и девушки поют другую песню:

Вейся-вейся капустонька, —
Вейся-вейся ви́лая⁴¹;
Как мне, капустке, не виться,
Как мне ви́лой не ломиться; —

⁴¹ Вил — кочан капусты.

Вечер — на капустку —
Мелкой частой дождик.

Молодец, начавший игру, идёт к заднему концу хоровода, где девушки и молодец — последние — поднимают свой платок кверху, делая как бы воротца. Молодец проходит в них, ведя за собой весь хоровод. Эту песню продолжают петь до тех пор, пока хоровод не пройдёт — в каждую следующую пару и это будет значить, что хоровод *завился*. Потом он будет развиваться. Тот же молодец, начавший игру, перевёртывается под поднятый свой платок, проходит под платок смежной с собой пары — и так далее, только наблюдая, чтобы теперь ходить в противоположную сторону. Девушки между тем поют:

Сею-вею капустоньку,
Развивайся вилой кочешок.

И поют это до тех пор, пока разовьётся хоровод. В продолжение этой игры стечение гуляющей публики ещё увеличилось. Сзади сплошной массы, на улице, видно было несколько лошадей в экипажах — знак, что сюда приехало посмотреть на заруцкий праздник несколько мологской аристократии.

Девушки хотели было отдохнуть немного, но заметивши, что из числа гуляющих некоторые стали уходить, а за ними, пожалуй, уйдут и другие, — переговоривши между собой что-то, встали в правильный круг, в середине коего осталась одна из них, видимо что-то конфузясь. Девушки запели:

Выдала матушка —
За старого замуж меня, —
За старого замуж меня, —
Ох старость, ох старость, —
Печаль со кручиною —
Печаль со кручиною.

Однако, несмотря ни на что, публика — артель за артелью — стала расходиться, и гулянье мало-помалу опустело.

В это время вся заруцкая задняя улица⁴² бывает зачерпнута гуляющим народом. Не говоря о молодых, старики и старухи, которые круглый почти год не оставляли печки, и те кое-как выползали на свет Божий, хоть глазком взглянуть на гуляющих, вспомнить своё давно прошедшее времечко, когда и они в свою пору гуляли, веселились. Седые старики, усевшись где-нибудь на припёке красного солнышка, и смотря на гуляющих, покачивали головами, рассуждая между собой, что *«заморская-де мода, проклятая, портит всё, зóром зорíт⁴³ отцов и мужей, а на что? — на тряпки. То ли дело сарафан парчевóй, кокошник, фéрезы⁴⁴, — а парча-то? Как кол, износует ей нет. А нонче что? Сегодня поноси, а завтра и броси»*.

Вся гуляющая публика медленно, гурьбами, двигалась к заруцкому мосту и, перейдя оный, шла задней же улицей; пройдя один квартал останавливались на проулке, где также стояли кóзлы, была повешена качель, а на середине проулка на зелёной лужайке стояли девушки в полукруге. Здесь, однако, их было поменьше, чем в Заручье, но они так же точно веселились, как и там, пели песни, играли хороводами. Вечер ещё не наступил, время стояло хорошее, почему гуляющих и здесь скопилось не меньше же. Перед девушками ходил молодец взад и вперед, а они пели следующую песню:

Как под лесом под черным —
Шёлкова — трава,
Ой-ли, ой-ли, ой-люшеньки —
Шёлкова — трава.

⁴² Новая улица.

⁴³ То есть разоряет, грабит.

⁴⁴ Фёрязь — старинная русская одежда (мужская и женская) с длинными рукавами, без воротника и перехвата.

По той травке — по муравке —
Донской казачок,
Ой-ли, ой-ли, ой-люшеньки —
Донской казачок.

Донской ямской казаченцо
На скрипке играл;
Ой-ли, ой-ли, ой-люшеньки —
На скрипке играл.

Глядел, смотрел казаченко —
Невесту себе, —
Ой-ли, ой-ли, ой-люшеньки —
Невесту себе.

Хорошая, пригожая —
Пойди за меня,
Ой-ли, ой-ли, ой-люшеньки —
Пойди за меня.

Не пойдёшь ты успокаешься —
Вспоманешь меня;
Ой-ли, ой-ли, ой-люшеньки —
Вспоманешь меня.

Молодец выбирал из числа девушек одну себе в невесты,
кланялся ей и просил, чтобы она за него пошла, но:

Идти было к соседушкам —
Спросить про тебя,
Ой-ли, ой-ли, ой-люшеньки —
Спросить про тебя,

Соседушки собратушки —
Каков человек?

Ой-ли, ой-ли, ой-люшеньки —
Каков человек?
Соседушки собратушки—
Не хвалят тебя;
Ой-ли, ой-ли, ой-люшеньки—
Не хвалят тебя.

Он объявлял выбранной было себе в невесты приговор соседей и:

Спасибо вам соседушкам —
Не женили меня.
Ой-ли, ой-ли, ой-люшеньки —
Не женили меня.

Потом эту же песню поют сначала. Молодец выбирает себе другую невесту и после спроса о ней соседей поют:

Соседушки собратушки —
Схвалили тебя;
Ой-ли, ой-ли, ой-люшеньки —
Схвалили тебя.

Молодец берёт девушку-невесту за платок и обходит с ней вокруг хоровода, между тем девушки поют:

Спасибо вам соседушки —
Женили меня.
Ой-ли, ой-ли, ой-люшеньки —
Женили меня.

При выборе невесты наблюдалось, чтобы сначала выбрать невесту девушку побогаче и собой получше, а другую выбирать из бедненьких.

После этой песни девушки советовались между собой, какую бы начать петь песню: к ним подошла молодая женщина, сказа-

ла им что-то и отошла прочь. Девушки опять начали говорить что-то и смеялись, потом встали в плотной круг; одна из них стояла в середине круга. Она приняла на себя вид печальный, наклонила голову немного на сторону, подпёрла её левой рукой и стала ходить по кругу медленно. Девушки запели:

Выдала матушка —
За старого замуж меня, — [2]
Ох старость, ох старость —
Печаль со кручиною; — [2]

Как-то мне, как-то мне —
Про старого постелю⁴⁵ стлать, — [2]
Эдак вот эдак, —
Про старого постелю стлать, — [2]

Девушка кое-как смяла свой платок и бросила его на траву:

Как-то мне, как-то мне —
Про старого сго́ловье⁴⁶ класть, — [2]
Эдак вот эдак, —
Про старого сго́ловье класть, — [2]

Она взяла другой платок, скомкала его и также бросила на траву. Публика, не видя этого действия в плотно сжатом кругу девушек, вся подвинулась к самому кругу и обступила его кругом.

Как-то мне, как-то мне —
Старого одевать будет; — [2]
Эдак вот эдак, —
Старова одевать будет.

Девушка также бросила и третий платок. Несколько пого-

⁴⁵ Постеля — соломенный матрац.

⁴⁶ Сго́ловье — подушка в ширину кровати.

дя, она подняла платки с земли и, когда запели песню сначала, она стала казаться весёлой.

Выдал меня батюшка
За молодого замуж меня [2]
Ой младость, ой младость
Веселье со радостью [2]

Как-то мне, как-то мне
Про молодого постелю стлать [2]
Эдак вот эдак
Про молодого постелю стлать [2]

Девушка хорошо сложила платок и разостлала его по траве.

Как-то мне, как-то мне
Про молодого сголовье класть [2]
Эдак вот эдак
Про молодого сголовье класть [2]

Другой платок она сложила в виде сголовья и хорошо-хонько положила его на первой платок.

Как-то мне, как-то мне
Младого одевать будет [2]
Эдак вот эдак
Младого одевать будет [2]

Третьим платком, как одеялом, девушка покрыла постелю. Молодые мужчины, находящиеся в числе зрителей, тихонько подталкивали под бока тех, которые были постарше их, а особенно досталось от них одному холостому, не молодому уже, молодцу. Похохотавши и пошутивши приличным образом, гуляющие пошли далее по той же улице.

На втором проулке было последнее гулянье: здесь козлы

были поставлены в конце проулка, к набережной улице. На этом гулянье девушек было ещё меньше, но они, по обыкновению, занимались такими же играми. Несмотря на то, что здесь девушек было меньше, гуляющие все пришли и на это гулянье по той причине, что тут одна девушка имела удивительный голос. Бывало, слушаешь и не наслушаешься её простого, но привлекательно-приятного напева: это-то и завлекало многих послушать её.

Когда подходила публика, девушки пели зорю. Действие хоровода было простое: вставши в круг и взявшись за платки, все ходили в которую-нибудь сторону по направлению круга, потом, когда вздумается, оборачивались и ходили в другую сторону. Вот что они пели:

Зоря, зоря моя —
Зоря вечерняя,
Игра весёлая.
Лишь только зоря взошла,
Лишь только игра пошла,
Лишь только разыгрались,
Свекровь домой кличет.
Свекрови не слушалась,
Домой не ходила,
Игры не портила.

Зоря, зоря моя —
Зоря вечерняя,
Игра весёлая.
Лишь только зоря взошла,
Лишь только игра пошла,
Лишь только разыгрались,
Свёкор домой кличет.
Свёкра не слушалась,
Домой не ходила,
Игры не портила.

Зоря, зоря моя —
Зоря вечерняя,
Игра весёлая.
Лишь только зоря взошла,
Лишь только игра пошла,
Лишь только разыгрались,
Млáда⁴⁷ домой кличет.
Млáды послушалась,
Домой уходила,
Игру испортила.

Солнце село и по зоре нежный, приятный голос девушки далеко разливался по воздуху. Все невольно заслушались, но было уже время идти по домам. На берегу по лавочкам, там и сям, догуливали вечер мужчины. И в самом деле, было чем полюбоваться: большое озеро широко разлившейся реки Мологи при такой ясной погоде, как в зеркале, ясно отражало в себе виды окрестных сёл с церквями, а Афанасьевского монастыря — ещё лучше. На месте Мологского луга местами показывались островки, окаймлённые ещё прутиками будущих кустов. Картина привлекательная, особенно если вспомнить, как за несколько дней прежде это озеро, раздуваемое сильным восточным ветром, страшно бушевало и своими буровато-синими волнами, с белой пеной на хребтах, сильно хлестало о берег, подмывая его, а он, песчаный, от собственной тяжести, подмытый снизу, большими глыбами валился в реку. Да, тогда была другая картина!

Так кончился первый день праздника. Во второй день те же гости, то же угощение, а к вечеру то же гулянье вышеописанным порядком и почти в тех же хороших нарядах. На третий день в гости ходят уже мало, а к вечеру гулянье в подхороших платьях. На четвёртый день и во всю неделю девушки гуляют только на своих гуляньях, занимаясь с молодцами разными играми.

⁴⁷ Млáда — молодая девушка.

Николин день 9 мая⁴⁸

В Мологе есть два бульвара, расположенные по берегу реки Волги: один из них имеет фигуру продолговатого квадрата, обсаженного по бокам аллеями из берёз; в четырёх внутренних углах его сделаны высокие клумбы для цветов; почти посредине бульвара протекал небольшой ручеёк, чрез который со стороны берега перекинут лёгкий мостик. По одну сторону ручья выстроены каменный и деревянные амбары, а по другую сторону — качель.

Другой бульвар, отделяется от первого большой Петербургской почтовой дорогой, идущей от волгского⁴⁹ перевоза. Этот второй бульвар имеет фигуру продолговатого треугольника, кругом обсаженного аллеей из берёз, а его внутренность — рощей из тех же берёз с фантастически-извитыми дорожками внутри. На середине этого бульвара, на квадратной площадке — качель, игра в кольцо и кегельная игра. В описываемое мной время оба бульвара содержались в исправности: палисадники кругом, в приличных местах лавочки, качели, всё было исправно и выкрашено зелёной краской. Дорожки по аллеям и в роще были вычищены и усыпаны песком. Нередко квартирующие в Мологе армейские полки веселили на бульварах многочисленную в то время гуляющую публику.

В Воскресенском соборе есть придел во имя Св. Николая Чудотворца, где 9 мая храмовой праздник. Городские жители в этот день иногда зовут к себе середских⁵⁰ и заруцких своих родных в гости, на обед или чай.

Почти с половины дня, девушки, на всех гуляньях, по всему городу, гуляют у качелей в подхороших платьях, а после

⁴⁸ Николин день (Никола Вешний) — народное название церковного праздника 9 (22) мая в память перенесения мощей святителя Николая Чудотворца в итальянский город Бари (1087 г.).

⁴⁹ Так в тексте.

⁵⁰ То есть жителей Среднего (Вознесенского) посада, составлявшего центральную часть города Мологи.

вечерен, часу в седьмом, идут домой переодеваться в лучшие наряды. Потом, в сопровождении молодой женщины или двух, нарочно для того приглашённых, отправляются гулять на бульвар. В гулянье на бульваре участвуют все сословия жителей города.

Главное гулянье бывает на первом бульваре, а второй служит для развлечения и отдохновения, где можно стереть пыль и пот со своего лица и поправить свои наряды. Иногда на аллеях первого бульвара бывает тесно от большого стечения публики, лавочек для отдохновения не достаёт и рад-рад бывает тот счастливец, которому удастся занять только что оставленное место. Некоторые из дворян и богатое купечество, мужчины, погулявши со своими семействами на первом бульваре, отправлялись на второй бульвар повеселиться другим образом. Здесь, как сказано выше, качель, игра в кольцо и игра в кегли. Между тем, время идёт своим чередом. Девушки начинают напоминать своим провожатым тётенькам, что пора идти на свои гулянья. Тётеньки, нехотя, расстаются с бульваром и идут с ними. Перед сумерками почти вся бульварная публика идёт пройтись по улицам города и на пути заходит на каждое гулянье, где девушки, в ожидании её, играют хороводами.

Точно в таком же виде гулянья на бульваре, по улицам и проулкам, происходят в продолжении всей весны по праздникам. О семике⁵¹ моложане не имеют понятия, он для них не существует. В Троицын день на бульваре гуляют не много, а в Духов день — и в последнее воскресенье, в день Всех Святых, как в дни заключительные всех весенних праздников и, в особенности, гулянья на бульваре, гулянья на нём бывают очень многолюдны: всякий, как будто, спешит в последний раз надышаться весенним воздухом и нагуляться досыта.

⁵¹ Семик (Русалчин Велик день, Троица умерших) отмечается на седьмой четверг после Пасхи, за три дня до Троицы (11 июня). Отличительной чертой Семика было поминовение «заложных» покойников (т. е. умерших неестественной смертью и не получивших успокоения).

Ерши⁵²

Накануне Троицына дня, а иногда и в этот день, по утру рано, мологские жители отправлялись в лес и, нарубив там молодых берёзок, ставили их против своих домов, так что в этот день почти весь город превращался в зелёный бульвар. В Духов день после гулянья на бульваре, по улицам и на гуляньях, вышеописанным образом, все спешили домой поужинать; после ужина опять отправлялись гулять. В это время главные гулянья сосредоточивались больше около центра города, а так как городские девушки гостили в Заручье Борисовскую неделю, то на это время середские и заручские девушки приглашались своими родственниками гостить в город на всю ершовую неделю. С самого начала ночного гулянья мальчишки наломают сучьев от берёз, наплетут из них линьков⁵³ и начнут ими хлестать друг друга, приговаривая: — *Ерши-солоны, Ерши-солоны!* Что это за *ерши*? и притом — *солоны*? Почему имя ершей солёных не услышишь целый год ни в какое другое время, кроме одной этой недели, которая поэтому и называется ершовой неделей. На этой же неделе слышатся в припевах песен имена древних славянских богов — *дида, лады*.

В эту первую ночь гуляющая публика состоит из всех тех же лиц, званий и состояний, которые гуляют на бульваре. Ночью, особенно когда благоприятствует погода, так же как днём, улицы бывают полны народом. Старикам и старухам не спится, глядя на молодых. Хоть в окно поглядеть или у ворот посидеть, а надо. Девушки в ожидании к себе гуляющих, после песни зори, которую они пред тем играли, чтобы привлечь публику и показать своё большое гулянье.

На другой улице начинают вить хмель. Для этого они встают в большой, по возможности, круг, пригласив к себе в

⁵² Ершова неделя (ерши) — простонародное название недели после дня Святой Троицы.

⁵³ Линёк — короткий жгут.

игру молодцев и молодых женщин: они берутся, по обыкновению, за платки, наблюдая, притом, чтобы количество лиц, составляющих хоровод, было чётное. Одна пара, которая должна начать игру, назовём её первой парой, должна находиться посреди проулка к стороне улицы: потом считают хоровод попарно, чтобы по обе стороны первой пары было одинаковое число пар, и таким образом найдётся другая пара, противоположная первой паре. Эта вторая пара поднимает свой платок кверху, делая воротца; девушки начинают петь песню, а первая пара, ведя за собой хоровод, проходит в растворённые воротца и идёт вдоль проулка до тех пор, пока весь хоровод пройдёт в воротца. Тогда первая пара останавливается, поднимает свой платок и вторая пара, в свою очередь, проходит под поднятый платок первой пары, ведя за собой хоровод и так далее... Девушки поют:

За рекою хмель, хмель,
За быстрой ярой;
Перевейся яр хмель
На мою сторонку.
На моей-ли на сторонке —
Большое приволье,
Что большое-то приволье —
Луга зелёные,
Луга, луга зелёные,
Травы шёлковые.
Нащиплю я хмелю,
Хмелю ярового,
Наварю я пива,
Пива молодого.
Накурю я вина,
Вина зелёного.
Позову я гостя,
Гостя дорогого;
Гостя, гостя дорогого —

Батюшку родного.
Что не долго гостик гостит,
Одну ночь ночует,
Одну ноченьку ночует,
И ту протоскует.
Под окошком спать ложится,
Окно открывает;
Окошечко открывает,
Сам свету желает,
А что долго свету нет,
А что не светает.

Потом начинают эту же песню петь сначала, изменяя её смысл в конце так:

Позову я гостью,
Гостью дорогую;
Гостью, гостью дорогую —
Матушку родную.
Что недолго гостя гостит. (И т. д.)

Песню эту продолжают петь и водят хоровод вдоль проулка на такое расстояние, какое рассудится пройти; переходят другую улицу и потом таким же образом возвращаются назад к своему гулянью.

В продолжение этой игры взрослых девушек, в их отсутствие, оставшиеся на гулянье девушки-подростки заступили место взрослых. Они, подражая им во всём, играли хороводами, а когда собралась публика, стали конфузиться, то и дело мешались в игре и тем довольно посмешили гуляющих. Возвратившиеся на гулянье взрослые девушки тотчас начали другую игру. Они встали в круг, в середине которого села на траву на корточки девушка, и запели:

Как под дубом, под сырым,
Калина-малина,
Сидит девка, как ягодка,
Калина-малина,
Плетёт пояс семи шелков,
Калина-малина,
Семи шелков, разных цветов;
Калина-малина;
Не столь плетёт, сколько плачет,
Калина-малина.
Кому-то я достанусь?
Калина-малина.
Досталась я старому,
Калина-малина,
Он стар, добре, не ровня мне,
Калина-малина.

Потом начинали петь эту песню сначала, со следующим изменением её смысла в конце:

Кому-то я достанусь?
Калина-малина,
Досталась я младому,
Калина-малина,
Он млад, добре, не ровня мне,
Калина-малина.

В третий раз начинали петь эту же песню сначала, и кончали её так:

Досталась я ровнюшке,
Калина-малина,
Он ровня мне, с ним весело,
Калина-малина.

Вслед за этой песней девушки попросили одного молодца

о чём-то. Тот, по-видимому, согласился с ними, и они запели следующую песню:

Я поеду во город,
Ой, дидо-лада моя,
Я куплю жене подарок,
Ой, дидо-лада моя.

Молодец обошёл кругом круг девушек, в котором посередине стояла девушка. Она держала себя в отношении к нему так, чтобы стоять к нему спиной.

Я подарочек ленту, —
Ой, дидо-лада моя.
И я ленту жемчужну,
Ой, дидо-лада моя;
Вы растворятся воротца.

Молодец раздвигает девушек:

Ой, дидо-лада моя,
Вы растворитесь пошире,
Ой, дидо-лада моя.

Ещё раздвигает и входит в круг:

Ты изволь жена принять,
Ой, дидо-лада моя.

Кладёт девушке-жене платок на правое плечо, она берёт платок и бросает его через левое плечо ему обратно, а он заявляет о таком поступке жены соседям:

Посмотрите-ко соседи,
Ой, дидо-лада моя,

Как жена мужа не любит,
Ой, дидо-лада моя,
Душа свет ненавидит.
Ой, дидо-лада моя.
Я поеду во город,
Ой, дидо-лада моя,
Я куплю жене подарок,
Ой, дидо-лада моя,
Я подарочек — серьги,
Ой, дидо-лада моя, —
И я серьги жемчужны,
Ой, дидо-лада моя;
Вы растворятся воротцы,
Ой, дидо-лада моя,
Ты прими жена подарок,
Ой, дидо-лада моя,
Ты подарочек серьги,
Ой, дидо-лада моя.

Молодец делает тоже, отдаёт жене подарок, она не принимает его и бросает через плечо ему обратно:

Посмотрите-ко соседи,
Ой, дидо-лада моя,
Как жена мужа не любит,
Ой, дидо-лада моя,
Душа свет ненавидит,
Ой, дидо-лада моя.
Я поеду во город,
Ой, дидо-лада моя,
Я куплю жене подарок,
Ой, дидо-лада моя,
Я подарочек шубку,
Ой, дидо-лада моя,
И я шубку глазетову,

Ой, дидо-лада моя.
Вы растворитесь воротцы,
Ой, дидо-лада моя,
Ты прими жена подарок,
Ой, дидо-лада моя,
Ты подарочек шубку,
Ой, дидо-лада моя.
Посмотрите-ко соседи,
Ой, дидо-лада моя,
Как жена мужа не любит,
Ой, дидо-лада моя,
Душа свет ненавидит,
Ой, дидо-лада моя.
Я поеду во город,
Ой, дидо-лада моя,
Я куплю жене подарок,
Ой, дидо-лада моя,
Я подарок башмачки,
Ой, дидо-лада моя,
Я башмачки сафьяны.
Ой, дидо-лада моя.
Вы растворятся воротцы,
Ой, дидо-лада моя,
Ты прими жена подарок,
Ой, дидо-лада моя,
Ты подарок башмачки,
Ой, дидо-лада моя:
Посмотрите-ко соседи,
Ой, дидо-лада моя,
Как жена мужа не любит,
Ой, дидо-лада моя,
Душа свет ненавидит,
Ой, дидо-лада моя.
Я поеду во город,
Ой, дидо-лада моя,

Я куплю жене подарок,
Ой, дидо-лада моя,
Я подарочек плётку,
Ой, дидо-лада моя,
И я плётку шёлкову,
Ой, дидо-лада моя.

Молодец свивает платок жгутиком: девица, жена его, услышавши намерение мужа, оборачивается к нему лицом, сама растворяет ворота и встречает мужа:

Вы раствортесе воротцы,
Ой, дидо-лада моя,
Вы раствортесе пошире,
Ой, дидо-лада моя,
Ты взойди сударь во город.
Ой, дидо-лада моя.
Подойди жена поближе,
Ой, дидо-лада моя,
Поклонись ты мне пониже,
Ой, дидо-лада моя,
Ты прими жена подарок,
Ой, дидо-лада моя.

Молодец ударяет девушку жгутиком по плечу несколько раз.

Ты подарочек плётку,
Ой, дидо-лада моя,
И ты плётку шёлкову.
Ой, дидо-лада моя.
Посмотрите-ко соседи,
Ой, дидо-лада моя,
Как жена мужа любит,
Ой, дидо-лада моя,
Душа свет приголубит.

Не очень-то было приятно слушать эту песню молодым женщинам, находившимся в числе зрителей со своими мужьями, недавно приехавшими из Питера⁵⁴, а пожилые мещане, сидевшие у забора на бревне, рассуждали вслух, прибавляя к содержанию песни свои замечания: *«Что-де в старину, не то что нонче, жена при муже не смела сделать со двора шагу, а нонче-де, последние времена, не только жёны — дети худо слушают своих отцов»*.

Ясная светлая зоря, простирающаяся до половины неба. Тихая, тёплая ночь этого дня; везде гуляющие люди. Их весёлый говор невольно удерживал на улице всех, даже пожилых людей, посмотреть на резвую молодёжь. На прогулке было почти тесно — столько собралось гуляющих. Зато миллионы комаров, распеваящих свои песни, принуждали каждого не выпускать из рук платки или зелёную ветку. Долго стоять на одном месте было невозможно, да к тому же была пора идти на другое гулянье.

На другом гулянье ребяташки, надёргав по улицам берёзок, разукрасили ими козлы качели. Наверху в оба козла воткнули по большой берёзке. В верёвочные связки козёл кругом натыкали маленьких. Около качели наставили тоже берёзок, наплели венков себе на головы, наделали линьков и, крича во все голоса «ерши-солоны», бегали кругом качели, хлестались линьками. Крик их скоро был прекращён подошедшим к ним мужчиной, у которого в руках был настоящий линёк — ёрш.

В это время девушки играли в безмолвную игру столбиками, потом стали играть парами под голос песни. Они встали в круг, в шесть пар, так что каждая пара имела против себя другую пару; каждая пара в такт песни доходила до противо-

⁵⁴ Имеются в виду отходники. Отходничество — временный уход крестьян из мест постоянного жительства в города и на сельскохозяйственные работы в другие местности. Это явление затронуло не только крестьянское, но и городское население России, было характерной чертой развития губерний Нечерноземья, начиная с конца XVIII в.

положной пары и возвращалась назад. В припевах песни они не ходили — стояли.

Как на горке дубик-дубик,
Как на горке дубик-дубик —
Белая берёза,
Белая берёза,
Как подле этой берёзы,
Как подле этой берёзы,
Речка протекала,
Речка протекала,
Речка-речка глубокая,
Речка-речка глубокая,
Вода холодная;
Вода холодная
Мне нельзя воды испити,
Мне нельзя воды испити,
Нельзя почерпнути,
Нельзя почерпнути.
Мне нельзя жены побити,
Мне нельзя жены побити.
Нельзя поучити,
Нельзя поучити,
Уж я бил жену денёчек,
Уж я бил жену денёчек,
Сам плакал недельку,
Сам плакал недельку.
Как во новом-городе,
Как во новом-городе,
Во трубы трубили,
Во трубы трубили,
Что во трубонькп трубили,
Что во трубонькп трубили,
Указы читали,
Указы читали;

Кому деньги, кому платье,
Кому деньги, кому платье,
Кому красна девка,
Кому красна девка.

Продолжая также игру парами, девушки запели на тот же голос другую песню:

Не летай соловей [2]
По долине, [2]
Ты не вей гнезда [2]
При осине, [2]
А ты свей гнездо, [2]
При тереме; [2]
Клала в шапку,
Клала в шапку соболиную,
Милу дружку,
Милу дружку во подушечку.
Где ни взялся,
Где ни взялся доброй молодец душа.
Бог на помочь,
Бог на помочь красна девица душа;
Тебе брать перье,
Те брать перье лебединое;
Тебе класть в шапку,
Те класть в шапку соболиную.
Спесивая,
Спесивая-горделивая;
Горделивая,
Горделива, непоклонливая;
Грозил парень,
Грозил парень красной девице душе,
Авось девушка,
Авось девушка успокаешься;
Стоять будешь,

Стоять будешь у кроваточки,
Знобить будешь,
Знобить будешь ноги скорыя;
Ронить будешь,
Ронить будешь горячи слёзы из глаз.
Не узнала я,
Не узнала я, что ты сударь идёшь;
А я думала,
А я думала, прохожий молодец.

После этой песни девушки вздумали просеять просо. Они вместе с молодцами разделились на две части, и каждая встала в две линии друг против друга, на расстоянии шагов 8–10 друг от дружки. Они встали так, что между каждой парой девушек находился молодец, по одинаковому числу в каждой шеренге. Песню пели поочерёдно, отвечая друг дружке. Первая шеренга начинала:

А мы просо сеяли-сеяли,
Ой, люшеньки, сеяли-сеяли.

Во время пения первая шеренга доходила до противоположной шеренги и возвращалась назад на прежнее своё место; вторая шеренга, отвечая ей, также доходила до неё и возвращалась на своё место.

А мы просо вытопчем-вытопчем,
Ой, люшеньки, вытопчем-вытопчем;
А чем же вам вытоптать-вытоптать?
Ой, люшеньки, вытоптать-вытоптать?
А мы коней запустим-запустим,
Ой, люшеньки, запустим-запустим;
А мы коней изловим-изловим,
Ой, люшеньки, изловим-изловим;
А мы коней выкупим-выкупим,

Ой, люшеньки, выкупим-выкупим;
А чем же вам выкупить-выкупить?
Ой, люшеньки, выкупить-выкупить?
А мы дадим сто рублей — сто рублей,
Ой, люшеньки, сто рублей — сто рублей;
Не надо нам сто рублей — сто рублей,
Ой, люшеньки, сто рублей — сто рублей;
А мы дадим тысячу-тысячу,
Ой, люшеньки, тысячу-тысячу;
Не надо нам тысячи-тысячи,
Ой, люшеньки, тысячи-тысячи;
А мы дадим девицу-девицу,
Ой, люшеньки, девицу-девицу;
Нам девица надобна-надобна,
Ой, люшеньки, надобна-надобна;
А мы дадим глупую-глупую,
Ой, люшеньки, глупую-глупую;
Не надо нам глупую-глупую,
Ой, люшеньки, глупую-глупую;
А что же вам надобно-надобно?
Ой, люшеньки, надобно-надобно?
А надо нам молодца-молодца,
Ой, люшеньки, молодца-молодца;
Дадим мы и молодца-молодца;
Ой, люшеньки, молодца-молодца.

И молодец из второй переходит в первую шеренгу, песню поют сначала, только уже начинает петь вторая шеренга, кончая так:

А нам девица надобна-надобна;
Ой, люшеньки, надобна-надобна.

Девушка из первой шеренги переходит во вторую. Песню поют до тех пор, пока все молодцы из второй шеренги перей-

дут в первую, а девицы из первой шеренги, все, перейдут во вторую шеренгу и первая шеренга будет состоять вся из одних молодцев, а вторая — из одних девиц. Таким-то образом и просеяно просо. Теперь, в заключение, первая шеренга — молодцы — поют:

А мы пили, выпили-выпили,
Ой, люшеньки, выпили-выпили.

Девицы отвечают:

А мы пили, пропили-пропили,
Ой, люшеньки, пропили-пропили.

Девушки поговорили что-то с молодцами, потом встали в полкруга, а один молодец стал ходить взад и вперёд против них, прочие молодцы отошли прочь. Девушки запели:

Как по травке — по муравке,
Ой-ли, люли, по муравке,
По лазоревым цветочкам,
Ой-ли, люли, по цветочкам,
Как ходил, гулял молодчик,
Ой-ли, люли, да молодчик,
Что молодчик-подгорóдчик⁵⁵,
Ой-ли, люли, подгорóдчик,
Манил девушку за воротца,
Ой-ли, люли, за воротца,
За воротца побороться.
Ой-ли, люли, побороться.

Одна девушка вышла из хоровода и подошла к молодцу:

⁵⁵ Подгорóдчик — житель пригорода.

Девнца молодцу говорила,
Ой-ли, люли, говорила,
Я тебя молодец обещешу,
Ой-ли, люли, обещешу,
При всем мире — при народе,
Ой-ли, люли, при народе,
При девичьем хороводе.
Ой-ли, люли, хороводе.
Девнца молодца поборола,
Ой-ли, люли, поборола,
Чёрную шляпу с кудрей сшибла,
Ой-ли, люли, с кудрей сшибла.

Девушка снимает с молодца шляпу и ставит её на землю,
далее действует по смыслу песни:

Русые кудри столочи́ла⁵⁶,
Ой-ли, люли, столочи́ла,
Рубашечку изорвала,
Ой-ли, люли, изорвала,
А кафтанчик замарала.
Ой-ли, люли, замарала,
Пошёл молодец не весел,
Ой-ли, люли, да не весел,
Буйную голову повесил;
Ой-ли, люли, да повесил.
Уж ты матушка родима,
Ой-ли, люли, да родима,
Почто на горе родила,
Ой-ли, люли, да родила,
Малой силой наделила,
Ой-ли, люли, наделила;
В хоровод гулять опустила,
Ой-ли, люли, опустила.

⁵⁶ Столочи́ть — измять, спутать.

Девнца молодца ворочала,
Ой-ли, люли, ворочала,
Воротись душа молодчик,
Ой-ли, люли, да молодчик;
Я могу горю пособити,
Ой-ли, люли, пособити,
Черную шляпу приподняти,
Ой-ли, люли, приподняти,
Черные кудри причесати,
Ой-ли, люли, причесати,
Рубашечку призашити,
Ой-ли, люли, призашити,
А кафтанчик призаचितить;
Ой-ли, люли, призаचितить.

Далеко за полночь, когда румяная зоря начала светлеть более на месте восхода солнца, и воздух приметно стал свежеть, гуляющая публика начала расходиться по домам. На улицах становилось всё тише и тише, но весёлые песни девичьих голосов ещё не думали умолкать. То с той, то с другой стороны, может быть, с десяти гуляний, в тиши, напевы становились слышнее и слышнее. Только с восходом солнца, когда пастух начинает выигрывать свои трели, девушки, усталые, бегут домой. Это — первое ночное гулянье *ершей*. На другой, на третий и на следующие затем дни, днём гуляющих очень мало, а на девичьих гуляньях и никого нет, но лишь только закатится солнце, девушки, одетые, выходят на свои гулянья, и мало-помалу улицы опять наполняются народом. Те же хороводы, песни, идут своим чередом. Так продолжается во всю неделю с тем только несколько приметным различием, что к концу недели гулянья становятся постепенно малолюднее и малолюднее.

Последнее *ершово* гулянье бывает с воскресенья. Днём гулянье на бульваре бывает многолюдно как последнее; ночью же, пожалуй, можно сказать, что ещё многолюднее, потому что всякой спешит посмотреть в последний раз, взглянуть на пу-

блику, одетую в лучшие свои наряды, погулять и проститься с весёлыми весенними удовольствиями. Девушки, в эту последнюю ночь, стараются, сколько можно лучше, позабавить публику, устраивая хоровод за хороводом. Песни, конечно, всё те же вышеописанные, но какое-то общее настроение духа, многолюдность, общее удовольствие, делают эту ночь особенно привлекательной и долго после вспоминается она в разговорах о гулянье. В самом деле, как не прийти на мысль всем минувшим удовольствиям, когда вслед за ними наступят постные, унылые дни и, после весёлого говора и многолюдства, повсюду настанёт мёртвая тишина. У нас, моложан, такое уж обыкновение, что после этой весёлой ночи бывает тоже самое, что в других местах бывает после последнего дня масленицы.

Бывало, вечером подсядешь к артели стариков, да и послушаешь: толкуют себе всё одно и тоже — что в старину то ли было. Да что же такое было? Послушаем: *«У нас, — говорили они — до того не шатались эдак по улицам, не топтали башмаков даром, нет. У нас, до того, девки не смели так вольничать на гуляньях, нет; у нас они гуляли не одни, как теперь, а с бабами с молодыми, которые тут же играли и пели вместе с ними, от того-то и гулянья те, до того, были уж истинно настоящие гулянья, как запоют так — из посада в посад слышно. А парни те не смели, до того, подойти так близко к девкам-то, постоят, посмотрят издали. А нонче что? Чуть не целуются с девками при всех — срам!»*.

Старики говорили правду, молодые женщины участвовали везде в гуляньях с девушками, это видно по смыслу старых песен. Послушаем ещё. *«А мы, — говорили они, — в те поры были молодые, да уж женатые, посмотрим, посмотрим на гулянье-то да и скажем, а что братцы, давайко-те и мы играть как-нибудь? Увидим, парнишки играют шляками, давай и мы играть: а до того всё больше шляками-то играли у старой церкви либо у соляного амбара: тут подойдёт ещё наш брат, шляков нанесут много, вот и пойдёт игра: как разыграются бывало, — ужина не надо»*.

Да, поверишь старикам, всё это точно бывало в своё время, но всё и изменяется со временем. На нашей памяти много изменилось. В настоящее время в большие, описанные выше, праздники, в Борисов день и ерши, гуляют, да не как прежде: в гости зовут же, но меньше, и угощение стало экономнее. Гулянья продолжаются не всю неделю, а много дня четыре. Даже в первый день гуляют, едва-ли не втрое меньше прежнего. Бульвар оставлен вовсе, но, кажется, потому больше, что гулять на нём почти нет возможности: вместо гладких дорожек — корни поперёк их, лавочек нет, а о прочем и говорить нечего. Вторым бульваром вполне владеют грачи.

На ершовой неделе по ночам тоже гуляют мало, а если, когда услышишь, запоют старинную песню, так и не узнаешь её: древние, непонятные для простых людей, слова, заменены новыми, например: вместо *ой, дидо-лада моя*, поют *ой, дево-люли, млада моя*, и проч.

Да кому нонче и гулять-то? Широким кринолинам, шляпкам и бурнусам вовсе не под стать качели и хороводы. Петь песни тоже неприлично; да и для чего надрывать свою грудь, когда есть музыка, состоящая из двух скрипок, гитары и гармонии. Без нот, конечно, да что за дело, весело и довольно. По зелёному лужку прогулка, как по ковру, хорошо танцевать и кадрили, и польки, и всё — до песен-ли тут? А, пожалуй, ещё какой-нибудь молодец-проказник без церемоний, как водится, подойдёт, да и скажет: «*Ну-ко, Маша, полно горло-то драть, пойдём танцевать*».

Опять помянешь стариков. Посмотрели бы они теперь на наши гулянья, уж верно покачали бы головой — и с сожалением посмотрели бы не на девушек, а на их башмаки. Кóзлы по проулкам редко где ставятся, зато резкий контраст при переходе с последнего ершова гулянья на Петров пост постепенно сглаживается. Гулять предпочитают лучше к вечерку, пользуясь хорошей погодой, даже и по будням.

Отдел II

Летние праздники и гулянья

Петров пост, или Петровки⁵⁷

Первая неделя Петрова поста в Мологе проходит как-то вяло, скучно, начиная с торговцев, которые в ершовую неделю, в ожидании ранних покупателей и покупательниц для заговенья⁵⁸, отпирали свои лавки рано. А теперь кого ждать? — отпирают их поздно. Промысловые и рабочие люди, после весёлого заговенья, идут на свои промыслы приметно нехотя, не торопясь: они ещё не разгулялись, не размялись. Девушки и молодые женщины высыпаются после нескольких проведённых без сна ночей, а если некоторые встанут пораньше, то, встретившись с соседкой у колодца, долго-долго разговаривают между собой о прошедших гуляньях и удовольствиях. Только в одних питейных домах первые дни после заговенья — торговля; говор и даже песни слышатся там утром рано. Так проходит первая неделя поста.

Во вторую неделю и в следующие за тем молодежь мало-помалу, как будто, свыкается с новой жизнью и делается веселее. Всё приходит в прежний порядок. Во весь Петров пост, в праздники, не бывает гуляний, песен не поют, а для развлечения середские и заруцкие девушки переезжают реку Мологу и на Мологском лугу гуляют, резвятся и щиплют щавель.

Петров день 29 июня

С Петрова дня начинаются гулянья. В этот первый день,

⁵⁷ Петров пост (Петровки) — пост в память о святых апостолах Петре и Павле. Начинается через неделю после Дня Святой Троицы, в понедельник, после девятого воскресения по Пасхе, а заканчивается накануне Дня Петра и Павла 29 июня (12 июля).

⁵⁸ Заговенье — последний день перед длительным постом, когда ещё можно употреблять скоромную пищу (животного происхождения).

как день рѳзговенья⁵⁹, мологские жители оживляются; на улицах там и сям видны гуляющие женщины: они, собравшись у ворот чьего-либо дома, сидят на лавочках, занимаясь обыкновенными бабьими разговорами. Мужчины выходят на берег или, сидя где-нибудь, разговаривают о судопромышленности, о ценах на ржаную муку и прочих съестных предметов, так как к этому дню многие низовые суда уже приходят к Рыбинску. Начинается продажа хлеба и цены устанавливаются.

Нужно заметить, что мологские мещане, мужчины, по большей части живут на стороне, в Петербурге и частью в других городах у хозяев, в Мологу же приезжают через два и три года только побывать дома, а судопромышленники со своими лодками отлучаются из Мологи на одно лето. Поэтому в летнюю пору в городе остаются только постоянные торговцы, мастеровые, некоторые из чернорабочих, старики и молодцы, приехавшие из Питера побывать дома.

По проулкам города, около качелей, гуляют девушки. Но эти гулянья теперь бывают вовсе не похожи на весенние. О бульваре никто не думает, он забывается до будущей весны. Бывало, со стороны полиции принимались меры, чтобы заставить девушек гулять в это время на бульваре: роняли кѳзлы, грозились вовсе прекратить гулянья по проулкам. Полицейские солдаты с палками в руках обходили весь город, приказывая идти гулять на бульвар, но и это не помогло. Солдатам отвечали: скажи городничему, пусть он всем девушкам сошьѳт по башмакам, тогда они пойдут гулять на бульвар.

Как по значению праздников, так и по времени года, не одеваются уже в хорошие наряды, не ходят гурьбами с гулянья на гулянье и не играют хороводами: теперь или поют песни, качаясь на качелях, или играют огнѳм, парами или столбиками — и только.

На качелях песни поются все те, которые можно найти в любом песеннике, например: «Возле речки, возле мѳ-

⁵⁹ Рѳзговенье — первый день мясоеда после поста.

сту», «Стонет сизый голубочек», «Я вечер в лугах гуляла», «Взвейся выше, понесися», и тому подобное.

Но ведь нельзя же целый день сидеть на качели, петь и петь, ведь это наскучит, а ежели придут молодцы? Правда, иногда и молодцы подпевают, но редко: они, вообще, петь не мастера, да и не охотники.

Вот, девушки проворно встают с качели, увидевши молодцов, которые в это время только что показались из-за угла, с задней улицы. Как водится в небольшом городе, нельзя, чтобы молодцы девиц, а девицы молодцев, не знали друг друга хорошо, поэтому девушки не сошли бы так скоро с качели, да в числе молодцев-то находился один, которой недавно приехал из Питера, и, как было слышно, хотел прожить в Мологе до осени, а потом жениться.

Питерец и притом жених — личность довольно интересная для мологских девушек. Питерец одет был довольно щеголевато: на нём надета была пуховая шляпа; волосы, от природы кудреватые, были ещё подвиты; жилет бархатный особенного покроя и голубой шёлковой галстух с небольшим бантом; сюртук чёрного сукна, длиной несколько пониже колен, а главное — брюки на выпуск⁶⁰, в то время редкость в Мологе в мещанском сословии.

По этому случаю между мужчинами и женщинами пошли толки. *«А, что братцы, — говорил один насмешник, обращаясь к своим товарищам, — полно, он в Питере-то не записался-ли в приказные?»*. — *«Э, полно, — отвечает ему другой, — да ты разве не знаешь: ведь в Питере не то, что здесь у нас — на толкучем рынке всякой всячины не выкупишь. Ну, надо ехать домой, пошёл, да и купил что надо. Вот поди-ко и он купил там, надел, да так и приехал сюда, вот, дескать, посмотрите-же на меня»*.

А женщины толковали: *«И, матушки, должно быть нонче уж такая мода пошла»*. — *«Конечно, такая мода, — отвечала ей другая женщина, которая приходилась сродни мо-*

⁶⁰ То есть не засунутые за голенища сапог.

лодцу-питерцу, — *у нас всё в диво, а посмотрели бы, так в Питере-то все так ходят*».

На гулянье пришёл молодой мужчина с женой, который тоже приехал из Питера, погостил дома и собирался опять ехать в Питер. Оба питерца увидели, узнали друг друга, сошлись как хорошо знакомые и поговорили между собой довольно. После сего и мужчины, и женщины тотчас узнали чрез мужчину питерца и его жену, что щёголь-молодец живёт в Питере при хорошем месте, в гостином дворе, где всегда одеваются чисто. Эта весть мигом разлетелась везде, её узнали девушки, и молодец питерец-гостинодворец вошёл в моду.

В этот день девушки одеты были все в белые кисейные платья, с открытыми воротами, вокруг которых обшивалось нешироким кружевом; чрезвычайно широкие рукава у плеч, книзу уже и уже, на кистях рук застёгивались остebками, остebки обшивались также кружевом; лиф со складками, а кругом подола широкая вышитая прошивка. Волосы зачёсывались так же, как весной.

Девушки советовались между собой, как бы начать играть? Молодцы разрешили их недоумение. Каждый из них подошёл к выбранной мыслями девушке и просил их играть *огнём*⁶¹. На середине проулка на зелёном лужке стало столько пар девушек и молодцев, сколько их было на гулянье, или кому хотелось побегать. Пары встают одна впереди другой, а против них встаёт один молодец, это — *огонь*. По смыслу игры тот, кто стоит один впереди всех пар, должен *гореть огнём*; он должен стоять к хороводу спиной. Самая задняя пара, если случатся две девушки, должна разойтись врознь и, обежав кругом огня, опять схватиться друг с дружкой. Во время их бега огонь ловит которую-нибудь из них; он бежит за ними и, догнав девушку, ударит её легонько своими перчатками или жгутиком, свитым из платка, это и значит — поймал. Тогда молодец с пойманной им девушкой встаёт впереди всех пар хоровода, а оставшаяся непойманной девушка должна гореть.

⁶¹ Игра огнём — местное название известной игры в горелки.

Теперь, если в задней паре опять случатся две девушки, то в их воле состоит бегать, не даваться огню, или не бегать, а только обойти хоровод и встать с огнём в пару той девушке, которую выберет огонь. Но по большей части они бегают, чтобы не даваться огню и не гореть самим. Когда горит молодец, пара девушек долго-долго бегают, стараясь не дать поймать себя. Ежели же задняя пара будет молодец и девушка, тогда они не бегают: молодец-огонь берёт девушку и становится с ней в пару, а оставшийся молодец должен гореть.

Молодёжь умеет находить для себя развлечение в каждой игре. Так и здесь, по-видимому, игре скучной, безмолвной. Но девушки часто и охотно играют огнём, а особенно с молодцами. Здесь, видите ли, можно подержаться с миленьким дружкой рука в руку, можно удобно поменаться чем-нибудь на память, можно далеко отбежать от хоровода, не даваясь молодцу-огню, и потом, как будто, нечаянно быть им пойманной; а, идя вместе до хоровода, можно обменяться заветными словечками, наговориться наедине в полной уверенности, что никто не услышит. Женщины внимательно следят за этой игрой, чтобы узнать, которая девушка больше нравится такому-то молодцу и наблюдательницы почти никогда не ошибаются.

Долго играли молодцы с девушками огнём, потом распрощались с ними и ушли на другое гулянье. На этом другом гулянье они застали девушек, играющих *столбиками*. Четыре пары девушек стояли друг против дружки крестообразно, и каждая пара стояла так, что одна девушка стояла сзади, а другая наперед; пятая пара девушек была в действии. Одна девушка встала наперед к которой-нибудь из четырёх пар, а другая девушка должна была ловить заднюю, третью девушку; та, видя опасность, проворно перебежала к другой следующей паре и становилась наперед. Поэтому надлежало теперь ловить другую девушку. Словом, ловили всегда ту девушку, которая оставалась назади — третью. Если эта третья девушка оплошает и будет поймана, тогда та девушка, которая её поймала, встаёт наперед любой пары, а пойманная девушка должна ловить.

Игра столбиками — игра безмолвная, простая, но и здесь так же, как в игре огнём, когда играют с девушками молодцы, можно разговаривать между собой без опасности. Играть столбиками можно во сколько угодно пар.

Только что поздоровались молодцы с девушками, сказавши: *«Здравствуйте, девицы-красны!»*, игра столбиками была оставлена и, вопреки обычаю, девушки вздумали составить небольшой хоровод, собственно, для молодца-питерца. Нет ничего удивительного, что весть о нём распространилась так скоро. Подобные вещи у нас быстро передаются из конца в конец города. Но это едва ли не общее всем небольшим городам и селениям. Девушки встали в полкруга, попросили одного молодца начать игру и запели:

Коло Дону, коло Дону —
Коло тихого Дунаю,
Ходит молодец, гуляет,
Пару ко́ней выбирает.
Кони-кони вороные,
Узды, седлы — золотые.
Догадайсь, догадайсь —
Добрый молодец-душа,
Принимайсь, принимайсь —
За ду́шу красну-девицу,
Коя влюбится,
Приголубится.

Во всё время пения этой песни, молодец ходил взад и вперёд, а по окончании её, взял одну из девушек за платок и стал ходить с неё по-прежнему. Девушки запели сначала:

Коло Дону, коло Дону —
Коло тихого Дунаю,
Ходит девица, гуляет,
Пару ко́ней выбирает.

Кони-кони вороные,
Узды, седлы — золотые.
Догадайсь, догадайсь —
Красна девица-душа,
Принимайсь, принимайсь,
За доброго молодца,
Кой взлюбится,
Приголубится.

Приличие требовало выбрать молодца-питерца. Девушка попросила его, он согласился, подал ей свой платок и пошёл за ней. Эту же песню продолжали петь до тех пор, пока разобрались все молодцы и девицы, таким образом составилась пёстрый хоровод. После сего, по порядку игр, следовало бы вить капустку или хмель, но, несмотря на все просьбы молодцов, девушки никак не согласились играть ту или другую игру, находя это почему-то неприличным. Тогда молодцы стали просить их поиграть парами, на что девушки согласились охотно. Каждый молодец взял себе в пару любимую девушку, и все встали в правильный круг. Как обыкновенно, каждая пара имела против себя другую пару. Девушки запели следующую песню:

В саду девка, [2]
В саду девка гуляла; [2]
Рвала цветы, — [2]
Рвала цветы со травы, [2]
Плела венок, — [2]
Плела венок с городами. [2]
Сама себе, — [2]
Сама себе говорила, [2]
Кому то я, — [2]
Кому я достануся? [2]
Досталась я, [2]
Досталась я старому; [2]
Я старому, — [2]

Я старому сноровлю [2]
Постелюшку, — [2]
Постелюшку, постелю; [2]
Я в три ряда, — [2]
Я в три ряда каменя, [2]
В четвёртый ряд, — [2]
Крапивы жигучия. [2]

Потом эту песню пели сначала, изменяя её окончание так:

Досталась я, — [2]
Досталась я младому; [2]
Я младому, — [2]
Я младому сноровлю [2]
Постелюшку, — [2]
Постелюшку, постелю, [2]
Постелю пуховую. [2]

По окончании игры парами, молодцы распрощались с девушками и пошли на третье гулянье. На этом гулянье они уже не застали девушек, они разошлись по домам, только девушки-подростки свешивали качель. Так кончилось гулянье Петрова дня.

В следующие затем праздники гуляют, поют песни подобным же образом. В эту пору, по праздникам, молодцы и молодые женатые мужчины любили играть мячом или шаром. Широкое и длинное поле, позади города к лесу, всегда бывало поприщем таких увеселений. Соберутся молодцы, пройдут раз по гуляньям и — на поле.

Игра мячом

Собравшись артелью человек двадцать, молодцы и мужчины, каждый, подбирает себе пару — молодца или мужчину — по росту и по силе равного себе. Каждая пара мечет между

собой жребий, или *меряются*: молодец берёт палку и спрашивает своего товарища-пару, чего ему надобно — *тонка* или *толста*? Если, например, товарищ скажет тонка, молодец бросает палку кверху так, чтобы она вертелась на воздухе, как мельница и, когда она упадёт на землю, смотрят, которым концом палка легла к ним. Ежели палка легла к ним тонким концом, значит молодец, желавший тонка, вышел, то есть получил право остаться *дома* и бить по мячу, а другой молодец, не вышедший, должен идти в поле ловить мяч. Точно также *меряются* и прочие пары.

Потом они встают к огороду⁶², чтобы брошенный с поля мяч не мог далеко откатываться, задержанный огородом. Занятое здесь для игры место называется *дом*. Против дома в поле на расстоянии шагов 12 или 15 делается *стри́во*⁶³. На этом месте втыкают в землю небольшую палку, к ней кладут ещё чего-нибудь для лучшей приметы. От дома вправо и влево накось к полю, проводят по земле черты, или замечают чем-нибудь — это *сало*. Оно означает, что бежавший из поля игрок, за чертой, не может быть *осален*, как видно будет дальше. Приведя всё в надлежащий порядок, игра начинается.

Те, которые вышли по жеребью, остаются *дома*, а которые не вышли, идут в поле дальше *стривы* и там рассыпаются в разные стороны и на разные расстояния. Один из числа не вышедших остаётся дома, чтобы *подавать*, то есть бросать невысоко мяч. Вышедшие, оставшиеся дома, игроки берут палки, длиной аршина⁶⁴ в два и более. Палки бывают с одной стороны затёсаны, то есть на них делается *щека*, ей-то и стараются бить по мячу.

Но, вот, подавальщик бросает мяч кверху. Молодец-игрок хотел ударить по мячу палкой, когда мяч летел книзу, да не попал, промахнулся и отошёл прочь. Подавальщик снова по-

⁶² Огород — здесь: изгородь.

⁶³ Стриво — граница, мета в различных играх.

⁶⁴ Аршин — старинная русская мера длины, равная 0,7 м.

даёт мяч. Другой молодец-игрок тоже хотел попасть по мячу палкой, он ещё хотел дать *жаровку*, да тоже не попал.

Все смеются на неловких игроках, а особенно те, которые были в поле, хлопая в ладоши: «*Что ты, как подаёшь?*» — закричал игрок с досадой на подавальщика, — *ведь, брат, эдак мы не любим, мы сами будем подавать вам также*».

Стал бить третий игрок: он так ловко хватил по мячу, что тот взвился высоко кверху, да только не прямо в поле, а в сторону. — «*Что ты, куда бьёшь*», — закричали игроку с поля. «*Ваш подавальщик так подаёт*, — отвечал он. «*Митя*, — кричали с поля подавальщику, — *подавай получше*».

В умение подавать — бросать мяч кверху — заключается много: один подаёт мяч всегда одинаково, бросает его прямо до одинаковой высоты, тогда бить по мячу хорошо; другой бросает мяч с намерением, когда очень высоко, когда очень низко, или бросает так, что мяч летит на игрока, или бросает на себя. Был у нас один подавальщик, которой любил подобным образом тешиться над игроками и притом имел привычку, когда подаёт мяч худо, ловить его на лету — принимать рукой, чтобы не наклоняться за ним до земли. И вот, однажды, он шутил подобным образом перед здоровым, плотным собой мужчиной, которой при том был выпивши и которой норовился дать молодецкую жаровку. Подавальщик бросил мяч кверху, но невысоко, и хотел его принять, чтобы перебросить снова. Для игрока не нужно было, чтобы мяч летел выше, и он, замахнувшись длинной палкой, сколько у него было силы, хват! — да не по мячу, а по руке подавальца и раздробил несчастному пальцы и всю ладонь так, что взглянуть было страшно!

Между тем, покуда в поле ловили мяч, трое игроков, бивших по мячу, сбегали до *стрива* и вернулись назад готовы опять бить. Закон игры требовал, чтобы тот, кто бьёт по мячу, после удара, пока ловят мяч в поле, обязан тем временем сбегать до *стрива* и вернуться назад. Если игрок промахнётся или сделает только *чкало*⁶⁵, то есть чуть-чуть

⁶⁵ Чкало — лёгкое касание мяча.

чткнёт по мячу, тогда он не бегают, а ждёт, чтобы его выручили товарищи. Подавальщик снова подаёт мяч, игрок, ловко наметившись в него, делает хорошую *жаровку*, мяч полетел высоко; в поле молодец сложил руки ладонь к ладони и принял летящий сверху мяч. Игра переменилась. Те, которые были в поле, пошли в дом играть — бить по мячу, а те, которые играли — пошли в поле.

Теперь другой подавальщик подаёт мяч. Мужчина ударил по мячу, но слабо, мяч едва только долетел до стрива, однако игрок вслед за мячом сам добежал до *стрива* и, пока брали мяч, хотел убежать домой, как на половине дороги его ловко *осалили* мячом в бок. Между тем, как *осаленный* брал с земли мяч, тот молодец, которой его осалил, успел перебежать домой. Все находящиеся в поле собрались к *стриву* в надежде, что перебежавший домой товарищ выручит их. Осаленный с мячом в руке зорко смотрел, не побежит ли ещё кто с поля домой, чтобы его осалить и тем удержать игру за собой, но никто не хотел бежать салиться. Перебежавший молодец стал прицеливаться, как бы хорошо попасть по мячу и выкупить своих товарищей, которые, в надежде перебежать и при одном *чкале*, засучили рукава и штаны, подобрали свои рубашки, на случай, чтобы не осалиться. Молодец ударил по мячу хоть и слабо, но выручил своих товарищей, они все перебежали домой. Игроки, недавно бывшие в поле, располагались было поиграть подольше, выбирали каждый себе палку *по руке*, уговаривались кому после кого бить, а теперь из-за одного неосторожного, осаленного должны опять идти в поле. За то от всех их саленому досталось и солоно, и горько. Все с досадой пошли в поле, игра опять переменилась. От того ли, что подавальщик был прежний плутоватый или уж так случилось, только в эту игру, из всех одиннадцати человек игроков, только двое сделали чкало, прочие все промахнулись, следовала перебивка; то есть тот, кто подавал мяч, должен был бить по нём, а кто бил, должен подавать мяч. Опять все, только что вышедшие в поле, собрались к стриву. Бывший подавальщик так ловко хватил по

мячу, что он с визгом взвился на воздух, а стоявшие у стрива его товарищи, не торопясь, церемонным шагом пришли домой.

Снова принялись молодцы выбирать себе палки по руке, снова стали уговариваться кому после кого бить, и игра началась. Долго продолжалась она, долго эти молодцы *парили* тех, которые были в поле, пока наконец небольшая, несчастная для них, *жаровка* переменяла игру. Теперь те, которые были в поле, в отмщение стали парить своих неприятелей. Чтобы дольше играть — следует стараться бить по мячу метко, не давать таких *жаровок*, от которых легко можно проиграть игру. Для того нужно не бить в ту сторону, где стоят ловкие парни, а что всего важнее — не салиться. Игра мячом продолжалась чуть не до самого вечера. Все перепотели, устали и перестали играть.

Молодцы пошли гулять по гуляньям.

Ильин день 20 июля⁶⁶

В Мологском Воскресенском Соборе есть придел во имя Св. пророка Илии. Городские жители празднуют день этого пророка также, как празднуют середские и заруцкие жители Борисов день.

Накануне Ильина дня, 19 июля, ежегодно приносят в Мологу чудотворную икону Югской Божией Матери. Для сретения⁶⁷ её все жители города, мужчины и женщины, отправляются кто рано, с половины дня, кто позже часов с трёх, по большой Петербургской дороге до деревни Рыльбова, а кто и дальше до села Шуморова. Те, которые не хотят идти далеко, в особенности женщины, располагаются группами по обе стороны Большой дороги на земляных валах под тенью раскидистых берёз. Другие из них, в ожидании иконы, гуляют между кустов зелени, заходя на Бабы горы, высоким хребтом лежа-

⁶⁶ Ильин день — народное название церковного праздника 20 июля (2 августа) в память ветхозаветного пророка Илии.

⁶⁷ Сретение — здесь: торжественная встреча.

щие в параллель дороге по левую её сторону. Хорошая приятная погода и усердие встретить икону вызывают всех жителей города участвовать в духовной процессии так, что в это время в городе остаются только больные, да старóй и малóй.

Между тем городские жители посматривают своих родных середских и заруцких: мужчины — мужчин, а женщины — женщин, чтобы звать их к себе в гости на завтрашний день, кроме того, что те были уже званы зовом ещё утром. Усердие звать к себе в гости продолжается во всё время, пока несут икону до собора. Между мужчин званье происходит по большей части втихомолку, но между женщинами оно выражается во всеуслышание, во всех сторонах.

По дороге, за деревней Рыльбой, поднялась пыль столбом. Те, которые были ближе к тому месту, засуетились, встают с валов и выходят на дорогу — знак, что икону несут близко. Прочие богомолыцы встают все и приготавливаются к встрече её. Всегда почему-то по чрезвычайно песчаной большой дороге, на расстоянии двух вёрст, икону несут очень скоро, отчего, естественно, пыль поднимается ужасная. Случалось и то, недуманно-негаданно, откуда ни возьмись небольшая тучка — дождь, как из ведра, окатит всех. У молодых женщин и девушек юбки и платья обовьются кругом ног, идти нельзя, беда да и только.

В Ильин день, после поздней обедни в соборе, бывает крестный ход вокруг одной половины города. В этот же день в городе бывает годовая ярмарка, почему стечение народа бывает не малое. По пути крестного хода многие из званных гостей, не доходя до собора, остаются на площади или отправляются к своим родственникам в гости. Здесь, как водится, их ожидает чай, кофе, и гости то и другое пьют с удовольствием после усталости. Мужчины тоже, как водится, с усталости кушают водочку.

Ильин день — единственный летний праздник, в который мологские жители одеваются в лучшие свои наряды, в те же самые, которые описаны выше в весенних гуляньях Борисова дня. Городские жители, то есть живущие в центре города,

по обычаю давно укоренившемуся, такие же хлебосолы, как и середские или заруцкие жители, но в нравственном отношении они приметно отличаются от середских и, в особенности, от заруцких жителей, имея над последними превосходство. Торговля больше имеет случаев сближать человека с хорошим обществом, нежели мелкая судопромышленность, где часто судопромышленник во всё время своего промысла летом не видит и не слышит ничего лучшего, как грубое обращение лоцманов и коноводов. Такое различие в жителях одного и того же города велось прежде, ведётся и теперь, и оно очень приметно даже в домашнем быту их.

После чаю и кофе гости прохаживались по комнатам одного богатого дома, на дворе и в небольшом садике в ожидании обеда, пока накрывали на стол. Те из них, которые были помоложе и поразвязнее, разговаривали, шутили, смеялись, а старые старушки неподвижно сидели в задних углах около дверей, робко поглядывая на большие комнаты, крашенные полы и на белые косяки больших окон.

Дубовый раздвижной стол, накрытый скатертью, во всю длину комнаты загибался ещё углом по другой стене. Кругом его расставлены были стулья с кожаными подушками. По числу гостей приборы, состоящие по большей части из оловянной посуды, расставлены были на четыре блюда, так что на каждое блюдо приходилось по шести и по семи человек. Посредине стола на оловянных блюдах поставили четыре разрезанных пирога с рубленой говядиной.

Хозяин дома, осмотрев всё и находя всё в надлежащем порядке, стал звать гостей хлеба-соли кушать. Гости собрались все, помолились Богу и уселись за стол, наблюдая между собой права старшинства, состояния и служб общественных. Всех по порядку, начиная от переднего угла, обнесли водкой и вином, гости стали есть пирог. После пирога подавалось холодное: студень заливная и рыба с хреном. Потом подали похлёбку из курицы, густо приправленную яйцами, и потом уху из свежих стерлядей. Перед каждым кушаньем хозяин

прежним порядком обносил гостей водкой и вином, а хозяйка усердно просила женщин покушать *ушицы*-то побольше, не догадываясь отчего гости-зарученьки⁶⁸ благодарили её сквозь слезы. Они то и дело, с непривычки, жглись серебряными ложками, хлебая ими из одного общего блюда.

После стерляжьей ухи подали жареного поросёнка, начинённого гречихой, и потом жареную баранину с огурцами и шинкованной мелкой капустой. Для питья на столе стояли бутылки с пивом, мёдом и квасом. Во время продолжения обеда весёлые разговоры гостей, поддерживаемые словоохотливым хозяином, одушевлялись всё более и более. После жарких подавались сладкие пироги, сдобные, начинённые изюмом с мёдом, потом битый коровай⁶⁹ и, наконец, рёзаны.

Между тем хозяин, занимая гостей шутивными разговорами, не забывал обносить всех водкой и вином, за что гости, чересчур уже довольные угощением, благодарили его кто как умел, а один из числа стариков, по охоте — певчий на клиросе в церкви, пропел ему и хозяйке многая лета.

Гости встают из-за стола. Помолившись Богу, они, по обыкновению, целуют хозяина и хозяйку, благодаря за хлеб-соль и за угощение, а сами между собой перецеловавшись, благодарят друг дружку за компанию.

После обеда подали кофе. Гости, выпивши его по две и по три чашки, одни стали уходить домой, другие погулять на ярмарку, а третьи легли спать до вечернего чаю. А так как для принесённой в город иконы должна быть всенощная с вечера, то вечерний чай пили рано. После него угощение пуншами и гостинцами шло обыкновенным порядком и, наконец, гости, поблагодаривши хозяев за угощение, уходили кто домой, а кто за всенощную.

В этот день девушки на гуляньях не гуляют и песен не

⁶⁸ То есть гости из Заручья.

⁶⁹ Битый коровай (каравай) — сдобный хлеб, тесто для которого взбивалось с маслом.

поют, потому-де что в городе гостя⁷⁰, и гулять и песни петь грешно. Они гуляют только у ворот в ситцевых платьях недолго и потом все идут за всенощную.

После Ильина дни гуляний по проулкам почти вовсе не бывает, потому что в это время девушки бывают заняты работами, из коих главная — сенокос. Косить сено на Мологском лугу начинают не раньше, как за неделю до Ильина дня, а убирать его, шевелить и грести, ходят сами моложане и преимущественно женщины, за отсутствием мужчин. Смотря по состоянию погоды, иногда сенокос продолжается за Ильин день довольно далеко.

Занятые такой важной работой, девушки не думают о гуляньях. Едва только сенокос кончится, как поспеют в лесах грибы и ягоды, а это тоже вещь немаловажная в домашнем обиходе; поэтому для мологских девушек на Мологском лугу в сенокос и потом в лесах за грибами и ягодами бывают гулянья особенного рода, которые продолжаются до морозов.

С первых чисел сентября месяца поспеет уборка — рытьё картофеля и прочих овощей, поэтому в праздники девушки ежेलи и гуляют, то так себе, где-нибудь у ворот или на берегу. В это время к ним приходят и молодцы, но только за тем, чтобы пошутить и посмеяться. В такое пустое время молодцы устраивают себе другие забавы.

Игры шаром

Игра в столбцы

Собравшись большой артелью, молодцы и молодые женатые мужчины, по большей части в поле у кладбища, играют шаром. У нас в Мологе и в настоящую пору на рынке, по будням, торговля незавидная, а в описываемое мной время почти вовсе её не было, почему молодые торговцы от скуки

⁷⁰ Имеется в виду Югская икона Божией Матери, торжественно принесённая в Мологу из Югской Дорофеевой мужской пустыни.

затворят свои лавки и идут в поле играть шаром. Иногда они играли шаром и на площади против своих лавок, но здесь не так-то ловко было играть, того и гляди что шар влетит в чьё-нибудь окно, потому и выходили играть в поле.

Для игры готовили шар, сделанный из берёзового корня, величиной с гусиное яйцо; потом готовили палки, длиной в четверти три, а толщиной в шар и тоньше; один конец палки обделывался рукояткой. Когда соберётся артель игроков поиграть шаром, они меряются точно также как меряются для игры мячом. Которые выйдут, те остаются бить по шару, а которые не выйдут, идут в поле ловить и бросать шар.

Один, из числа не вышедших, подаёт шар, то есть бросает его сколько можно выше и прямее и когда шар летит книзу, игрок бьёт по нём палкой, бросая её в шар. Смотря по удару, если шар полетел далеко, игрок должен бежать за своей палкой, взять её и бежать обратно *домой*. Он должен прибежать домой прежде шара, иначе его ожгут.

Для игры в столбцы занимают место подле какого-нибудь строения. Так, у нас, по большей части, играли в столбцы подле ограды кладбища. Игрок, схватив свою палку, бежит к ограде и стучает в неё палкой. Ежели шар отлетит не очень далеко или его остановят и тотчас же бросят к ограде так, что он докатится и стукнется в ограду прежде игрока, тогда кричат; *ожгли, ожгли* и все, которые были в поле, бегут *домой* на место игры, а те, которые играли, идут в поле.

Трудно попасть в шар палкой так хорошо, чтобы шар отлетел очень далеко и чтобы игрок успел добежать до своей палки, взять её и потом бежать с ней до ограды и добежать туда прежде шара. Естественно, что, желая ударить в шар сильнее, палка должна отлететь далеко. Игроки сокращают эту беготню вдвое. После удара по шару игрок идёт и становится у своей палки, дожидаясь, что его выручит товарищ. И точно, едва только другой игрок сделает по шару удар, как первый, схватив свою палку, бежит к ограде и стучает в неё прежде, нежели шар будет брошен. В этой игре, также как

в игре мячом, часто бывают промахи, или только *чкало*, а когда все перебыют по шару до последнего игрока и бежать нельзя — *ожгут*, тогда бывает перебивка: тот, кто подавал шар, бьёт по нём, а кто бил — подаёт шар.

Игра в шехáрду

Для этой игры меряются следующим образом: молодец берёт небольшую палочку или тросточку в кулак так, что только часть верхнего конца её видна, а нижний конец её должен быть вровень с нижней частью кулака, что и свидетельствуется всеми. Потом берёт тросточку в кулак другой молодец поверх первого кулака, но так, чтобы оба кулака были один к другому вплотную. Теперь берёт тросточку третий в кулак также, потом четвёртый, пятый и так далее до последнего. Когда последнему оставалось конца тросточки на столько, что не было возможности захватить его кулаком и держать тросточку, то этот молодец считался *не вышедшим* и должен был *водить шаром*, то есть действовать шаром по игре.

Потом клали на землю длинную жердь и, отойдя от неё шагов пятнадцать, игроки по очереди бросали палки через жердь так, чтобы палка, коснувшись впереди жерди земли, перелетела бы через жердь кувыряясь, — вертясь как мельница, и, как говорят, *шехáрдила* бы своими концами по земле. Отсюда и название игры — играть в *шехáрду*.

Ежели палка не коснётся земли впереди жерди, то это называется — *прошехáрдить чрез верх*, и хозяин палки обязан прошехáрдить снова. Но если палка, не коснувшись земли, стукнется о жердь, снова шехардить не нужно. В шехáрде все стараются о том, чтобы палка, как можно, дальше отшехáрдила, или отлетела от жерди, а когда перешехáрдят все, тогда тот, кто водит шаром, смотрит, чья палка лежит ближе, или в чью палку он хочет попасть шаром. Выбравши палку, он встаёт подле самой жерди и отселе бросает шар потихоньку, чтобы он, катясь по земле, стукнулся о назначенную пал-

ку. По земле и по траве шар не может катиться правильно, поэтому, когда палки лежат далеко, трудно бывает попасть в которую-нибудь из них. И вот, когда вожатый шаром не попал в палку, то он должен ловить шар. Ежели же он попал, то тот, чья палка, ловит шар. После этого все берут свои палки и один, который-нибудь, игрок бьёт, бросая палку по шару, лежащему на земле. Шар летит, а там другой игрок ещё бьёт по нём, и шар далеко отгоняется от жерди.

В это время вожатый старается ловить шар, что, впрочем, бывает очень трудно, потому, во-первых, шар не мяч, не столь мягок, а, во-вторых, потому, что, того и гляди, ударят по рукам палкой. Когда шар пойман, должно бросить его в жердь, чтобы шар стукнулся о неё; но тут опять беда для вожатого: положим, что жердь недалеко, и попасть в неё стоило бы пустяков, да в это время все игроки со своими палками строем стоят во всю длину жерди, готовые встретить шар, в которое бы место он не был брошен, и снова бить по нём, гнать далеко от жерди. Недаром молодцы иногда уговариваются между собой *попарить* кого-нибудь, а *попарить* здесь очень можно, сколько угодно. Впрочем, здесь всегда наблюдается умеренность, недалеко гонят шар и не очень стерегут его у жерди. Когда шар стукнется о жердь начинают шехárdить снова. Ежели случится, шар заляжет в ямку, и вышибить его оттуда нельзя, тогда игрок проворно выхватывает его рукой и, бросая на землю, кричит: *чур не ожёгся*, и бьёт по шару палкой. Бить по шару палкой, не выпуская ей из рук, не допускается: непременно должно бросать палку в шар.

Игра с тычка

На том же поле вколачивали в землю небольшой кол, оставляя его от поверхности земли немного выше вершка⁷¹; поверхность этого кола должна быть ровная и даже с ямкой, на неё ставили шар. Для игры мерялись точно также, как меряются для игры в шехárdу, и один молодец должен водить шаром.

⁷¹ Вершок — старая русская мера длины, равная 4,4 см.

Потом назначали место, или дом, в расстоянии шагов двенадцать от тычка; с этого места следовало бить по шару. Игрок, взяв палку, прицеливался ей по шару, замахивался, и, делая два шаг вперёд, бил по шару. После удара игрок и вожатый шаром вместе бегут в поле, один за своей палкой, а другой за шаром. Если шар отлетел не дальше палки, тогда тот и другой спешат скорее добежать до тычка и стукнуть в него. Если первый прибежит игрок и стукнет палкой о тычок, играть начинает другой игрок по очереди; а когда первый прибежит к тычку вожатый, и стукнет о тычок шаром, тогда он поступает в число игроков, а игрок с палкой делается вожатым.

Новый игрок бьёт по шару, и если он сделал промах, то за палкой не бегают, а ждёт пока его выручит товарищ. При игре вожатому не дозволяется быть в поле; он, когда поставит шар на тычок, должен стоять в которой-нибудь стороне от тычка. Так как шар ставится на тычок в ямку, то при ловком, сильном ударе он летит кверху и отлетает иногда очень далеко от тычка.

В старину, когда все подобные игры были в большом ходу между взрослыми молодцами и мужчинами, правила этих игр наблюдались и исполнялись строго. Тогда тех, кто заспорит о чём-нибудь неправильно, называли *каледбóй* и наказывали строго. Схватят виноватого и держат крепко; на землю накладывают палок, которыми играли, в некотором расстоянии одну палку от другой. На палки положат виноватого спиной и, держа его за руки и за ноги, катают на палках столько, сколько стоит его проступок, по приговору всей артели игроков.

Описав увеселения молодежи, молодых взрослых, долг требует описать также увеселения ребятшек, потому что в общем составе увеселений взрослых участвуют и они, и даже бывают нужны, как увидим после. В продолжение лета они по будням, между ученьем в училище, и в праздники выпускают

латушки, или правильное летушки — это змеи. Играют мячом, шаром, делают луки, стреляют из них, делают мёленки⁷² и проч. Между этими забавами у них есть ещё игра *куром*.

Игра куrom

Берут деревянный четырёхгранный брусок толщиной в большой палец, а длиной вершков пять или шесть; оба конца его срезают на ус диагонально, что и составляет кур. Собравшаяся артель ребятишек меряется между собой точно также, как меряются взрослые молодцы в игре шехардой, и последний, оставшийся не вышедшим, должен водить куrom. Потом чертят палкой на земле квадрат, величиной около аршина; на средину его кладётся кур.

Мальчик, игрок по очереди, берёт не толстую палку, длинной около двух аршин, и бьёт ей по концу кура, говоря: *раз!* Кур летит, вертясь кверху. Мальчик бьёт по нём ещё раз, говоря: *два!* Кур далеко отлетает в сторону. Вожатый берёт кур и бросает, стараясь попасть им в квадрат; а так как кур был далеко от квадрата, то попасть в него было трудно, и кур упал подле квадрата. Его не переносят в квадрат, а где он упал, на этом месте тот же мальчик и также бьёт по нём, говоря: *три!* и *чет...* но он промахнулся.

Когда кур лежит на земле, бить по нём ловко, но когда он летит, вертясь, тогда очень легко сделать промах. Игрок сделал промах; но у него уже *три*. Кур находился теперь близ квадрата, почему вожатый, шутя, бросил его в квадрат и стал сам игроком. Первый игрок, крепко помня, что у него три, отходит к стороне, а вместо его подходит третий мальчик водить куrom. Новый игрок, бывший вожатым, действует также, как и первый, бьёт по куру и считает удары; вожатый тоже действует вышеописанным образом, потом бьёт сам. И так друг за дружкой все принимают участие в игре. О количестве ударов, сколько каждый игрок должен сделать,

⁷² Мёленка — здесь: игрушечная мельница.

они уговариваются прежде игры; это количество, по большей части, бывает 25. Тот, кто сделал все 25 ударов, кричит: я вышел, и идёт к стороне.

Игра продолжается до тех пор, пока все игроки не выйдут, кроме последнего, который за неловкость свою подвергается следующему наказанию. Первый, по очереди, игрок берёт палку в кулак, выставляя верхний её конец несколько повыше кулака, а за него закладывает кур. Взмахнув рукой, он сбрасывает с кулака кур и бьёт по нём нижним концом палки, говоря: раз! Кур летит, и таким образом игрок делает все 25 ударов. Второй игрок также бьёт по куру, потом третий, четвёртый и так далее, пока все игроки не сделают того же. Потом виноватому дают кур в зубы, локти его высовывают назад и сквозь них поверх спины просовывают палку. В таком виде он должен, на одной ноге, доскакать до квадрата, впрочем, ему дозволяется переменить ногу и отдохнуть. Когда виноватый скачет на одной ноге, все мальчишки в один голос на распев кричат: *«Секи, секи яйца, лягушка под ногами!»*. Значение этих слов неизвестно.

В настоящую пору взрослые молодцы и мужчины мячом, в шехарду и с тычка вовсе не играют. Самые правила этих игр помнят только старики.

Отдел III
Осенние праздники и гулянья

Братчины

Придёт холодная осень, дожди, грязь, и мологским девушкам не только на качелях, у ворот нельзя гулять. Что делать, особенно в праздники? В старину, по словам бабушек, девушки были также догадливы, как и ныне, также умели придумать для себя какое-нибудь развлечение; так, по словам бабушек, девушки придумали *смышлять братчины*. Целое гулянье девушек-подруг сделает между собой *складчину* деньгами; накупят гостинцев, соберутся все в одну горницу или избу, и сидят, поют песни, угощаясь гостинцами. Вот и все тут, вот и *братчина*. К ним приходили молодые женщины, у которых свекрови были не злы, повеселиться с девушками, но молодцов отнюдь никого не пускали. На нашей памяти *смышлялись братчины*, но только не взрослыми девушками, а подростками. Соберутся они, бывало, в горницу, разодетые в хорошенькие ситцевые платыца, вместо гостинцев нарежут моркови, брюквы, и веселятся, поют песни. Со временем взрослые девушки, мало-помалу, завели обыкновение *смышлять* вечера под названием *киселок* и имянин.

Киселки и имянины

В конце сентября и в первых числах октября месяца поспеет кочанная капуста на капустниках; у кого её насажено только для себя, те срубают её и перевозят домой, а у кого она насажена для продажи, те продают её или сами грузят в лодки и отправляют в Рыбинск для продажи. Привезённую домой капусту чистят, отделяют белую от серой и начинают рубить. Прежде, для успешного окончания дела, чтобы рубление капусты не отдалось, звали соседок женщин и пожилых девиц на *помочь*⁷³;

⁷³ Помочь — работа всем обществом в помощь кому-либо за угощение.

тогда приготавливали для них хорошие обед и ужин, и усердные к работе соседки всё исправляли до вечера. Потом это обыкновение звать на по́мочь приняло другой характер. Стали звать на по́мочь одних молодых девушек, для которых не столь дорого угощение, как то, что можно повеселиться. Для этой цели рубить капусту девушки приходили с утра, чтобы днём изрубить всю *кíселку*⁷⁴, а вечером, одевшись по-праздничному, повеселиться, попеть песен и поиграть парами.

Раз заведённое обыкновение мало-помалу укоренялось; к вечерам, после рубления капусты, приложили другие вечера, исправлять девичьи *имянины*, и вот явились, вместо прежних братчин, два рода вечеров: *кíселки* и *имянины*, под простым названием *вечера*. Эти вечера ничем не различались между собой, только вместо того, как бывало сначала, в тот же день, в который рубили капусту, исправляли и вечер, стали вечер *исправлять по исправе*, то есть спустя несколько дней после рубления, иногда через неделю и даже две. Тоже было и с именинами. Молодцы придут на вечер к имениннице, поздравляют её с ангелом, она благодарит и усмехается; на поверку выходит, что именинница была именинницей недели две назад. Но это ещё ничего, а случалось, что *исправляли вечера* за столько же времени прежде именин.

За несколько дней до назначенного вечера, девушка-хозяйка хлопочет больше всех. Она заботится, во-первых, о чистоте и просторе своей единственной горницы, если можно, уничтожает в ней перегородку, моет полы в горнице и в сенях, расставляет столы, стулья, скамейки, чтобы было удобно играть в карты и парами; во-вторых, и больше всего, заботится о своём наряде. Подруги-соседки, то и дело, бегают друг к дружке, советуются, как, во что одеваться, чтобы быть одетым всем однообразнее. В тоже время стараются увидеть, встретиться с кем-нибудь из молодцев и известить, что в такой-то день, в таком-то доме, вот у той-то девицы будет вечер. Молодцы скоро передают друг дружке это, приятное для

⁷⁴ Кíселка — здесь: капуста, предназначенная для квашения.

них, известие. Для вечера девушки одевались почти в те же платья, в которые наряжались летом, только причёску головы изменяли тем, что за ушами прикалывали по одному деланному локону, а которая умела — завивала из своих волос. Часу в девятом все собираются в приготовленную горницу, осматривают друг дружку, поправляются, зажигают свечи по две на двух столах. Ежели хозяйка-девушка исправляет свои именины, то на столы ставятся насыпанные на тарелки орехи, пряники, чернослив и конфёкты, иногда пьют чай. В ожидании молодцов девушки играют в карты и поют песни.

Неизбежная принадлежность подобных вечеров — женщины-соседки; они почти вместе с девушками втираются в горницу посмотреть, и мало-помалу накапливается их столько, что займут собой половину горницы. Ни уговор хозяйки дому, ни даже самого хозяина, чтобы они повышли, на них нисколько не действует, пока, наконец, хозяин, выведенный из терпения такой наглостью, иногда так пугнёт их, что они невольно друг чрез дружку очутятся в сенях. Впрочем, это бывает очень редко, и почти всегда они остаются на весь вечер полными обладательницами задних углов горницы.

В горницу к девушкам являются первые молодцы и, поклонившись, говорят: *«Здравствуйте, девицы красные!»*. Девушки на приветствие отвечают поклоном. Молодцы, осмотревшись, садятся, вступают в разговор с девушками и начинают играть с ними в карты, обыкновенно в дурачки. Чем долее длится вечер, тем больше является молодцев, но число их зависит от того, что если в один и тот же день в городе случится вечеров много, то молодцы являются реже, и их бывает меньше; в противном же случае они все приходят на один вечер. Впрочем, это случается редко, потому что в городе в один и тот же день всегда бывает несколько вечеров.

Скоро явились ещё молодцы, поздоровались с девушками и с товарищами, посидели; а девушки встали, прошлись по горнице и приготовились играть парами. Некоторые из молодцев, пригласив девушек, встали в пары, а другие молодцы

стали играть в карты в «Свои козыри» и закурили сигары, что очень было неприятно для женщин.

В игре, которую хотели девушки начать играть, находилось шесть пар. Девушки запели:

Сени, мои сени,
Сени новые моя,
Сени новые, кленовые. (И пр.)

Игра под голос этой песни состояла в следующем: молодец и противоположная ему девушка сходились вместе на середине круга, брались правыми руками и вертелись в правую сторону, потом, взявшись левыми руками, вертелись в левую сторону и расходились. Также сходились и вертелись прочие по порядку. По окончании первой песни запели другую:

Как девушка у ворот, у ворот,
Красавица у широких стоит,
Ой-ли, вот люли —
Красавица у широких стоит

Ты, девица, перейми моего коня,
Красавица, коня вороного,
Ой-ли, вот люли —
Красавица, коня вороного.
Седёлочко ново-кованное,
Стремена-то позолоченные.
Ой-ли, вот люли —
Стремена-то позолоченные.

Уж я перенять — не перейму коня,
Я сердита, мой любезный, на тебя,
Ой-ли, вот люли —
Я сердита, мой любезный, на тебя.

Я сердита, мой любезной, на тебя.
Попеняю тебе, радость, во глаза,
Ой-ли, вот люли —
Попеняю тебе, радость, во глаза.

Попеняю тебе, радость, во глаза,
Со великою досадою,
Ой-ли, вот люли —
Со великою досадою.

Не одна ты, красна девица-душа,
Не одна ты уродилась хороша,
Ой-ли, вот люли —
Не одна ты уродилась хороша.

Не одна ты уродилась хороша,
Есть, которые получше тебя,
Ой-ли, вот люли —
Есть, которые получше тебя.

Посмотрите, люди добры, на меня,
Чем я девушка родилась дурна?
Ой-ли, вот люли —
Чем я девушка родилась дурна?

Маша милая белёхонька,
С очей ясных веселёхонька,
Ой-ли, вот люли —
С очей ясных веселёхонька.

Маша милая со всеми говорит,
Маша милая очами всех дарит
Ой-ли, вот люли —
Маша милая очами всех дарит.

Встрепенусь, встрепенусь молода,
Подойду к дружку скорёхонько,
Ой-ли, вот люли —
Подойду к дружку скорёхонько.

Подойду к дружку скорёхонько,
Трону милого легохонько,
Ой-ли, вот люли —
Трону милого легохонько.

Я трону дружка легохонько,
Поцелую я милёхонько.
Ой-ли, вот люли —
Поцелую я милёхонько.

Для чего Маше капустку садить,
Для чего и огороды городить?
Ой-ли, вот люли —
Для чего и огороды городить?

Я охоча по садику гулять,
По зелёному погуливати,
Ой-ли, вот люли —
По зелёному погуливати.

По зелёному погуливати,
С милым дружком приаукиваться;
Ой-ли, вот люли —
С милым дружком приаукиваться.

Ты, ау, ау, мой миленький дружок!
Ты подай, подай свой тонкий голосок,
Ой-ли, вот люли —
Ты подай, подай свой тонкий голосок!

Ты подай, подай свой тонкий голосок,
Через тёмненькой высоконькой лесок,
Ой-ли, вот люли —
Через тёмненькой высоконькой лесок.

За леском-то есть прогалинка,
На прогалинке зелёненькой лужок,
Ой-ли, вот люли —
На прогалинке зелёненькой лужок.

В лужке травка зеленеется,
А девушка веселется,
Ой-ли, вот люли —
А девушка веселется.

Игра парами под эту песню была простая, как все вообще
игры парами. Девушки, продолжая игру, запели другую песню:

Посеяли девки лён, — [2]
Девки лён, девки лён —
Ой люли, девки лён;
Посеявши, пололи, — [2]
Пололи, пололи,
Ой люли, пололи;
Белы руки кололи, — [2]
Кололи, кололи,
Ой люли, кололи.
Как во этот во ленок, — [2]
Во ленок, во ленок,
Ой люли, во ленок
Повадился щеголёк, — [2]
Щеголёк, щеголёк,
Ой люли, щеголёк;
Весь белый лён притоптал, — [2]
Притоптал, притоптал,

Ой люли, притоптал;
Маковочки прищипал, — [2]
Прищипал, прищипал,
Ой люли, прищипал;
В Дунай-речку побросал, — [2]
Побросал, побросал,
Ой люли, побросал.
Дунай-речка не примаёт, — [2]
Не примаёт, не примаёт,
Ой люли, не примаёт;
По бережку прибывает, — [2]
Прибывает, прибывает,
Ой люли, прибывает.
На бережке, бережке, — [2]
Бережке, бережке,
Ой люли, бережке
Тут гуляли молодцы, — [2]
Молодцы, молодцы,
Ой люли, молодцы;
Вели коня под ковром, — [2]
Под ковром, под ковром,
Ой люли, под ковром
Под златьем чепраком, — [2]
Чепраком, чепраком,
Ой люли, чепраком.
Конь копытом землю бьёт, — [2]
Землю бьёт, землю бьёт,
Ой люли, землю бьёт;
Белый камень разбивает, — [2]
Разбивает, разбивает,
Ой люли, разбивает.
В этом камне искры нет, — [2]
Искры нет, искры нет,
Ой люли, искры нет.
В моём муже правды нет, — [2]

Правды нет, правды нет,
Ой люли, правды нет.
С чужой женой водится, — [2]
Водится, водится,
Ой люли, водится;
Со мной молодой ссорится, — [2]
Ссорится, ссорится,
Ой люли ссорится;
Чужой жене башмачки, — [2]
Башмачки, башмачки,
Ой люли, башмачки,
А мне, младе, лапоткі⁷⁵, — [2]
Лапоткі, лапоткі,
Ой люли, лапоткі.
Носи, жена, береги, — [2]
Береги, береги,
Ой люли, береги!
По праздничкам обувай, — [2]
Обувай, обувай,
Ой люли, обувай;
Замараешь, вытирай, — [2]
Вытирай, вытирай,
Ой люли, вытирай;
В коробочку запирай, — [2]
Запирай, запирай,
Ой люли, запирай.

Молодцы, игравшие в карты, продолжали играть и покури-
вали сигары; а так как горница была не очень просторна, то
табачный дым и духота от многолюдства делали воздух горниц
тяжёлым. Свечи на столах горели тускло и нужно было иметь
привычку долго быть там; однако, несмотря на это, женщины
не уходили. Отворили двери настежь, открыли окна, но и это
не много принесло пользы, потому что ещё пришло молодцов

⁷⁵ Лапоток — уменьш.-ласк. к лапоть.

семь. От тесноты парами играть стало нельзя; в числе молодых нашли ещё курильщики табаку, и в горнице стало невыносимо душно. Нужно заметить, что до этого времени в Мологе мало курили табаку, и то больше курили солдаты, да из мещан некоторые, а ежели курили и молодые, то тайком от всех, и Бог сохрани, ежели бы увидели отец или мать!

Часу в первом за полночь женщины стали расходиться, молодцы курильщики ушли, и воздух в горнице поочистился. Девушки вздохнули свободнее. Они вздохнули свободнее не от того, что воздух в горнице стал чище, а потому что не стало всевидящих глаз, которые, не видя — видят и, не слыша — слышат, и от которых другой смирной, робкой девушке жизни нет. Девушка смелее и веселее стала петь песни; стали играть в карты разными играми, в «Меленку»⁷⁶, в «Зеваки», а один молодец захотел играть со своими товарищами в «Носки». Товарищи его согласились играть в носки, но только с крепким договором, чтобы, подставив свой нос для битья картами, не вертеться и не загораживать его рукой, бить тремя картами. Все согласились. Сдали карты, сыграли игру, и как на грех, досталось подставлять нос для битья тому молодцу, который затеял игру. Молодец, волей или неволей, а должен был подставлять свой нос; другой молодец взял три карты, разгладил их на столе, чтобы плотнее лежали одна к другой, помочил свои пальцы, взял три карты и стал отсчитывать мерно, не торопясь, удар за ударом по носу своего товарища. Сделав, по числу очков на картах, двенадцать ударов по левой стороне носа, он перевернул карты, чтобы сделать ими ещё двенадцать ударов по правой стороне; но виноватый не вытерпел, вскочил, зажал нос и бросился бежать в сени. Однако его поймали и хотели, по уговору, дополнить количество ударов, но красный, распухший нос доказывал, что далее наказание продолжать было нельзя. Все смеялись, одному наказанному было не до смеху.

⁷⁶ Игра более известна под названием «Мельники».

Потом молодцы просили девушек *на послѣдях*⁷⁷ сыграть парами; встали в шесть пар друг против дружки, и девушки запели:

На горе-то калина, — [2]
На горе-то, сиротина, калина, — [2]
Под горою малина, — [2]
Под горою, сиротина, малина. — [2]
Тут девушка гуляла, — [2]
Тут девушка, сиротина, гуляла, — [2]
Калинушку ломала, — [2]
Калинушку, сиротина, ломала; — [2]
Во пучёчки вязала, — [2]
Во пучёчки, сиротина, вязала; — [2]
Во молодца бросала, — [2]
Во молодца, сиротина, бросала. — [2]
Ты, молодчик молодой, — [2]
Ты, молодчик, сиротина, молодой! — [2]
Неженатый, холостой, — [2]
Неженатый, сиротина, холостой! — [2]
Возьми меня за себя, — [2]
Возьми меня, сиротина, за себя. — [2]
Авось я те угожу, — [2]
Авось я те, сиротина, угожу; — [2]
Пару коней заложу, — [2]
Пару коней, сиротина, заложу; — [2]
Прокатиться отпущу, — [2]
Прокатиться, сиротина, отпущу; — [2]
Сама в зелен-сад пойду, — [2]
Сама в зелен, сиротина, сад пойду, — [2]
Изловлю я соловья, — [2]
Изловлю я, сиротина, соловья; — [2]
Для забавы, для себя, — [2]
Для забавы, сиротина, для себя. — [2]

⁷⁷ Послѣд — окончание, конец.

Кончив игру парами, молодцы простились с девушками и ушли. После них девушки недолго оставались одни, скоро к ним пришли другие молодцы, по-видимому, с тем намерением, чтобы здесь досидеть вечер, потому что один молодец снял с себя армяк и калоши, и убрал то и другое куда-то в задний угол горницы.

Досидеть вечер, значит досидеть до заутрени. Редкий вечер кончается раньше заутрени. Как скоро девушки услышат благовест, начнут расходиться по домам, а до тех пор играют парами, поют, разговаривают, и для них время идёт неприметно.

Свадьбы

Приедет холостой молодец из Питера погостить домой, и молва людская тотчас даст знать всем: чей приехал, у какого места живёт в Питере, надолго ли приехал, зачем — погостить только или и жениться? Как водится, молодец приедет прилично одетый, сибирка и армяк тонкого сукна, шляпа шёлковая, сапоги с косыми подошвами. Не говоря о мелочах, всё на молодце исправно. Познакомится молодец с прежними товарищами, гуляет с ними по гуляньям по вечерам, и, как молодец-питерец, он всегда в почёте, особенно у девушек.

Сватовство и сговоры

Приехал однажды в Мологу молодой холостой человек из Питера домой погостить и жениться. Он был сирота, ни отца, ни матери у него не было. В доме у него стоял постоялец, а известно, постоялец не хозяин дому, не много попечётся о чужом добре, следовательно для дому была нужна хозяйка. У молодца родственников в городе было довольно, и в том числе была родная сестра замужняя; поэтому у приезжего питерца безвыводно гости и госты, и тётчины, и сестрицы едва-ли не четвероюродные...

«И, батюшка, ты наш, и золотой ты наш! Девять год-

ков мы тебя не видывали, а невест-то, невест-то у нас для тебя сколько, любую выбирай!». Одна начнёт сватать и хвалить одну невесту, не говоря о приданом⁷⁸: «*И красавица-то, и разумница-то, и рукодельница-то*», а чуть спросят о приданом: «*Ах, батюшки мои святы! Да как тебе не стыдно? Ведь приданое-то наживное дело, а ты возьми человека*».

Другая то и дело высчитывает, что вот-де у такой-то невесты всякой всячины много, платьев-то, платьев-то!.. Недавно шубу новую сшили... Жемчугу-то!.. Два коска новых купили, а колец-то, колец-то! все золотые. «*А невеста-то собой какова?*» — спросят сваху. «*О! разумница, что и говорить.... Вы посмотрели бы, платица-то все новенькие, вишь, она бережлива больно, у неё они и не носятся так скоро, как у других. Да уж что, лучше этой невесты вам нигде не найдут*». А там, смотрит молодец, третья сваха и четвёртая; ну, думает, правду говорили, что здесь невест много, верно так их много здесь, что не знают как с рук сбыть.

Идёт он по улице, навстречу ему бабушка какая-то, и говорит: «*Здорово, родимое дитяtko, всё ли ты, дитяtko, подобиру да поздорову? Как ты, дитяtko, Бог несёт?*» — «*Слава Богу, бабушка*», — отвечает он. — «*А что, дитяtko, чай жениться думаешь?*», — спрашивает его старуха. — «*Да надо, бабушка, надо и жениться*», — отвечает он. — «*Ты, чай, присмотрел, дитяtko, какую-нибудь? Аль сватают, чай?*». — «*Сватать-то сватают, да кто их знает, ведь я здесь никого не знаю*». — «*Ты, дитяtko, всех-то не слушай; мало ли что наговорят, нахвалят; а ты, дитяtko, послушай меня, старуху, я те скажу. Вот, дитяtko, невеста-то скромница, разумница, милосердая такая. Ты, дитяtko, как пойдёшь по улице-то, так вон, вон дом-от! Ты и посмотри, может, и увидишь... А девушка — золото!*».

⁷⁸ Приданое составляло важную экономическую основу для вновь образовавшейся семьи. В ряде городов Ярославской губернии принято было составлять письменную опись приданого, которое считалось женским имуществом.

Молодец идёт по улице, смотрит на показанный дом и точно: девушка, да прехорошенькая, поливает цветки на окне. Она, как только увидела его, тотчас спряталась. *«Этой я, кажется, не видал нигде, — думает про себя молодец. — А хороша!»*. Он приходит домой, у него опять гости, но только уж настоящие родные, вот и стали разбирать невест. Разговор начался с первой сватанной невесты: точно; девушка хороша, слова нет, да за ней-то ничего нет, а капризна — из рук вон. Вторая сватанная невеста — совершенная дура. Третья, которую молодец видел в окошке, и разговору про неё нет...

«Да что же такое?» — спрашивает молодец свою родную сестру. — *«И не говори, брат, о ней! — отвечала сестра. — Сказать про неё — так стыд и срам. Когда полк выходил из Мологи, она сначала хотела выйти замуж за офицера, который у них стоял, да тот не взял её; потом хотела она выйти замуж за каптенармуса⁷⁹, в Рыбну⁸⁰ ушла за ним, да оттуда её, голубушку, взяли и привели домой»*. — *«Вот тебе и хорошенькая»*, — подумал молодец. — *«Вот что, брат, — начала говорить сестра. — Тебе, как ты говоришь хочется за невестой взять денег рублей двести пятьдесят, либо триста⁸¹. У этих невест, про которых мы сейчас говорили, взять нечего. Конечно, за душой-то, пожалуй, дадут и больше, да дура, набитая дура... Не посвататься ли нам вот к тому-то? Только смотри, девушка не красного лица, а девушка хорошая, смирная и не глупая, я знаю. А нет, так пожалуй, вот и ещё невеста, вот у того-то; если тут не отдадут, так я уж и не знаю, к кому ещё свататься»*.

Подумали, подумали и решились помолиться Богу. Сестра отправилась свахой к первой, назначенной ей невесте. Часа через полтора она вернулась. — *«Что?»* — спрашивает её брат. — *«Да что, — отвечает сестра. — Там мне сказали: без денег милости просим, жениху рады, а с деньгами так нет»*.

⁷⁹ Каптенармус — старший унтер-офицер.

⁸⁰ Рыбна — город Рыбинск.

⁸¹ На ассигнации. — *Прим. автора.*

Подумали ещё и, погода немного, снова помолились Богу, и сестра отправилась ко второй невесте свахой.

Вскоре, по уходе сестры, к молодцу-питерцу пришла ещё гостья, его родная тётка. Она пересчитала всех, каких знала в городе невест; но, рассуждая о каждой из них порознь, выходило, что та или другая невеста чем-нибудь да не годилась в невесты её племяннику; главное же, везде мешали деньги. В таких рассуждениях, продолжавшихся довольно долго, застала их возвратившаяся сестра сваха весёлая, и сказала: приказали кланяться, благодарят за предложение, только свадьбу играть теперь им никак нельзя, а, если угодно, так будущим мясоедом, зимой, милости просим, сказали они мне. — *«Нет, — сказал молодец. — Если не будет толку теперь, я еду в Питер, и не знаю, когда ещё приеду сюда»*. Подумали ещё, к кому бы посвататься, да не вздумали и оставили дело до утра.

Утром рано, к постояльцам молодца пришла женщина соседка за каким-то делом. Она, встретившись в сенях с молодым соседом и поговоривши с ним кой-о-чём, спросила: не поздравить ли вас с чем-нибудь? — *«Не с чем»*, — отвечал молодец. — *«Полно, сосед, — сказала соседка, хлопнув его по плечу, — возьми-ка мою сестру!»*. Сказала это и убежала домой.

Молодец рассказал о словах соседки только что пришедшей своей сестре, а та и говорит: *«Да где же мы раньше-то были со своим умом? Ведь девушка, в самом деле, хорошенькая, только дадут ли денег-то? Да вот я сейчас узнаю»*. И выбежала вон из горницы. Сестра-сваха сходила к соседке, переговорила с ней о чём было нужно, пришла к брату, и говорит: *«Ну, брат, будем молиться Богу, да ты дай мне руку, а и пойду»*. — *«Что ты, сестра!»* — отвечал ей брат. — *«Так рано, и не одевшись кой-как, да я и невесты-то не знаю»*. — *«Ан лжёшь, знаешь, — отвечала сестра. — Помнишь там-то, на вечере, ты только с ней одной, почи-*

тай⁸², весь вечер играл⁸³? Ведь я видела... Ну, чернобровая такая, помнишь, чай? Как не помнить?» — «А! Да, помню, помню», — отвечает брат. — «Ну, так что же, давай руку?». — Брат дал сестре руку, и она ушла.

Ровно четыре часа ждал брат свою сестру, посмотрит за воротами — не видно, посидит в горнице, походит по двору, опять за ворота, нет как нет сестры. Верно и там толку нет, думал он; говорили в Мологе, невест-то сколько, выбирай любую, а вот! И в письмах-то писали мне: приезжай да приезжай, как раз женим, вот и женили! Еду опять в Питер. Вдруг в двери идёт сестра и говорит: «Ну, брат, поздравляю тебя с наречённой невестой, я без тебя не взаправды и Богу помолилась там, а ужо вечером пойдём туда вместе с тобой и помолимся взаправды. Приданое почти всё готово, только одну постелю исправить, денег двести семьдесят пять рублей, хоть сей час налицо». Сестра пересказала ему в чём именно заключалось приданое, но всего упомянуть не могла. «Ну, слава Богу, — сказал брат, — а то я думал было ехать в Питер».

Вечером брат и сестра, ещё помолившись Богу, пошли к наречённой невесте. В доме невесты нисколько не было приметно, чтобы там ждали гостей; их встретили в сенях, ввели в горницу, и здесь жених познакомился с будущими тестем и тёщей. Разговор, как водится, начался с посторонних предметов, потом старик хозяин, как-то кстати, упомянув про Питер, стал спрашивать о своих знакомых, торгующих там. Оказалось, что и хозяин, у которого живёт жених, был ему знаком. Таким образом старик неприметно, выспросил и узнал от жениха всё, что ему было нужно. Потом сваха и жених встают; сваха, обращаясь к старикам хозяину и хозяйке, говорит: «Мы к вам, Платон Терентьич и Ульяна Тихоновна, с тем же предложеньицем, о чём я вам давечи говорила». «Очень рады, очень рады, — отвечали оба старика, — просим покорно садиться».

⁸² Почитай — здесь: только.

⁸³ Играл — здесь: разговаривал, общался.

«Да, — начал говорить старик, — свадебное дело — не шутка, нужно подумать, да и подумать. Мы давечи с тобой, сватьяшка, кажется, довольно поговорили обо всём, и вот, коли угодно, то мы, попросту, всё что касается приданого-то, расскажем». «И вам, — говорил старик, — обращаясь к жениху: уж извините, мы люди простые, у нас всё попросту». «Вот божие милосердие, — начал старик, указывая на икону, — святая икона Казанская, венец и оклад серебряные, риза⁸⁴ жемчужная: это мать, моя старуха, благословляет дочь-то; а вот другая икона — Николай Чудотворец, это её, дочери нашей после крёстной матери, венец и оклад серебряные же...». «А то уж сказывай ты», — говорил старик, обращаясь к своей жене.

«У нас, слава Богу, всё есть, — начала старуха. — Два платья шёлковые: одно поношенное, а другое к весне шито, новенькое; два платья кисейные, три платья ситцевые, одно недавно шито, ещё два будничные; ну, четыре коскá шёлковых, один розовый, один голубой, да два зелёных. Ещё что бишь? Ну, жемчугу низка, моё приданое, да я ей отдаю — мне уж не носить; ещё виток жемчужный, серьги низанные жемчужные, два кольца золотые, да два перстня с камнями, один осыпан стразами⁸⁵. Шесть... нет, нет больше, да я уж и забыла сколько рубашек-то. Два капота⁸⁶, один гранаперовый⁸⁷, а другой ситцевый, на вате стёганы; две шубы суконные, одна на лисьем меху, уж не взыщите, мешок-от поношен маленько, воротник соболий; а другая-то шуба на заячьем меху, воротник куний».

⁸⁴ Риза — украшение иконы.

⁸⁵ Стразы — украшения из стекла.

⁸⁶ Капот — женская просторная одежда с рукавами и сквозной застёжкой спереди. В 20–30-х гг. XIX в. капотом называли верхнее женское платье для улицы.

⁸⁷ Гранаперовый (граденаперовый) — сшитый из гроденапля, т. е. плотной гладкокрашеной шёлковой ткани, названной по первоначальному месту производства — городу Неаполю в Италии. Особенно модной была эта ткань в первой трети XIX в.

«Ну, а постелю исправим, как следует... и башмаки есть, и эдак ещё кой-что. Да что и говорить, вот поку-да Бог грехи-то терпит, а как по душу сошлёт, к сло-ву молвить, так ведь не кому же, всё ей — она у нас одна только и есть. Вот хоть и дом, он наш, а всё ей, она на-следница всему», — говорила старуха сквозь слезы, и доба-вила: «До синь пороха всё ей⁸⁸».

Жених с сестрой долго разговаривали между собой о чём-то шёпотом, только под конец разговора их, чуть слышно, сестра проговорила: «Денег...». «А что до денег касается, — сказал старик, — так уж это дело моё». — «Извини-те, — сказала сваха, — нам бы хотелось, чтобы вы прибавили ещё одно платье ситцевое, да хоть парочку колец». — «Эх, матушка! — отвечала старуха, будущая тёща. — Вот, вот, посмотрите». И с этим словом выдвинула ящик из комода, достала оттуда два куса ситцев и положила их на стол. «Вот, — продолжала старуха, — это на хорошенькое платье, а это на будничное... А колец-то?.. Так я вам ска-зывала, что два кольца золотых, кажись, до семи колец се-ребряных, вызолочены как жар, да крест серебряный боль-шой». — «А что до денег касается, — начал опять старик, — так уж я своего слова не изменю».

Сваха и жених встают, и сваха говорит: «Мы согласны. Как ваше намерение будет?». Старики тоже встают, и хозя-ин отвечает: «Если вы согласны, так и мы согласны. Зна-чит, теперь только за невестой дело; просим покорно са-диться».

Старуха вышла вон из горницы; чрез четверть часа она пришла, а вслед за ней шла невеста. Она несла поднос с чаш-ками чаю. Войдя в горницу, невеста остановилась, поклони-лась гостям и, краснея, поднесла чай жениху первому. Руки девушки дрожали. Потом поднесла свахе, отцу, матери и встала у лежанки. Жених и сваха чашки с чаем поставили на стол, сваха встала и говорит: «Платон Терентьич и Ульяна

⁸⁸ То есть всё без остатка.

Тихоновна, нельзя ли прежде Богу помолиться?». Невеста заплакала. Отец, подойдя к ней, говорит сквозь слёзы: *«Ну, что, Аннушка, молись Богу, будьте счастливы»*.

Мать тоже со слезами на глазах подошла к ней и подвела её к жениху. Жених требовал руки; невеста непринуждённо, свободно подала ему свою руку, и они встали перед иконами. Мать сняла со стены икону, поставила её в переднем углу на стол, и все стали молиться Богу, кланяясь в землю. Помолившись, отец взял икону и встал перед женихом и невестой; те поклонились иконе в землю, отец благословил ею обоих крестообразно, они поцеловали икону. Тоже сделала и мать. Все плакали. Поуспокоившись, сваха поздравила жениха с наречённой невестой, а невесту — с наречённым женихом, отца и мать — с наречённым зятюшкой. Невеста села с женихом рядом, стали пить чай. Между тем, старик достал из шкафа два графина с водкой и белым вином, налил две рюмки и стал угощать жениха водкой, но жених сказал решительно, что он водки не пьёт вовсе, и только по большой просьбе наречённого тестюшки прихлебнул немного белого вина. Сваха выпила рюмку этого же вина, снова поздравив всех. Хозяин попотчевал водкой свою жену, та отказалась, и он, наливши водкой стакан, поздравил, по обыкновению, всех и выпил. Невеста принесла на тарелках разных гостинцев, попотчевала ими жениха и сваху, и поставила на стол. Занялись разными разговорами, назначили день, когда быть *настоящему* богомолью, потому что вышеописанное богомолье было без присутствия священника, а потому оно иногда называется просто сговорами⁸⁹. Жених, по большей части, разговаривал с невестой. Невеста повеселела, стала смелее, развязнее. Жених со свахой сидели часу до первого за полночь, потом простились и ушли домой. Прощаясь, жених поцеловал невесту.

Дорогой сестра говорила брату: *«Ну, слава Богу, вот правду говорят, суженого конём не объедешь. Думали-ли мы*

⁸⁹ Сговор — один из этапов традиционной свадьбы, когда родители жениха и невесты договариваются о предстоящем браке.

об этой невесте сначала, сватались к двум, может быть, посватались бы и ещё к трём невестам, да без толку, а теперь смотри-ко, как всё Бог устроил. Дело-то шло как по маслу, слава тебе, Господи!». Жених также был рад и весел. На другой день, утром, весь город узнал о бывших сговорах.

Богомолье

В назначенный для богомолья день, утром, жених послал зва⁹⁰ звать к себе своих родных на богомолье, а сам пошёл к священнику объявить о предстоящем браке и позвать его на богомолье. Оттуда он отправился в лавки, покупать дары невесте; он должен был купить, по обыкновению, и подарить на богомолье шёлковой материи на подвенечное платье. Вечером собрались к жениху все его званные родные, чтобы вместе идти к невесте. В числе гостей находился старик, крёстный отец жениха; его стали просить и назначили, как и следовало быть, посажёным отцом жениховым⁹¹.

У невесты в доме хлопот было ещё больше, надобно было припасти много кой-чего, и сверх того дары для всей новой родни⁹². Невесту одели в хорошее шёлковое платье с глухим воротом; голову причесали с косым пробором, с височками, за ушами завили по три локона, в косу, завитую на затылке кругами, воткнули высокую гребёнку, серьги золотые, кольца с жемчугом, на шею надели жемчужную снизку с фермуаром, на руки кольца и супиры, башмаки сафьянные. В горнице накрыли стол на столько блюд, сколько звали своей родни и предполагали жениховой. К вечеру собралась к невесте вся её родня.

Часов в восемь жених со священником и со всей своей

⁹⁰ Имеется в виду *зов*, которому поручено пригласить в гости.

⁹¹ Посажённый отец — один из чинов свадьбы (мужчина, заменяющий родного отца). Вместе с посажёной матерью он благословляет наречённого сына или дочь перед отправлением в церковь.

⁹² Дары для новой родни было широко распространённым институтом во время многих обрядов семейного цикла.

роднёй пришли к невесте; их встретили у ворот со свечами. Новая женихова родня, войдя в горницу и помолившись Богу, поздоровалась с невестиной роднёй, поздравив с наречённым, кому как он, жених, приходился по невесте: кого с наречённым братком, кого с племянником, со внучком и так далее; им отвечали тем же. Вся новая родня села ближе к переднему углу на почётных местах, а старая невестина родня заняла задние углы горницы.

Чрез полчаса вывели невесту, при ней была сваха, её сестра. Священник благословил невесту. Жених поздоровался с ней, отдал ей свой подарок — материю на платье. Жених и невеста встали рядом, священник благословил их; потом благословили крёстный и посажёный отец женихов, и отец, и мать невесты. Все сели, невеста рядом с женихом, а по обеим сторонам их две свахи и все по порядку. Всех обнесли водкой и вином, потом подали чай; на особенном столике, на тарелках стояли гостинцы. После чаю, несколько погодя, опять обнесли всех водкой и вином на большом подносе, вплотную уставленном налитыми рюмками, и просили садиться за стол. Сели за стол в том же порядке, новая женихова родня на почётных местах. Кушанья подавались с небольшими изменениями и в том же порядке, как подавались в Борисов день в Заручье, или в Ильин день в городе. Угощение водкой и вином шло обыкновенным же порядком; перед последним же пирожным⁹³ новую родню стали дарить дарами. Священнику подарили сукна, посажёному отцу — сукна же на сибирку, свахе — хорошего ситцу на платье, прочим — платки разного достоинства и цен. Дарами дарила мать невестина; она подавала подарки каждому на тарелке, завёрнутые в бумагу.

Ещё до прихода жениха со своей роднёй, в сенях на дворе и около дому скопилось множество любопытных смотрельщиц⁹⁴ — женщин и девиц. Они не расходились во всё время, пока гостили гости. Кушанья подавали на стол не часто.

⁹³ Пирожное — здесь: выпечка.

⁹⁴ Смотрельщицы — здесь: зрительницы.

Гости, по мере продолжения стола, угощаемые вином, делались веселее и веселее, разговорам не было конца. Многие из гостей часто заставляли жениха целоваться с невестой. Поднесут кому-нибудь рюмку вина, гость возьмёт рюмку, попробует вино и, глядя на жениха и невесту, говорит: «*горько, очень горько, пить нельзя!*». Тогда жених и невеста должны целоваться, а гость пьёт вино. Часу в первом за полночь стол кончился; все, довольные угощением, благодарили стариков хозяев и невесту, целовались, по обыкновению, и расходились по своим домам.

На другой день невеста звала к себе родных и соседок-подруг девушек гостить во всю свадьбу и шить приданое. Шитья, впрочем, было немного: наволочки для оголовья и подушек из красного коленкора, а поверх их кисейные с оборками кругом, одеяло матёревое⁹⁵ стёганое с оборками же кругом; пуховая перина — приданое матери, занавес ситцевый с широким подзором. Подзором называлась кайма, которая привешивалась снаружи по верху занавеса. Она всегда вырезывалась городами⁹⁶ и обшивалась бахромой.

Скоро пришёл жених и принёс подарок невесте: голову сахара и в кульке фунт⁹⁷ чаю, фунт кофе и фунтов пять разных гостинцев, для угощения девушек, которые невеста, насыпав на тарелки, тотчас же и поставила на стол.

Жених приходил к невесте каждый день, во всякую пору, и каждый вечер сидел долго, иногда часов до двух и трёх за полночь. В это время невеста и девушки одевались получше, а так как шитья было не много, то они играли в карты парами и пели песни. Иногда вечерами впускали молодых поиграть с девушками. Песни пелись всякие, но иногда пелись и особенные свадебные, из числа коих одна особенно сильно трогала всех. Эта песня изображала отношения девушки, вышедшей замуж, к злой свекрови и недобрым золовкам.

⁹⁵ Матёревый — из дорогой покупной ткани.

⁹⁶ Гóрод — узор в виде зубцов или зигзагов на кружеве.

⁹⁷ Фунт — единица измерения массы, равная 0,4 кг.

Может быть, однообразный, унылый напев этой песни всегда заставлял плакать всех, почему девушки редко могли допеть её до конца. Вот её содержание:

Из-за лесу, из-за тёмного,
Из-за тёмного, дремучего,
Вылетало стадо гусиное,
А другое лебединое.
Отставала лебедь белая
Да от стада лебединого,
Приставала лебедь белая
Да ко стаду-то гусиному,
А чужие гуси щиплются.
Не щиплитесь, чужи гуси!
Не сама я залетела к вам,
Занесло меня погодушкой.
Так чужие люди бранятся:
Не бранитесь вы, чужи люди!
Не сама я к вам заехала,
Завезли меня лошадушки.

Наша невеста не много плакала под напев этой песни; она утешала себя тем, что шла не к свёкру и не к свекрови, которых не было, и что тотчас после свадьбы сделается полной хозяйкой в доме своего мужа.

Так покойно, согласно, хорошо началась свадьба. Жених, невеста и её родители, все были довольны, веселы.

После одного длинного, ненастного вечера, жениху что-то не поздоровилось, и он принуждён был дня четыре сидеть дома; но ему нужно было хлопотать о многом, нужно было делать покупку провизии и всякой всячины, так как он хотел, по обыкновению, позвать к себе гостей на уху.

Едва только исправившись после болезни, он в торговый день, в субботу, пошёл на базар за покупками. Дорогой ему попался холостой молодец товарищ, именинник в этот день,

и зазвал его к себе пить чай. Мать и две сестры именинника, пожилые девы, стали расспрашивать жениха о всём, касающемся до его свадьбы и особенно о доме его невесты. Жених рассказывал им всё по порядку. После пожилые девы, мало-помалу, стали уверять его и доказывать, что он во всём ошибается.

Во-первых, говорили они, платьев, шуб, колец у его невесты никогда не бывало столько, а если и покажут ему, так всё чужое, выпрошенное у кого-нибудь на время. Куски ситцев, продолжали девы, принесены к ним для того, чтобы шить из них платья другим кому-нибудь, так как ваша невеста шьёт платья и на посторонних людей. Впрочем, добавили девы, им не учиться стать, они не над первыми вами делают эти вещи.

Жених, расстроенный такими словами, задумался. Одна из дев вспомнила даже, чьи ситцы, и сказала; а другая, перебивая сестру, говорила, обращаясь к жениху: *«А отец вашей невесты записной пьяница, у них и дом-то в закладе вот у того-то»*. — *«А невеста-то, —* подхватила другая сестра, захохотавши: *— невеста-то слепая...»*. — *«Как слепая? —* вскричал жених. — *Да что вы?.. Разве я не видал её? Это вздор»*. — *«Не вздор»*, — отвечали девы и захохотали пуще прежнего. Потом, успокоившись, они продолжали: *«Ведь мы вас жалеем, оттого-то и рассказываем вам всю правду; на вашу-то невесту приходит куричья слепота; чуть вечер, она ничего и не видит...»*. — *«По природе, —* подтвердила мать старых дев, — *бабушка её была такая же слепая. Теперь, может быть, у неё этого и нет, потому что её лечит тётушка наша Анисья примочкой; она теперь ещё молодая, а что будет, как будет постарше-то?»*.

Жених ушёл от именинника сам не свой, как полоумный, ходил по рынку, покупал что было не нужно, а нужного ничего не купил. Он хотел уже идти домой, как на встречу ему попался наречённый тесть хмельной, с какими-то ему знакомыми мужчинами, и стал звать своего наречённого зятюшку в трактир пить чай. Жених едва мог отговориться. В описы-

ваемое здесь время, у нас в Мологе ходить в трактир считалось столько же бесчестно, как ходить в кабак.

Идя дорогой к дому, жених настиг старуху. Она остановила его словами: *«Погоди-ко, погоди, женишок дорогой! Уж не хочешь и с родными-то знаться, вишь больно богат приехал из Питера-то. Ну да что! ведь мы люди бедные...»*. «Нет, кормилец, — заговорила старуха громче, — как женишься да возьмёшь эту-то невесту, сосватался на которой, может быть... ну да не дай тебе, Господи, может, поверишь тогда и нам, бедным. Я, кормилец, у твоей-то невесты жила, почитай, год, да и теперь ещё денег не получала, ну да Бог с ними». — «А что, бабушка, — спросил её жених решительно, — говорят, моя-то невеста слепа?». — «Знаю, кормилец, знаю, — отвечала старуха, — да времени-то мне нет с тобой поговорить, а уж одинова⁹⁸ скажу тебе, кормилец: не подумал ты, не спросил добрых людей — ну после, может, будешь каяться, да уж поздно будет». — «Так что же мне делать-то, бабушка? Ведь я уж с ней и Богу помолился». — «А что за беда, что Богу помолился. Отстают от невест-то и после девичника... Да прощай же, прощай!» — сказала старуха и ушла в ворота на двор.

Жених, окончательно расстроенный словами старухи, едва имел силы дойти до своего дому; в глазах у него зеленело; не раздеваясь, он лёг на постель. Он думал: какая причина заставляла старых девиц так решительно высказать ему всё про его невесту, где, может быть, много и правды? Если между ними и его невестой были какие неудовольствия, о которых он ничего не знает, то какая же причина заставляла старуху, притом, по её словам, родственницу его, так худо, намёками, сказывать про его же невесту и её родителей? А наречённый-то тестюшко — пьяный...

«Нет, тут что-нибудь да очень нехорошо», — сказал вслух сам себе жених. Он встал и начал ходить по горнице,

⁹⁸ То есть один раз.

не зная, что такое с ним делается. Он мало думал о том, что его обманут в приданом, ему до крайности было жаль бедной девушки невесты, и про одной мысли, что она слепа, он готов был плакать о ней, если он мог плакать теперь, но глаза у него были сухи и во рту пересохло.

В горницу вошла постоялка; она накрыла на стол, принесла щей с говядиной, похлёбку и пирог. Жених хлебнул ложки по две и только. *«Вам ещё нездоровится?»* — спросила постоялка. — *«Да»*, — отвечал он, и лёг на постель. Он неприметно заснул. Проснувшись перед сумерками, он думал: дай, теперь схожу к невесте под вечерок и посмотрю на неё.

Он пришёл к невесте в горницу; девушки шили, невесты тут не было; скоро, однако, она пришла, поздоровалась с ним и села. Жениху показалось, что, точно, глаза у невесты были очень мутны; сама она была что-то не весела. На дворе смеркалось. Жених взял со стола у девушек два ситцевых обрезка и стал их рассматривать, потом спросил невесту, который ситец ей больше нравится? Она указала на один лоскуток. *«А мне так вот этот нравится»*, — сказал жених. — *«Посмотрите, как хорош этот мелконький узорчик»*. — *«Я худо вижу теперь»*, — сказала невеста, — *«у меня сегодня весь день болит голова»*. И стала протирать свои глаза платком. Не долго посидел жених у невесты и ушёл прямо к своей сестре, рассказал ей всё подробно, и как сейчас испытал невесту. Сестра, выслушавши его, как говорится, стала в тупик.

Между тем, в доме невесты происходило не лучше этого: одна из девиц, гостивших у невесты, побывала у себя дома и принесла оттуда много новых вестей; между прочим она по секрету, и то лишь любя подругу невесту, рассказала ей, что жених её приехал в Мологу навсегда, что в Питере ему отказано от места, где он жил, а отказано ему потому, что он пьяница. На этих днях, продолжала девушка, он не хворал, а просто пьянствовал, кутил со своими приятелями. Мой брат вот уже четвёртые сутки пропадает, и сыскать его не знаем где, верно он у него же, да не сказывают.

Сладко ли было невесте слышать подобную новость про своего жениха? Она не ужинала, всю ночь проплакала с пятницы на субботу, и потому не мудрено, что у неё болела голова в то время, как жених видел её. Притом, она думала: может быть, ведь это и правда, он был у нас сам не свой; тятенька и маменька собираются завтра к нему на уху, а он про уху-то ни слова не сказал, верно, ему не до ухи. Посмотрим, придёт ли завтра утром зов звать на уху? Кажется, что нет. И невеста опять горько-горько плакала. Она боялась сказать обо всём этом отцу и матери, чтобы, может быть, напрасно не огорчить их. Когда её спрашивали: почему она мало пьёт чаю и не обедает, она отвечала, что голова болит и по большей части лежала. Она даже похудела. Так прошло утро воскресенья. Зов не приходил от жениха, и наречённые его тесть и тёща стали беспокоиться, угадывая причину. Они послали узнать о здоровье жениха; его не было дома, и не ночевал. Это для стариков была горькая загадка.

Перед вечером пришла к ним женихова сестра, сваха. Её приняли с радостью. Старики тот и другой стали спрашивать почему жених не идёт к ним? — не здоров, а дома его нет. Сваха, по порядку, стала рассказывать, что люди говорят про них и про невесту. Невеста, случившаяся тут же, слушала-слушала и зарыдала. Сват-старик, выслушав всё, встал, хотел что-то сказать, но невеста сквозь слезы стала рассказывать, что она слышала про жениха; той девицы, которая сказывала ей, тут не было, она ушла домой.

Отец, выслушавши дочь, посмотрел на сваху и сказал: *«Свахонька, если твой брат верит всему, что ему наговорили про нас злые люди, так и мы вправе верить тому, что говорят про него; а как я знаю, что это только одни сплетни, без которых ни одна свадьба у нас не бывает, так по моему лучше бы было, если б жених пришёл сюда сам и обо всём рассказал бы мне одному. Ты, свaxonька, если хочешь, чтобы у нас всё было по-прежнему, по глаголу с миром, сходи-ко за братом-то и приведи его сюда;*

вчера он был у нас недолго, да я его не видал, признаться, я спал».

Сваха ушла и чрез час пришла с женихом. Жених от болезни, а больше от расстройства очень похудел; его приняли по-прежнему ласково. Невесты не было в горнице. После обыкновенных опросов о здоровье, речь перешла к объяснениям. Старик говорил: *«Дело ясное, эти старые девки, сколько я их знаю, везде самые-то сплетницы и есть; на-доели они нам со своим братом, вот уж другой год сватаются к нашей дочке-то; поэтому им и стало досадно, как слышали, что вы сосватались у нас, вот и давай рас-страивать. А на счёт приданого-то, вы как хотите, хоть верьте, хоть нет, а у нас чужого нет».* — *«Полноте, сва-тушко, об этом говорить, — сказала сваха, — ведь я сама знаю, что у вашей-то дочки все своё, знаю, что она в чу-жом-то исходит».* — *«Ну, а коли знаешь, сваха, — отвечал старик, — так нечего и говорить про это; а что про дом, так их-то дом у меня в закладе».*

Старик достал из сундука толстый, большой кожаный бу-мажник, вынул из него бумагу и сказал: *«А вот и закладная законная».* Жених прочитал её. *«Теперь про старуху ска-жу, — продолжал старик. — Она жила у нас и оказалась воровкой, да нездоровой, так что срам; ссылал я её от себя честью, так нет — не шла, и принуждён был выгнать её из дому с помощью полиции».*

В горницу вошла невеста и поздоровалась с женихом; глаза у неё были заплаканы; по-видимому, это тронуло же-ниха сильно, он взял её за руку и посадил подле себя. Раз-говор мало-помалу из серьёзного перешёл в обыкновенный и даже весёлый. Жених показал письмо, полученное им из Питера от хозяина, в котором хозяин собственноручно пи-сал ему и просил поторопиться ехать в Питер, ежели не на-чата свадьба. Старуха, мать невесты, засмеявшись, сказала дочери: *«Аннушка, люди говорят, что ты у нас слепа ку-ричьей слепотой. Ну-тко, покажи, что ты делаешь по ве-*

черам; покажи-ко, покажи!». Невеста принесла кружевную подушку, кругом увешанную коклюшками. Девушки, между тем, услышав про небывалую слепоту своей подруги, смеялись, и одна из них сказала: *«Я учусь у Аннушки по вечерам плести кружево, да никогда не видала и даже не слышала, чтобы она когда пожаловалась на свои глаза, эдакой вздор!»*. Невеста показала свою работу — кружево с мелким узором, и стала его плести; она повеселела, засмеялась, потёрла себе глаза рукой и спросила свою мать: *«Маменька, да что же такое куричья-то слепота? Ведь это цветки?»*. — *«Да, да, — отвечала мать, — кто с ними водится, так тот, пожалуй, и ослепнет»*. Девушки продолжали шить и, подозревая к себе невесту, стали примеривать ей лиф ситцевый. — *«Да, вот ещё, — сказал старик, смеясь. — Мы, сватьяшка, по вашему-то желанию шьём невесте два платья из чужих-то ситцев»*. Все засмеялись.

«Вот есть какие люди!» — вздохнувши, сказал жених. — *«Да, — подтвердил старик, — у нас то ли ещё бывает; не только сбить с толку такого молодого человека, как вы: собьют, пожалуй, чуть с ума не сведут и старика, а все эти окаянные колдуньи, прости Господи, старые девки да бабы!»*.

Наконец, все подобные намёки о прошедшем забылись. Подали чай. Девушки оставили шитьё и стали играть в карты; к ним присоединились жених, невеста и сваха. После чаю пришли два молодца, родственники невесты; девушки запели весёлую песню, потом стали играть парами. Вечер прошёл прежним весёлым порядком; часу во втором жених с сестрой пошли домой и, прощаясь, жених поцеловал невесту, взяв честное слово быть ей у него на ухё и с девушками гостями; а наречённым тестю и тёще, извиняясь, говорил: *«Вам известно по какой причине не было у меня уха сегодня, и потому я всепокорнейше вас прошу пожаловать ко мне на уху во вторник»*.

Уха

Во вторник вечером к жениху собрались гости свои, потом пришёл наречённый тесть с женой, с дочерью, при которой были и девушки, и со своими родственниками. Здесь невестина родня, как новая родня для жениха, заняла почётные места в переднем углу. После кофе и чаю явились пунши. Кто помоложе, сел играть в карты; после девушки и молодые женщины пели песни и играли парами.

Стол, или ужин, был обыкновенный, но непременно с ухой, потому что жених звал гостей на уху. Все гости весело провели вечер у жениха, и когда они разошлись, последние пошли домой наречённые тесть, тёща и невеста с девушками. Жених провожал их до двора невестина.

Рукобיתье

Обыкновение требовало, чтобы в продолжение *игры-свадьбы* у невесты было непременно три стола: *богомолье*, *рукобיתье* и *девичник*. Для рукобיתья нарочно заказывали печь круглый пряник-*рукобיתник* с разными узорами, золочённый, на одном меду, величиной с тарелку. Невеста посылала зов звать своих родных к себе на рукобיתье, а жених от себя посылал зов звать своих родных к себе на рукобיתье же. Те и другие родственники собирались одни к невесте, другие — к жениху, обыкновенно вечером. У невесты готовили стол по числу гостей; на середине стола, на оловянном блюде, ставили пирог с рубленой говядиной, а на него клали рукобיתник. Но вот гости собрались все; пришёл жених со своей роднёй и занял почётные места.

Посидев несколько, невестин отец встаёт, идёт на средину горницы и, обращаясь к крёстному и посажёному отцу женихову, говорит: «*Ну-ко, сват, вставай, да попробуем мы с тобой своих сил и счастья*». Приглашённый сват встаёт и становится против него. Первый сват берёт пряник-рукобит-

ник и одну половину его норовится как можно крепче взять обеими руками, а другую половину рукобитника подаёт свату; тот также старается взять её крепко обеими руками. Потом они начинают тащить пряник один к себе, а другой к себе, до тех пор, пока пряник не разломится на две половины. После этого старики меряют половинки пряника, но так, что каждый из них старается выказать свою половинку большей, для того, что *у кого пряника больше, у того силы и счастья больше.*

Глядя на стариков, все смеются, а они прячут половинки рукобитника в пазухи. После подвига над рукобитником, гостей просили садиться за стол; они сели за стол обыкновенным порядком, новая родня выше старой. Всех обносили водкой и вином. Порядок стола шёл обыкновенным образом, как водилось; после стола старики, старухи и кто хотел уходили домой, а молодые, особенно женщины, оставались ещё гостить с женихом; для них подавали кофе и потом чай. После чаю играли в карты, пели песни и играли парами; таким образом гостили у невесты часов до трёх за полночь.

На другой день, утром, жених пришёл к невесте и с согласия отца и её матери назначил быть девичнику в будущее воскресенье, а свадьбе в какой-нибудь день будущей недели, потому что жених, в силу хозяйского письма, торопился ехать в Питер. Девушки торопились дошивать постельные принадлежности и посылали к жениху в дом мерять вышину горницы для длины занавеса и высоту окон, чтобы по мере их кроить и шить занавески.

Вечером жених опять пришёл к невесте. День-ото-дня, чем ближе к свадьбе, хлопот и суетни становилось больше, поэтому жених, невеста и все окончательно забыли о прежних неприятностях, все были веселы.

В этот вечер девушки вздумали напомнить жениху, чтобы он, в общей радости, вспомнил и о них. Для этого они сделали следующее: по причине холодной осени, жених сверх сибирки надевал армяк и, придя к невесте в горницу, снимал

с себя армяк, вешал либо клал его где-нибудь, также и картуз. Девушки тихонько унесли армяк и картуз в избу, и попеременно та и другая уходили из горницы, нашивали на армяк из приготовленных раньше лент банты и таким образом разукрасили всю спину армяка от воротника до подола, на локтях и к плечам рукавов. Тоже сделали они над картузом, потом также тихонько армяк и картуз положили на прежнее место. Посидев вечер, жених оделся и ушёл домой, нисколько не замечая проказ девушек.

Недовольные ещё этим девушки взяли с собой работницу, здоровую женщину, и пошли к женихову дому. Здесь, уверившись, что жених и постояльцы уже спят, они пересадили работницу через забор; та тихонько отперла ворота, и все взошли на двор. Они натаскали к крыльцу дров, худых кадок, и, найдя где-то верёвку, завязали, запутали ею двери крыльца так, чтобы из них не было выхода, сверх того завалили дверь всяким хламом. С улицы они также завязали и запутали ворота, в приличных местах насадили на них мочальных бантов, и ушли. Всё это делали они для того, *чтобы-де он, жених, к нам не ходил и девушку, подругу нашу, от нас к себе не уводил.*

Попутру рано постоялец разбудил жениха и просил его показать выход из дому на двор и на улицу; сначала жених с просонков не понимал, что это значило, потом догадался. Изнутри крыльца отпереть не было возможности, и постоялец принужден был вылезть в окно, чтобы отпереть ворота. Соседи только хохотали, не помогая отпереть их, и постоялец полез через забор.

Напившись чаю, жених оделся, чтобы идти на базар; надевая картуз, он заметил на нём банты, засмеялся, сорвал банты, надел картуз и пошёл. На улице ему попали навстречу женщины и, взглянув на него, захохотали и стали поздравлять его с обновами. Жених догадался, взглянул несколько на себя сзади — и там банты только пестрелись. Сначала это показалось ему досадным, а женщины, хохоча,

говорили: *«И, батюшка! У нас уж такое обыкновение, это над каждым женихом делается. Это значит, девушки тобой недовольны, гостинцев от тебя требуют».*

Посмеявшись с женщинами и с соседями, которые для того же, чтобы посмеяться, смотрели из своих окошек, жених вернулся домой и, смеясь, взошёл в избу к своим постояльцам. Те, увидев его, ахнули, долго смеялись все, и постоялка стала спарывать с него банты, приговаривая: *«Не будь скуп, не будь скуп! Помни девушек, а не то так ушьют, что не наденешь, простегают рукава насквозь, спину, полы, всё стянут сумами, надевай как хочешь».* Делать было нечего, жених пошёл в лавки, накупил целый кулёк гостинцев и отнёс к невесте; он стал рассказывать, как отпирали крыльцо, ворота, как хохотали женщины и соседи, смотря на его разбанченный армяк, и невеста, девушки, даже старики, которые до сих пор ничего не знали о проказах девушек, смеялись до слёз.

Время шло. Девичник приближался, а там и свадьба. Однажды вечером наречённый тесть отвёл жениха к сторонке и стал говорить с ним о деле. *«Вот что, наречённый мой любезный зятюшко, — начал старик, — ты женишься, после свадьбы скоро уедешь в Питер, оставишь жену молодую одну дома, что же она у тебя дома-то будет делать?».* — *«Я сам, — отвечал жених, — думаю о том же, да не знаю, как и что мне делать в этом случае».* — *«А по-моему вот бы что, — говорил старик, — у тебя дом-то ещё хорош, только крышу бы перекрыть нужно; стоит у тебя постолец, не знаю каков он, а нет — так, пожалуй, его, а нет другого бы пустить во весь дом; а жена-то твоя молодая пусть как жила, так и живёт у нас. Ведь помнишь, жена-то моя сказывала, что всё ей, и дом-от наш ей; а я бы за твоим домом стал приглядывать сам».* — *«Я бы, ты-тенька, — отвечал растроганный добротой старика жених, — был вам за это очень благодарен».* — *«Ну, так вот это и ладно, — продолжал старик, — свадьбу то мы сыграем в твоём доме, а там, как тебе надо будет ехать в Питер,*

и переберётесь сюда к нам... Да что же ты не берёшь у меня денег-то? Они, чай, теперь ведь нужны?». — «Нет, тятенька, — отвечал жених, — у меня есть, я исправлюсь своими деньгами, а которые я беру за невестой, те пусть останутся у неё либо у вас, они пойдут на поправку моего дома, из Питера я ещё пришлю». — «Вот что дельно, так дельно, — отвечал старик, — значит у нас теперь всё ладно, дал бы только Бог свадьбу-то сыграть благополучно».

Оба дома, невестин и женихов, были старинные. Они были построены так: изба, горница и между ними большие сени⁹⁹, чистые с широкими лавками и поліцами¹⁰⁰; в одном углу сеней кладовой чулан, а в другом — лестница на подволоку¹⁰¹, обшитая тёсом. У невесты для девичника нужны были две горницы, одна для гостей, а другая для девиц, по этому случаю занять горницу для девиц, на время, просили рядом у соседа.

Девичник

Девичник — последний и самый значительный свадебный стол у невесты; к нему особенно приглашаются девицы, все ближние и дальние родственницы невесты, соседки, подруги и не подруги, малолетние подростки-девушки. На этом последнем вечере невеста в последний раз может веселиться с девушками девушкой, в последний раз покрасоваться в девичьем наряде и проститься навсегда с девичьей жизнью; поэтому-то сам вечер этот и называется девичником.

Утром, по заведению исстари, два зва, один от жениха, другой от невесты, обходили и позвали всех родных с обеих сторон, от лица и от имени жениха и невесты, прося пожаловать на девичник, да пораньше, потому что будут два стола, один для гостей, а другой — для девиц. В обыкновенное вре-

⁹⁹ Сени — помещение между жилой частью дома и крыльцом.

¹⁰⁰ Поліца (полавошник) — полка, идущая над лавками вдоль стен в русском традиционном доме.

¹⁰¹ Подволока — чердак (чаще — над сенями).

мя, с сумерек, гости начали сходиться к жениху и к невесте. Невесту одевали. Часу в осьмом пришёл к невесте жених со священником и со всей своей родней. Поздоровавшись, новая родня заняла почётные места к переднему углу. Скоро вывели и невесту. Жених подарил ей жемчужные серьги и золотое кольцо. Девицы, между тем одевшие невесту, поспешили одеться сами и заняли назначенную для них горницу, где приготовлено было всё для них нужное.

Гостям и девицам сначала подавали кофе, потом чай; после чаю девицы принялись за свои обыкновенные игры, скоро к ним явились четыре молодца, званные на девичник женихом и невестой. Кроме них на девичник приходило очень много молодцов поиграть с девушками.

Гостей после чаю просили садиться за стол и, попотчевав всех водкой и вином, по обыкновению, просили кушать хлеба-соли. Кушанья подавались и угощение шло обыкновенным порядком. Когда подали гуся, один забавник гость непременно хотел целоваться с женщинами; для этого он стал отрезывать гузку от гуся. Сосед его, старичок, не советовал ему делать этого, говоря, что делать это — целоваться с женщинами при священнике не прилично. Однако забавник гость не слушал старичка, взял гузку на вилку и стал выходить из-за стола; в это время старичок проворно, из-за его плеча, сорвал гузку с вилки и забросил её куда-то. Тем дело и кончилось.

Перед последним пирожным мать невесты стала дарить новую родню дарами: священнику подарила сукна на рясу, крёстному посажёному отцу — сукна же на армяк, свахе — шаль, а прочим — кому материи на жилет, кому — платки разного достоинства и цен.

Стол кончился. Гости, как обыкновенно, старики уходили домой, а молодые женщины оставались поиграть с девушками. Жених с невестой пошли посмотреть на веселье девушек; здесь они поиграли парами, в карты и стали звать девиц и молодцов хлеба-соли кушать. Для девиц стол был такой же, какой был и для гостей, только с тем различием, что шутники

молодцы беспрестанно смешили девушек и почти весь хлеб раскидали, катая из него шарики и стараясь попасть ими в которую-нибудь девушку. Невеста усердно потчевала своих подруг. После стола девушки остались в этой горнице в доме невесты; стол убрали, и одни стали играть в карты, а другие — парами под голос песен. Девушки встали в ряд, один молодец стал ходить взад и вперед, девушки запели:

Ах, молодцы, мало нас,
Удалые, мало нас!
Чижик, чижик, чижичёк,
Маленький воробушек.
Во компании мало стало,
Веселиться не с кем стало.
Чижик, чижик, чижичёк,
Маленький воробышек.
Ты, девушка, подь сюда,
Красавица, подь сюда!
Чижик, чижик, чижичёк,
Маленький воробушек,
Я тебя очень люблю,
За себя замуж возьму.
Чижик, чижик, чижичёк,
Маленький воробушек.

Молодец брал одну девушку за платок, и она ходила за ним следом. Девушки продолжали петь:

Ах, девушки, мало нас,
Красавицы, мало нас!
Чижик, чижик, чижичёк,
Маленький воробушек.
Во компании мало стало,
Веселиться не с кем стало.
Чижик, чижик, чижичёк,

Маленький воробушек.
Ты, молодчик, подь сюда,
Удаленький, подь сюда!
Чижик, чижик, чижичёк,
Маленький воробушек.
Я тебя очень люблю,
За тебя замуж пойду.
Чижик, чижик, чижичёк,
Маленький воробышек.

Песню эту пели до тех пор, пока разобрались все молодцы и девушки; потом стали вить капустку под голос песни: «Вейся, вейся капуста».

Несколько молодых женщин, оставшихся из числа гостей для того, чтобы посмотреть на девушек, имели в голове два предмета, о чём, однако, знали девушки и в отношении к ним держали себя осторожнее. Первый предмет был — хорошо рассмотреть некоторых девушек, для которых у них были женихи; второй предмет был — после сытного стола и хорошего угощения им хотелось повеселиться. Они вздумали спеть вместе с девушками весёлую песню в честь льна; для этого они, подговоривши девушек и взявшись за платки, составили большой круг — хоровод, в котором приняли участие и молодцы. Все, может быть, до тридцати человек, хором запели:

Уж я сеяла, сеяла ленок,
Я, сеявши, приговаривала,
Чёботами приколачивала:
Ты удайся, удайся, ленок,
Ты удайся, мой беленький ленок!
Лён мой, лён,
Белый лён,
При горе-горе,
При крутой,
При зелёной,

Стоял лён,
Белый лён.

По направлению круга все проворно, почти бегом, ходили в одну сторону, потом, повернувшись, ходили в другую сторону, а молодые женщины при словах «чёботами приколачивала» усердно топали ногами о пол. Потом начинали петь сначала, припевая к каждой операции, следующей во время приготовления льна, до его износу, так:

Теребила, теребила я ленок,
Теребивши, приговаривала,
Чёботами приколачивала. [И т. д.]

Я мочила, мочила ленок,
Я, мочивши, приговаривала. [И т. д.]

Уж я мяла, я мяла ленок...
Я трепала, трепала ленок...
Я чесала, чесала ленок...
Уж я пряла, я пряла ленок,
Я мотала, мотала ленок,
Уж я ткала, я ткала ленок,
Я белила, белила ленок,
Я кроила, кроила ленок,
Уж я шила, я шила ленок,
Я носила, носила ленок...

Игра эта продолжалась довольно долго; потом усталые девушки сели и стали играть в фанты. Так веселились на девичьем вечере, пока слышали благовест к заутрене. Все стали прощаться и разошлись по домам. Смотрельщиц со стороны, как обыкновенно, было множество — женщин и девиц. Свадьбе назначили быть в будущую среду.

В понедельник, на другой день после девичника, жених

принёс невесте подарок — туалет¹⁰², и при нём все туалетные принадлежности, в том числе *девичью красоту*, то есть атласную розовую ленту, и свечи венчальные, украшенные бантами из розовых лент. Нужно сказать, что в старину девушки косу свою не завивали в пучок на затылке, а распускали её по спине, и в неё, перед свадьбой, вплетали розовую ленту *красоту*. После свадьбы, в тот же день, девушки, которые гостили у невесты, делили между собой *красоту* и после долго хранили её у себя. А так как в описываемое здесь время девушки уже не распускали своих кос по спине, то не вплетали в них и красоту, но обыкновение дарить невесту *красоту* продолжается до сих пор.

Во вторник после половины дня жених выпросил у молодых купцов несколько лошадей в дрожках и послал их к невесте за постелью. Постель постлали на дрожки надлежащим порядком, то есть на перину положили сголовье, покрыли одеялом, а наверх положили подушки. На другие дрожки поставили сундуки с приданым невесты, и повезли к жениху. За постелью поехала невестина сваха с двумя родственницами. Постель встретил жених с сестрой и с родственниками, всё внесли в сени.

За несколько дней прежде в сенях сделали перегородку, отделив место для брачной комнаты. Здесь-то, на кровати постлали постель и повесили занавес, на время только. На зеркало, бывшее тут же, повесили полотенце¹⁰³ с широкими браными и кружевными концами; сундуки спрятали в кладовой чулан. После этого сваху и других, которые привезли постель, угощали вином, потчевали кофеем, чаем и гостинцами, сверх того дарили платками. Кучеров, которые привезли постель, потчевали водкой и также дарили платками. Сваха с родственницами уехала к невесте, все очень довольные женихом.

¹⁰² Туалет — здесь: женская одежда.

¹⁰³ Полотенце — украшенный вышивкой, полосками узорного ткачества, кумачом, позументом, кружевом кусок холста.

Свадьба

В среду, в день свадьбы, у жениха и невесты дел было множество; хотели, чтобы свадьба была пораньше; жениху хотелось, чтобы поезд был большой, то есть, чтобы лошадей было больше, а как он был мало знаком в городе, не знал у кого просить их, то похлопотать об этом взялся его наречённый тесть.

У жениха в доме все были, как говорят, на ногах, чистили двор, таскали столы, стулья; наёмная стряпуха готовила съестное и торопилась затоплять печь во второй раз. После полудня жених посылал в дом к невесте узнать и попросить поторопиться к свадьбе, ему отвечали: скоро, скоро, подождите, а между тем время шло, вечер приближался. К жениху лошадей наехало много, у него уже приготовлен был дружка — молодой женатый мужчина¹⁰⁴. Наконец, жених узнал, что пора бы ехать за невестой, а священника не было — за ним давно была послана лошадь, но он не ехал. Часу в седьмом приехал священник.

Между тем, к жениху и к невесте собрались все родственники; крёстный отец жениха благословил сына богатой иконой Спасителя; все, помолившись Богу, стали садиться на лошадей и поехали за невестой. Впереди ехал жених со священником, за ними — сваха с дружкой, у которого на руках была хлеб-соль, то есть коровай белого хлеба, нарочно печёный; далее — крёстный отец жениха и прочие.

У невесты встретили их на крыльце и ввели в горницу, где все сели в ожидании невесты. В это время невеста прощалась с своими родителями, кланяясь им в ноги; она благодарила их за воспитание и горько плакала; отец и мать также плакали, зная по опыту, что этот важный переворот в жизни каждого человека — брак решает судьбу всей жизни к лучшему или худшему. Потом они ещё раз благословили её иконой, невесту стали готовить к выводу. В оба башмака её,

¹⁰⁴ Дружки распоряжались свадьбой и следили за тем, чтобы обычай был соблюден так, как его понимает община.

под пятки, положили по серебряной монете в знак благополучия, от хранения от худого глаза и благополучной, счастливой жизни замужем; потом сваха повела её в горницу. При входе невесты в горницу все встали.

Поздоровавшись, невеста села рядом с женихом, а по сторонам их сели свахи. На небольшом, накрытом скатертью столе стоял разрезанный пирог с рыбой, а подле него — невестина хлеб-соль; дружка переменял хлеб-соль, свою оставил на столе, а невестину взял. Гостей обнесли белым столовым вином, потом невестина мать дарила дарами священника, женихову сваху и дружку. Дружке дали везти в церковь икону, которой родители благословляли невесту, и свечи венчальные. Через четверть часа все встали и начали молиться Богу. Священник читал молитву, и все пошли вон из горницы, чтобы ехать к венцу. На передней лошади ехал священник с женихом, за ними в коляске невеста с двумя свахами, потом два свата старики, дружка с иконой и свечами, и прочие родственники, в числе которых находились и молодцы, званные женихом и невестой, родственники. Поезд состоял из коляски парой в дышле и девяти дрожек.

Невеста была одета следующим образом. Причёска головы: косо́й пробор, коса на затылке была завита корзинкой, а между ней и головой воткнута была высокая черепаховая гребёнка; на висках височки завиты в кольцо, за ушами по три локона; серьги золотые с жемчугом — подарок жениха. На шее снизка жемчужная в пятнадцать ниток с фермуаром; ниже её цепь бронзовая золочёная, крупными кольцами. Платье шёлковое светло-голубое с пышными буфами у плеч, далее рукава узкие с остёбками на кистях рук; лиф гладкий с полуоткрытым воротом, вокруг которого и у остёбок обшито узеньким белым кружевом; подол платья отделан в два ряда буфами, в роде гирлянд. Платье — подарок жениха. На ногах тонкие белые чулки и сафьянные розовые башмаки.

Костюм жениха: на шее галстук кофейного цвета с не-

большим бантом¹⁰⁵, манишка¹⁰⁶ белая с широкими складками, жилет чёрный бархатный полушалью¹⁰⁷; полусибирка, или сертук¹⁰⁸, не очень длинный, до икр, и брюки на выпуск; сапоги козловые.

Давно известно, что в Мологе исстари есть колдуньи, которые рады бывают случаю свадебному, чтобы испортить жениха или невесту, как гласят наши бабы; по этому случаю на обязанности свах лежит беречь их. При входе в церковь свахи смотрят, не лежит ли что-нибудь у порога церковного: те-сёмочка, верёвочка, прутик или тому подобные вещи, положенные колдуньей. Эти вещи, по мнению тех же баб, бывают достаточны, чтобы испортить человека. В предохранение от такого несчастья в карман жениху клали ножик, а невесте во все складки платья втыкали множество булавок¹⁰⁹, в башмаки насыпали колóтику¹¹⁰.

Когда все вошли в церковь, дружка поставил икону на один из шандалов местных икон и перед ней свечку, сам пошёл и встал по правую сторону жениха. Посторонних зрителей в церкви было множество, и, конечно, больше женского пола. Сзади невесты встали её подруги девушки; по правую руку жениха — его сваха, а по левую невесты — её сваха. После чина обручения, дружка разостлал на полу платок *подножельник*, на который священник и поставил жениха

¹⁰⁵ До конца 60-х гг. XIX в. в основе кроя галстука лежала конструкция, близкая шейному платку, — им охватывали шею спереди и, скрестив сзади концы, завязывали в узел спереди.

¹⁰⁶ Манишка — вставка для мужского или женского костюма в виде нагрудника, видимого в вырезе жилета, фрака или дамского платья.

¹⁰⁷ Полушалъ — имеется в виду крой воротника жилета.

¹⁰⁸ Сертук (сюртук) — деталь мужского костюма, появившаяся в России в первые десятилетия XIX в. Поначалу сюртук был одеждой, предназначенной для улицы. Постепенно укорачиваясь, сюртук становился прообразом современного пиджака.

¹⁰⁹ Считалось, что железный предмет может защитить от сглаза.

¹¹⁰ Колóтик — пресноводная губка, бодяга. Считалось, что это растение также защищает от дурного глаза.

с невестой. Зоркие глаза женщин зрительниц тотчас заметили, что на платок, разостланный на полу, первый ступил жених, почему и заключили, что он будет над своей женой большой, и жена будет слушаться его во всём, а если бы на платок ступила невеста первая, то было бы наоборот. Не мудрено было заметить это, когда местные свечи и паникадило ярко освещали церковь. После венчания и молитв, когда, по приглашению священника, новобрачные поцеловались, их стали поздравлять родственники с законным браком.

В поезде из церкви в коляску сели новобрачные со своими свахами, а за ними и прочие поезжане родственники. В доме новобрачного встретил новобрачных крёстный отец с родственниками. Когда вошли все в горницу, где уже был накрыт стол, новобрачные встали перед иконами, крёстный отец благословил их иконой, они поклонились иконе в землю и поцеловали её, потом наклонились, и он благословил их хлебом-солью, после того все сели.

Послали лошадей за тёщей и другими родственниками, которые не были в церкви. Тёща, изготовив сладкий пирог, рёзанов и прочего пирожного, повезла всё это в дар новобрачным. Стол был готов, всех гостей попросили садиться за стол, их обнесли водкой и вином, гости стали есть пирог. После первого кушанья (пирога) новобрачных проводили в их комнату, где для них готов был чай, и где они, прежде всего, должны были съесть по просфоре, поданных на проскомидию¹¹¹ за обедней, за их здоровье. Здесь они отдыхали после беспокойств и подкрепили себя пищей, потому что не ели целый день.

Кучеров поили водкой и дарили платками. На дворе выставлено было несколько вёдер вина-полугару, и нарочно приставленный к тому человек поил им всех проходящих

¹¹¹ Проскомидия — первая часть литургии. На ней путём особых священнодействий из принесённых хлеба и вина готовится вещество для евхаристии, при этом совершается поминовение всех членов Церкви, как живых, так и усопших.

мужчин. Кроме вина, тут же стоил большой чан с пивом; приходящие пили пиво, кто сколько хотел. Это *выставка*, и это обыкновение ведётся до сих пор. Стол продолжался не долго; гости, поблагодаривши за угощение и пожелавши новобрачным покойной ночи, разошлись все по своим домам.

Визиты и поздравительный стол

Утром, на другой день, истопят для молодых баню. А между тем в доме у тестя оденут кого-нибудь сколько можно чуднее, человек двух-трёх вымарают сажей, в руки дадут худой заслонок либо сковороду, ухват, помелó¹¹² и ещё что-нибудь¹¹³. Ряженные, обыкновенно хорошо опохмелившись, идут к молодым поздравлять их, и как кто из них умеет — стучат, гремят и поют; угостившись у молодых ещё, они ещё чуднее возвращаются назад.

Молодые, напившись чаю, кофе, идут в баню мыться: здесь им не дают покоя, шутят над ними. После бани, отдохнув, молодые одеваются в лучшее платье, почти также, как были под венцом. Дружка одевается тоже и готовит кулёк гостинцев. Одевшись, молодые едут с визитом и обыкновенно прежде всех к тестю, а за ними едет дружка с гостинцами. Молодая кланяется отцу и матери в ноги, благодаря за воспитание и попечение о ней, потом также кланяется и молодой, и благодарит их за её же воспитание. Смотреть на молодых сбегаются посторонние женщины; при этом они не пропускают случая заметить: как молодой кланяется в ноги

¹¹² Помелó — приспособление для подметания пода печи, чтобы очистить его от угля и золы перед посадкой хлебов. Представляет собой длинную деревянную рукоят, к концу которой привязывались сосновые, можжевеловые ветки, солома, мочало или тряпка.

¹¹³ Сковорода и ухват не случайно упоминаются как атрибуты ряженных. Они выступали, во-первых, в качестве неких заместителей печи, то есть связывались с культом домашнего очага, а, во-вторых, являлись оберегом ещё и потому, что были сделаны из металла. В быту и фольклоре сохранилось представление о силе железа, которого боятся злые духи.

тестю и теще, как благодарит их, и что молодая, не меняется ли в лице при этом? И из всего, что заметят, выводят заключение о честной жизни молодой в девушках, или наоборот. Дружка, между тем, приносит гостинцев и угощает ими всех; молодым подают кофе и дарят их платками, чайными чашками, или чем-нибудь подобным. Оттуда едут с визитом в другой дом, наблюдая¹¹⁴ старшинство своих родственников, и таким образом объезжают всех.

Вечером к молодым собираются званные звом гости и приходят тесть и теща со своей роднёй. Стол и угощение бывают как обыкновенно; при этом молодой хозяйке очень часто приходится краснеть от нескромных шуток подгулявших гостей и целоваться с молодым мужем. После стола подают кофе и чай, а также потчуют гостинцами; гости при этом случае уговариваются между собой, когда кому из них и в какое время звать молодых к себе в гости.

Отвóдины

На третий день после свадьбы молодые идут гостить к тестю; здесь они гостят дня три, а между тем каждый почти вечер их зовут к себе другие родственники в гости; а как родственников у них бывает много, то это перегащивание продолжается недели две и больше. Это называется делать отвóдины.

Сыграть свадьбу считается делом немаловажным. И в самом деле, ведь говорят же наши старики: свадебку сыграть не мутовку облизать. У нас только случай помогает жениху узнать хорошо девушку, а часто и вовсе не обращают внимания на её нравственность, лишь бы только пришлось взять за ней побольше денег; зато последствия таких браков бывают очень неутешительны.

¹¹⁴ Наблюдая — здесь: соблюдая.

Приедет молодец из Питера ненадолго только для того, чтобы жениться, а ему сватают вдруг нескольких невест: как выбрать, которая из них лучше? На вечере, на киселке или на именинах много ли узнаешь? Видна одна наружность, а наружность обманчива; притом у питерца свой расчёт: без денег жениться нельзя. Чем лучше девушка во всех отношениях, тем меньше норовят дать за нею приданого, а в особенности денег.

Если случится молодцу сосвататься на хорошенькой девушке и притом выгодно, то зависти от родственников других невест бывает множество, непременно пойдут сплетни, расстройство, и случается, что этими средствами свадьба расстраивается. Редкая свадьба проходит без таких неудовольствий. Случается, что жених бывает обманут кругом: начнёт он свататься к невесте — его расстраивают, сватается к другой — расстраивают, к третьей — тоже; жених видит после, что его напрасно расстроили с первыми невестами, он сватается к ним опять; там уже, почему либо, не отдают, или невеста не хочет за него идти, может быть расстроенная со своей стороны, или потому, что невеста и её родные считают себя выше тех невест, к которым после сватался жених.

А между тем время уходит да уходит, и вот жених не хочет больше слушать никаких сплёт¹¹⁵, сватается ещё к невесте; дело пошло на лад; напрасно говорят жениху, что он ошибается, что его кругом обманут, он никого не слушает. Свадьба идёт своим чередом, даже лучше, чем у прочих — тихо, покойно, и жених весел. Он рассуждает: пожалуй, слушай всякого, наговорят и не весть что, хоть бы и про мою невесту, а вот как всё хорошо идёт. Свадьба сыграна. Чрез два-три дня к молодой жене приходят попросить надеть на вечер то жемчужку, то золотых колечек. Далее эти просительницы являются чаще и начинают не просить, а требовать своего, кто платья, кто шубы, и после оказывается, что невеста вышла замуж ни с чем. Тогда напрасны бывают и жалобы, и выговоры тестю — будут отвечать одно: любое, либо

¹¹⁵ Сплётки — сплетни.

деньги, либо приданое, а нам взять негде. — «Для чего же, — скажет зять, — *выдавать было свою дочь с обманом?*». — «А как же быть? — ответят ему. — *Теперь мы одну сбывли с рук, а четыре ещё остались, надо и для тех приданое*». Или муж, видевши обман в приданом своей жены, начинает бранить её и чем дальше, тем хуже, начинает бить её и посылает к отцу требовать приданого; оттуда её гонят, и бедной молодой замужняя жизнь делается не жизнью, а каторгой.

Бывает и наоборот. Приедет молодец питерец не на долгое время, только жениться и то поскорее; долго жить в Мологе нельзя — хозяйские дела, торговля не позволяют. Приедет он щёголем, сватается к невестам не по себе, к богатым купцам; там, разумеется, отказывают ему решительно; вот он сватается к ровным себе и — счастье! — на первой же невесте сосватается и денег возьмёт за невестой. Свадьбу играть торопись, приданое шить нет времени, да жених не взыскивает много.

Свадьба сыграна, молодые часто не только гостят, живут у тестя, и *новоженя*¹¹⁶ приметно перестаёт торопиться ехать в Питер. До тестя доходят слухи, что его зятю в Питер ехать не зачем, что там он уже не найдёт себе места; тесть, не веря ещё этим слухам, начинает, однако, не только напоминать зятю, начинает серьёзно посылать его в Питер. Отправят зятюшка в Питер и ждут от него письма, денег; проходят недели три, месяц, три месяца, а от зятя не только денег, нет и простого письма; проходит ещё несколько времени, и зять, как снег на голову, является к ним в неприличном виде, в лохмотьях; он или пришёл пешком, или его привезли из Питера товарищи, Христа ради... Что делать!

У нас в Мологе свадебные обстоятельства, не только как вышеописанные, а ещё и похуже, бывают нередко. О законных росписях приданому жены у нас не бывает и помину, иногда пишут на простой бумаге, но только так, для формы.

¹¹⁶ Новожения — новобрачный.

Выше, в описании ершовой недели и летних праздников, сказано было о ребятишках, принимающих участие в общих увеселениях. Здесь также следует сказать о них несколько слов.

Против города на реке Мологе, летом, бывает лесная пристань, где лес продаётся в розницу. Вся река покрывается гонками¹¹⁷ лесу, оставляется только проход для лодок. В прежнее время не то, что теперь, рыбы в реке было не в пример больше. И вот ребятишки наготовят уд, нароют червей и идут на плоты удить ершей. В праздники они занимаются тем же промыслом, почему летом они не часто шалят на улицах.

Настанет осень, сделается холодно, удить нельзя. Наши мальчишки, заруцкие по себе, а середские по себе, сговариваются, собравшись артелями перед вечерком, сделать кулачное нападение на которую-нибудь сторону. Вооружившись клюками, палками, начнут *находить*¹¹⁸ сторона на сторону. Это нахождение начинается постепенно. Сначала начнут перебранкой издали, подвигаясь ближе и ближе друг к дружке, и притом высматривая силы неприятеля. Заметив же равную или большую силу, рассуждают между собой: находить или не находить? В случае, если нельзя находить, разбегаются во все стороны. Если же решено будет находить, тогда высылаются вперёд, с обеих сторон, самые маленькие мальчишки *задрать*; а большие, как будто кто их учил военной тактике, стараются двумя крылами обойти друг дружку. И вот мало-помалу начинается схватка, тут в ответ ловкому кулаку взмахивается клюка или палка, и пойдёт потасовка: чья *не выдрала*¹¹⁹, скорей в рассыпную бежать. Тот, кому досталось не в меру больно, заревёт *благим матом* и пойдёт домой жаловаться мамке.

¹¹⁷ Гонка — несколько скреплённых вместе плотов из брёвен, идущих на дрова и другие цели.

¹¹⁸ Находить — идти куда-либо.

¹¹⁹ Выдрать — победить в драке.

После этого несчастья начинается бабий суд. Мамка идёт браниться с соседкой, не разобрав дела, и кричит, что её-де Ганечку прибили, зуб вышибли, глаз вышибли, рука не подымается, а прибили-де твой Сенька да Митюшка. Соседка отвечает ей: *«Ну, больно резвы, ништо!.. Ты сама его балуешь; а мои-то за что твоего будут бить? Чай, они дрались с середскими ребятами на мосту»*. Обе соседки сговариваются не в шутку завтра пожаловаться полиции, почему-де середские бобылки учат своих детей драться; и пойдут рассуждать между собой, кто из ребятишек прав и кто виноват. Наконец, выходит, что их дети вовсе не виноваты, а виноваты середчане. Тоже бывает и в Серёдке.

На другой день утром мальчишка сынок, у которого через ночь зажили вчерашние колотки¹²⁰, с геройскими жестами рассказывает тятке и мамке, как они вчера *отваляли* середских. *«А я-то, говорит он, как вальнул¹²¹ одного, так он у меня так и полетел; а другому задал такую затрещину, что ой-ли!»*. Тятка с мамкой слушают рассказ сынка с любопытством, а подчас сам отец начнёт рассказывать, как до того, бывало, и как они холостые, да уж большие, дрались на Заруцком же мосту, до того, что кроме кулаков и палок было употребляемо в дело что-то и гораздо посерьёзнее.

В это время в костюмах женщин происходила перемена: вместо капотов начинали носить салопы драдедамовые¹²² с длинными прямыми капюшонами. Мужчины стали шить себе шинели с длинными же прямыми капюшонами.

¹²⁰ Колоток — удар, толчок; затрещина.

¹²¹ Вальнуть — ударить, нанести удар.

¹²² Драдедам — один из лёгких видов сукна, шерстяная ткань плотняного переплетения с ворсом. Имела распространение в XIX в., обычно окрашивалась в светлые тона с орнаментом в полоску. Использовалась для изготовления платков, шалей, накидок.

Отдел IV

Зимние праздники и гулянья

Филиппов пост (Филипповки)¹²³

При переходе с осенних праздников и гуляньев на зимние не замечается подобной разницы, какая бывает при переходе с «ершей» на Петров пост, потому что там, после ночных гуляньев и праздника с заговеньем, вдруг наступает пост, а здесь часто и не заметишь как одно пройдет, а другое наступит, считая иногда начало поста средой или пятницей, что и в самом деле случается не редко. Во время последнего ночного ершового гулянья часто слышатся между девушками слова: *«Девушки! Уж завтра пост...»*. А другая ответит ей, указывая на восход солнца: *«Посмотри, ведь уж и так понедельник»*.

Перед Филипповками этого не бывает. Теперь скучнее посты: короткие, сумрачные, тёмные дни, которые становятся всё короче и короче; везде белеется снег, с непривычки к нему принуждающий щурить глаза, или иногда слякоть непроходимая. Дела у каждого идут своим порядком, как и прежде шли; только разве молодцы да девицы поскучают несколько о прошедших киселках да именинах, и то не долго.

В этот пост девушки, по воскресеньям, гуляют у ворот чьего-либо дома артелью, в шубах на меху и в шерстяных шالях или платках на голове; а ежели холодно, уходят в дом погреться. Молодцы, артелями гуляющие по улицам, заходят к ним затем только, чтобы поговорить, погреть ручку чью-нибудь, пошутить, посмеяться, и только. Молодцы одевались — кто в армяк сверх сибирки, кто в тулуп суконный на крымчатом меху, а кто в сибирку на вате или на меху.

В праздничный день, когда на улице непогода, пурга, гулять нельзя. Девушки соберутся, бывало, в одно место, сидят, разговаривают между собой, смеются; по случаю по-

¹²³ Филиппов пост — простонародное название Рождественского поста. Соблюдается с 15 (28) ноября по 24 декабря (6 января).

ста песен не поют, в карты не играют, считая это за тяжкий грех. Иногда начинают играть в *бирюльки*. Возьмут прямой некрупной ржаной соломы пучок, из середины пучка вырежут кусок длиной вершка в два с половиной или в три: это будет пучок бирюлек. Потом каждая девушка возьмёт колосок, стебелёк подле самого колоска согнёт крючком и, пограв его над огнём, отрежет колосок — и крючок готов. Взявши пучок бирюлек в горсть, раскинут их тихонько на середине стола грудкой; потом одна девушка начинает осторожно, едва дыша, вытаскивать из грудки одну соломинку-бирюльку крючком, так, чтобы отнюдь не пошевелить других бирюлек. Если девушка, во время вытаскивания бирюльки из грудки, чуть пошевелит другие бирюльки, то её игра кончилась, и вынимать бирюльки начинает другая девушка.

За две и даже за три недели до праздника Рождества Христова, девушки начинают поговаривать о святках; потом начинают думать, где, у кого в соседях есть просторная горница или изба получше, и, выбрав по вкусу, начинают готовить её для *игрища*¹²⁴. Они начинают мыть, чистить горницу, топят её своими дровами, готовят большой дубовый раздвижной стол; а как обыкновенно в комнате находятся лавки кругом стен, в подбор им ищут длинную скамью. Стол ставят в переднем углу, так чтобы он приходился прямо против дверей, а перед ним ставят скамью. После этого уговариваются между собой, на кого сколько падёт на все святки дров для топления горницы, поскольку свеч, считая по две и по три свечи на вечер; кому покупать новые карты или делать складчину для этого. Немудрено, что в таких хлопотах для девушек последние дни поста проходят скоро.

Рождество Христово

В первый день праздника Рождества Христова молодежь,

¹²⁴ Игрище — собрание молодёжи в осеннее или зимнее время, молодёжная вечеринка.

разодетые в лучшие зимние наряды, по состоянию, ходят к своим родственникам поздравлять их с праздником. Холостые молодцы, гуляя по улицам, заходят на колокольни звонить. Девушки, после обеда, часу во втором, собравшись у ворот, стоят, смотрят на проходящих, и к ним заходят молодцы.

Во второй день, часов с двух пополудни, богатое купечество и зажиточные люди всех сословий выезжают кататься. Они ездят по двум улицам, Купеческой и Мещанской, объезжая кругом четыре квартала и площадь. Охотников кататься бывает много, а зрителей ещё больше. На площади купцы и мещане пожилые, собравшись в артели, толкуют о том-другом и, любуясь на бег хороших лошадей, подшучивают над другими. По улицам женщины и девицы сидят на скамейках, стульях, стоят группами, любуясь на катанье знакомых и родных. Так гуляют до поздних сумерек.

Святки

На третий день праздника, почти с утра, не только молодым, но и пожилым людям, охотникам погулять, настанёт работа и забота: как, во что одеваться *харями*, чтобы погулять ночью? Холостые молодцы придумывают одеться так, чтобы их меньше узнавали, чтобы было хорошо, забавно, и чтобы ловко было играть парами. Приданое бабушек и матерей: сарафаны, кокошники, убрусы, очелья, холодники и тому подобная старина, шубки и полушубки, всё вытаскивается со дна коробок и сундуков на свет божий, всё идёт в дело. Лишняя шубка коноватная распарывается по швам для штанов и курток, газы спарываются с полушубков для разных надобностей и для шарфов. Примериваются по росту и по корпусу женские шубы, платья, и то, и другое; по надобности, где распарывается, где сшивается. Ушатые шапки прадедовские — самая годная вещь для святок; муфты заменяют собой те же шапки. Словом, у мужчин и молодцов работа кипит во весь день. Девушки ещё больше заботятся о своих нарядах.

Первый вечер — *злобный*¹²⁵, то есть такой вечер, в который все, девушки и хари, одеваются как можно лучше, потому что в этот вечер харь бывает множество, притом же девушки, по обыкновению, должны быть одеты в русское платье. На святках бывали три злобных вечера: первый вечер, вечер с нового года и последний. Девушки бегают друг к дружке, советуются о каждой вещи; нужно одеться так, чтобы на всех девушках, которые будут сидеть на вечере вместе, наряд был, по возможности, одинаков.

У одной девушки есть всё, даже по две и по три вещи одинаких, а у другой то того, то другого не достаёт. Смотрит на воротушку, вымытую, накрахмаленную и выутюженную ещё перед праздником, снегу как-то надуло, снег растаял и сделалось пятно. Или новый косóк — уж плотен, что ли, слишком — никак не вяжется хорошо кругом головы, хоть дело брось, или шубка матери, прежде, в прошедшие святки, надевалась так хорошо, а теперь — слежалась, что ли — и узка, и коротка, беда, да и только! А время идёт да идёт. Зимой дни коротки, как раз и вечер на дворе.

Кое-как, однако, девушки, с помощью подруг и соседей, часу к осьмому, одна по одной собираются в приготовленную горницу. Здесь можно лучше косого зеркала осмотреть и поправить друг дружку. В этот раз девушки одеты были следующим образом: на головах коски разных цветов, в их узелках над лбом перстни и супиры, пониже их по чёрной бархатке витки жемчужные. Неизбежные височки завиты в кольцо, а чтобы они не распускались, наклеены сахаром. В ушах серьги, у кого жемчужные длинные, до плеч, у кого кольцами с жемчугом, а у кого и простые, по состоянию; на шее снизки с фермуарами и без них. Воротушки белые кисейные с широкими короткими рукавами; от локтей руки голые, на пальцах кольца, супиры в большом, по возможности, количестве. Ворот у воротушек, вместо запонков, завязывался розовыми бантиками. Шубки матеревые с золотыми и серебряными разводами,

¹²⁵ Злобный вечер — праздничный вечер на святках.

обшитые по подолу узкой золочёной бахромой, полушубки парчовые, по полам и по подолу обложенные золотым газом, длиной не много пониже талии, со сборками назади; в руках беленькие платочки. По случаю зимы, девушки приходили, накинувшись кой-какими шубёнками, но это не без цели.

Собравшиеся девушки начинают усаживаться за стол. При этом между ними точно также, как между гостями, наблюдалось старшинство, конечно, не лично к ним относящееся, а к их тятенькам. Зато здесь всего чаще выражалось неудовольствие сердцем и слезами, когда девушку посадят ниже другой девушки, по её мнению, недостойной такого почёта. Не редко бывало, что обиженная девушка уходила домой жаловаться, и мать её являлась в горницу к девушкам восстанавливать права своей дочери всякими, в её воле состоящими, иногда без границ наглыми средствами. Во избежание подобных неприятностей, девушки, для примера, садились сперва на скамейку в том порядке, в каком следовало им сидеть за столом. Таким образом, уговорившись между собой относительно чинов своих отцов, они начинали садиться за стол; по большей части, их усаживали за стол старые девы.

Природа создаёт нас не всех одинакового роста, а это, в описываемое время, считалось очень и очень некрасивым, особенно между девушками. Обыкновение требовало, чтобы девушки, сидя за столом, были все головами равны; для этого, за стол на лавку клали шубы, в которых приходили девушки на вечер, и всякую всячину, чтобы уровнять всех. В этом случае ноги у девушек, сидящих высоко, не могли доставать пола, для чего под стол клали поленья дров. Усадивши таким образом всех девушек за стол, старые девы смотрят: под кем наложено много — вынут, под кем мало — положат, и наконец уровняют всех. Одна из старых дев отворила дверь горницы, вышла в сени, смотрит оттуда на девушек и говорит: *«Ай, девушки-матушки, как хорошо-то!»*. За ней и другие выходили в сени посмотреть на девушек.

Уровняв и исправив всё нужное, чтобы, как говорили ста-

рые девы и бывшие тут женщины, ни сучка, ни задоринки не было, на стол ставили свечи и клали колоду карт. Нужно сказать, что выходить девушкам из-за стола в присутствии ряженных считалось очень неприличным, как бы долго они не пробыли. Во всё время усаживания девушек за стол, ворота были крепко заперты, чтобы не пришёл кто. Потом девушки зовут к себе мальчишек, человек пять—шесть, и когда всё готово, запевают песню: «Как по морю, как по морю, как по морю-морю синему», а ребяташек высылают отпереть ворота, растворить их настежь и закликать харь. Мальчишки с радостью исполняют приказание, выбегают на улицу и, увидевши вдали несколько человек, кричат: «*Халявы, халявы, здесь игрище*». Если те точно *халявы*, то есть ряженные, они идут на игрище, но заходят сюда и не халявы посмотреть на девушек: ворота растворены, в окошках огонь, следовательно вход открыт для всех. Здесь, как обыкновенно, первая принадлежность для задних углов горницы — женщины; но они не являются ни на какие вечера так кстати, как здесь.

По зву мальчишек скоро явились халявы. Это были двое мужчин со своими жёнами; по костюмам неизвестно, к какому они принадлежали сословию. У мужчин на головах надеты были шляпы, обшитые кругом пёстрыми лентами; на одном мужчине надет был чёрный суконный тулуп, подпоясанный алым шёлковым кушаком; на другом мужчине надет был армяк, обшитый кругом лентами. Одна женщина, ростом со своего мужа, очень нескладная, совершенно мужского телосложения, одета была легко: на голове мода, платье, видимо, не по ней шитое, очень короткое, из-под него виднелись сапоги. Другая женщина одета была: на голове шляпка с перьями, на самой надет был капот и тоже в сапогах; лица у всех были плотно завязаны платками, кроме одних глаз.

Постоявши немного, мужчины сели на скамью лицом к девушкам; один из них взял карты, стасовал их и сдал девушкам, своему товарищу и себе; девушки карт не брали; оба мужчины кланялись девушкам, не говоря ни слова, прося-

ли их поиграть в карточки. Из заднего угла женщина пода-
ла свой голос, отвечая за девушек: *«Вы, харюшки, открой-
тесь, так девушки-то и будут с вами играть»*. — *«Ничего,
поиграют»*, — говорил один мужчина не своим голосом. —
«Нет, не станут играть», — отвечала им женщина. — *От-
кройся, так и станут»*. Долго сидели мужчины — девушки
карт не брали. Вдруг одна женщина в платье открылась, и в
ней узнали хозяина дома, молодого молодца, а прочие были
его товарищи. *«О! Ой, бабоньки! — говорил молодец в пла-
тье. — У! Уф! Как перезяб я! Смерть, холодно! Пойду, по-
греюсь, да надо одеться потеплее»*.

Его товарищи тоже раскрылись и стали играть в карты.
*«Вишь, как ты легко оделся, — говорила женщина молод-
цу хозяину. — Небось, тебя цыганский пот пронял. А да-
леко ли вы ходили?»*. — *«Чуть не до Солдатской слобод-
ки»*, отвечал он. — *«А что, — спросили его, — ещё много
игрищей-то?»*. — *«Если бы не игрища, — отвечал он, —
так хоть замёрзни на улице, а игрищ много. Вот теперь
по Задней улице, где мы были, пять игрищ, да, говорят, в
Солдатской слободке четыре, итого — девять. По Мещан-
ской улице, где мы были тоже, четыре игрища...»*. — *«Что
ты! — перебил его товарищ. — Пять. А в проулке-то?»*. —
*«Да, да, — продолжал молодец, — Точно, пять. Итого —
четыренадцать. Ну, ещё на Купеческой улице три — сем-
надцать. В Серёдке три, да в Заручье, говорят, три же,
так всех-то и будет по городу двадцать три игрища»*.

На улице ребяташки во все голоса закричали: *«Халявы!
Халявы! Здесь игрище»*. Потом слышно было, что их кто-то
погнал, они бросились бежать на двор и в горницу. *«Харь-
то сколько идёт!»* — вскричал вбежавший в горницу маль-
чишка. — *«Чёрт идёт»*, — сказал другой мальчишка. —
«Полноте врать», — сказала им женщина. — *«Чёрт, право,
чёрт!»* — повторили мальчишки и прижались в угол.

На крыльце послышался рёв, плач тоненьким голоском,
который, как будто, умолял о чём-то, потом закричал, запла-

кал пуще прежнего. Дверь в горницу растворилась настежь, и ввалился чёрт большого размера. Он кого-то тащил за собой на железной цепи, обёртываясь кругом и наматывая на себя оную; в сенях показался человек, которого чёрт и вдёрнул в горницу. Это был приказный старой формы, лысый, с седой косой, в старом длинном жилете с большими карманами и во фраке; за ухом у него было перо. Чёрт строго приказал ему молчать и слушать; он показал приказному тетрадь, всю исписанную его грехами-взятками, но где не доставало ещё чего-то, не исполненного приказным по договору, за что и хотел сей час же тащить его в преисподнюю. Приказный, подумавши, решился исполнить волю чёрта, вздохнул, достал из кармана своей жилетки щепотку табаку и понюхал, потом вынул из-за уха перо, и подписал в тетради у чёрта, обещаясь впредь вдвое больше пить и взятки брать.

Чёрт одет был довольно натурально, почему некоторые женщины невольно прятались от него в угол, а другие крестились и говорили: *«А, что, бабоньки, как да эдакой когда попадётся в лесу?»*. — *«Ведь от этого, —* подхватил один молодец, *— ни крестом, ни пестом не отобьёшься»*. Все засмеялись.

Потом в горницу вошла целая ватага мастеровых. Один из них, подойдя к женщинам, напрашивался набивать погреб, либо обручи; другой с большими зубами хотел наняться к кому-нибудь из хлеба работать, либо к беззубому жевать ему хлеб; третий показывал попугая — раскрашенную ворону; четвёртая — блинница, другой год продавала свой блин, и проч. После этих явился еврей-разносчик с кольцами, серьгами и прочими мелочами.

По уходе всех ряженных, девушки хотели было выйти из-за стола, порасправить свои ножки, как вдруг мальчишки дали знать, что хари приехали на лошади. В горницу вошло несколько человек; по костюмам и по поступу сейчас было видно, что эти ряженные не той масти: мужчина старик с большой седой бородой, на голове у него надета была высокая бобровая шапка с зелёным бархатным верхом; чёрный бархатный кафтан застёги-

вался большими, как орехи, узорчатыми серебряными пуговицами; на ногах надеты были козловые сапоги со скрипом.

Его жена, здоровая, дородная женщина в полумаске, на голове у неё был надет высокий кокошник, униженный жемчугом и камнями; сарафан малиновый штофный, по полам и по подолу обложенный широким золотым позументом; он застёгивался золочёными крупными пуговицами за петли, замысловато сплетённые из шёлку; длинный полушубок золотой парчи с рукавами, обложенный кругом соболями и с большим собольим же воротником; в руках большая соболя муфта; на ногах атласные белые шитые золотом башмаки на высоких, вершка в полтора, каблуках. Это костюм начала прошедшего столетия, как тогда одевались богатые купцы и их жёны.

Все женщины и девушки не могли насмотреться на богатых ряженных. С ними были их дети, сын и дочь; они были одеты по последней моде; были ещё два человека, у одного в руках гитара, и он заиграл на ней экосес¹²⁶; брат с сестрой пошли танцевать. Девушки и женщины смотрели с необыкновенным вниманием на танцы, это была для них невиданная новость.

По уходе ряженных начались толки, догадки: чьи это? Старика называли городничим, а жену его городничихой, да и ошиблись; думали ещё кое-на-кого, но все догадки были не верны. Девушки проворно вышли из-за стола и стали бегать по горнице.

Обыкновение не выходить из-за стола при ряженных, около этого же времени, стало мало-помалу выводиться вследствие того, что девушки стали ближе знакомиться с молодцами. Прежде близкий сосед молодец за большое удовольствие для себя считал только посидеть против девушек и поиграть с ними в карты, раскрывшись, конечно, иначе было нельзя. Пожалуй, с солдатом наиграешься, говорили женщины. Теперь редко, и то с самыми близкими знакомыми молодцами, девушки учились на святках играть парами.

Девушки ходили взад и вперёд по горнице, расправляя

¹²⁶ Экосес (экосез) — старинный шотландский народный танец.

ножки, и не видали, что мальчишки-закликалы грелись у печки. Вдруг, в сенях затопали... Девушки, не предупредив заранее, бросились за стол садиться; второпях они сели не на свои места и вдобавок подняли такую стукотню поленьями под столом, что невольно заставили захохотать только что вошедших ряженных. Они сконфузились, покраснели как маков-цвет. На беду им, пришедшая с ряженными женщина стала подшучивать над ними; она спрашивала девушек, то одну, то другую, называя каждую по имени и отчеству; одну спрашивала, давно ли она так выросла, а другую, давно ли и отчего её росту ubyло? Первая девушка сидела на чужом, высоком месте, а вторая на одной лавке.

Молодцы раскрылись и стали играть с девушками в карты, обыкновенно в пятки или в дурочки. Пока игра продолжалась, один молодец свил из платка *линёк*, для наказания девушки, которая из них останется в дурочках. Одна из девиц точно осталась дурочкой, молодец сосчитал оставшиеся у дурочки карты, их оказалось только три: значит, кто-нибудь своровал карту; но так как нельзя узнать, кто своровал, то вся вина падала на того, кто остался в дураках; осталась девушка, и потому она должна быть виноватой, и молодец имел право наказать виноватую линьком. А так как у виноватой девушки остались в руках только три карты, то она должна быть виноватой вдвойне, во-первых, за то, что осталась в дурочках, а во-вторых, за то, что осталась только с тремя картами. Если бы в руках были две или четыре карты, то она была бы наказана только по числу этих карт, двумя или четырьмя ударами, а теперь она стала виноватой на всю колоду карт и должна быть наказана тридцатью шестью ударами. Молодец предложил виноватой девушке выбрать одно из двух: или наказать тридцатью шестью ударами, или поцеловаться один раз. Против такого, нового ещё в то время, условия восстали все женщины: — «*Что это за новость*, — говорили они, — *целоваться с девушкой в компании при всех? Какой бесстыдник, что выдумал! Где это*

водится?..». — «Со своим уставом да пришёл в чужой монастырь!» — кричала ещё женщина из самого заднего угла горницы и подошла к столу. — «У вас, что ли, там, где целуются?» — спрашивала она молодца серьёзно, с видимым намерением вступить с ним в горячий спор.

Молодец договорился с девушкой наказать её только шестью ударами; он взял линёк и тихонько сделал шесть ударов по подставленному плечу девушки. В игре картами линёк играл свою особенную роль. Выше сего было сказано, что все, по-видимому, простые игры заключали в себе свои условные, тайные значения. Здесь посредством линька молодец мог передавать девушке свои заветные чувства и в то же время имел средство мстить жестоко за своё обиженное самолюбие. Когда любимая молодцом девушка оставалась дурочкой и виноватой на всю колоду карт, молодец без всякого договора брал линёк и требовал подставить плечо. Конфузясь, пугаясь, девушка должна повиноваться; молодец, делая линьком круги в воздухе, по-видимому, наказывая жестоко, мог в это время почти не прикасаться линьком к плечу девушки, или вместо тридцати шести ударов, сделав ударов восемь-девять, мог сказать: *«Будет, рука устала»*. Если же оставалась в дурочках девушка, на которую молодец был сердит, тогда он брал линёк, осматривал его и, находя мягко свитым, слабым, перекручивал его снова.

Посторонние женщины упрасивали молодца не рвать платка, но он не слушал их, крутил линёк крепко-накрепко и делал на его конце крепкий узелок. Женщины, замечая его работу и намерение, с сожалением посматривая на виноватую девушку, говорили ей: *«Ну, Грунюшка, как-то тебе терпеть-то?»*. Девушка со слезами на глазах подставляла плечо, и молодец, крутя линьком в воздухе, старался попасть узелком по одному месту. Девушка скоро теряла всякое терпение и должна была подставлять другое плечо. Здесь впору и кстати являлось заступничество женщин, и молодец поневоле должен был прекращать наказание, если не хотел слышать про себя колких замечаний.

Карты сдали во второй раз и стали играть. Молодец, будто не нарочно, уронил под стол карту, проворно взял свечу и наклонился, чтобы поднять её. *«Ах! Ах! Что он делает!»* — закричали со всех сторон женщины, и одна из них успела погасить свечу. — *«Экой бесстыдник, куда лезет!»*. А бесстыдник молодец хохотал до слёз, потом стал говорить своим товарищам: *«Братцы! Ведь я нашёл пропажу-то»*. — *«Какую это пропажу?»* — заговорили женщины. — *«Ты ещё думаешь что-нибудь?»*. — *«А вот какую пропажу, — отвечал молодец. — У нас в лесу пропали три сажени дров, а они вот здесь под столом»*. Все засмеялись. Прочие молодцы вскочили и закричали: *«Где? Где? Покажи-ко!»*. Однако им не дали посмотреть на свои дрова.

Потом молодцы стали убедительно просить девушек поиграть парами. Здесь опять вступились женщины: *«Что это за пары? Что это за мода такая, — говорили они, — играть с парнями парами девушкам? Где это видано? Новости какие!»*. — *«Где видано?»* — отвечали молодцы. — *«Да мы вот недавно играли на двух игрищах»*. — *«Играли, точно играли»*, — сказала женщина, которая пришла вместе с молодцами. *«Полноте, девушки, — продолжала она, — Вставайте из-за стола-то, по всему видно, что и ноги отсидели и самим поиграть парами хочется»*. *«Да и то, — добавила она, — посмотрели бы вы на себя, как вы сидите, точно частокол какой, кол кола выше да ниже»*.

Как весной, так летом и зимой приезжали в Мологу из Питера молодежь погостить дома. В числе ряженных молодцов находился один, который приехал из Питера на праздник Рождества Христова, хотел пожить в Мологе и жениться. Женщина, двоюродная сестра питерца, ходила с ним для того, чтобы выбирать невест и сказывать ему, чья вот такая-то девушка, которая нравилась её брату. По этому случаю женщины не стали спорить с ней относительно игры парами. Девушки, будто нехотя, одна за другой стали выходить из-за стола; конфузясь, как не умеющие ещё играть парами, они

стояли. Молодцы взяли каждый по девушке и встали по порядку. Девушки долго думали, потом запели:

Полно, дрёма, [2]
Полно, дрёмушка, дремать, [2]
Кужель портить, [2]
Кужель портить, лён терять! [2]
Вона, дрёма, [2]
Вона, дрёма, свёкор идёт! [2]
Дайте встать, [2]
Дайте встать, посмотреть: [2]
Нынче в людях, [2]
Нынче в людях правды нет, [2]
Что сказали, [2]
Что сказали, всё солгали. [2]

Эта же песня пелась сначала, как часто пелись старинные песни, с изменением смысла в конце:

Полно, дрёма, [2]
Полно, дрёмушка, дремать, [2]
Кужель портить, [2]
Кужель портить, лён терять! [2]
Вона, дрёма, [2]
Вона, дрёма, млада идёт! [2]
Дайте встать, [2]
Дайте встать, посмотреть! [2]
Нынче в людях, [2]
Нынче в людях правда есть, [2]
Что сказали, [2]
Что сказали, не солгали. [2]

Под голос припева этой песня, пары ходили одна к другой, по обыкновению, как описано было прежде.

В продолжение игры парами ряженных скоплялось больше

и больше, так что от тесноты играть парами стало нельзя; девушкам садиться за стол при ряженных тоже было нельзя, и они все стояли в одной грудке, прижавшись к стене. В числе ряженных был медведь; он, по воле своего вожатого, представлял всё, чему был научен: как маленькие мальчишки горох воровали и проч. Тут же находился старик со старухой женой. Старик жаловался на свою жену старуху, что она в последние свои годы вовсе избаловалась: всё бы только таскалась по беседам и не погодаям, всё бы песни пела. — «Знать, она у тебя с ума сходит», — отвечали старики.

На голове у старика надет был огромный парик из льна, борода была сделана из длинного льна же; во время своих жалоб на жену он как-то неосторожно махнул бородой по свечке, лён вспыхнул — и вмиг охватило огнём голову. Крик ужаса раздался по всей горнице; из старика вдруг сделался молодой парень, но он жестоко поплатился за свою шутку. Во время этой суматохи, женщины поссорились с одним ряженным из-за мальчишек-закликал. Ряженный погрозился когда-нибудь поколотить мальчишек, а мальчишки, находясь под защитой своих маменек, сами грозились припомнить, да не одному этому ряженному, а и прочим, и выбежали вон из горницы.

Дом, в котором было это игрище, был двухэтажный с подклетом. Девушки сидели в горнице вверху. Лестница на крыльце была крута и высока; мальчишки выбрали¹²⁷ ступеньки из всей лестницы, и, к несчастью ряженных, в это самое время в окно сказали, что на Заруцком мосту драка, заруцкие ребята бьют городских ребят. В горнице почти все молодцы были городские, кровь в них закипела, надо заступиться за своих товарищей... Они бросились бегом бежать из горницы в сени на крыльцо, и все попадали друг на дружку. Те, которые остались в горнице, услышав необыкновенный крик на крыльце, из любопытства вышли в сени; а как стоны и оханье раздавались на дворе, они захотели посмотреть поближе, и сами попали в ту же яму. Из горницы вышли со свечой, увиде-

¹²⁷ Выбрали — здесь: разобрали.

ли причину оханья и слёз, и не знали, кто сделал это казусное дело. Мальчишки давно разбежались, и только чрез несколько дней узнали, что это дело было их, мальчишек. Первый, упавший с крыльца, ушибся жестоко; он до сих пор хорошо помнит об этом; прочим тоже досталось не мало, и в том числе хорошо же досталось некоторым женщинам-любопытницам.

Лестницу исправили, пожалели о тех, кто ушибся. Девушки на свободе уселись за стол в порядке. Пришли новые хари. Некоторые из них, раскрывшись, сели играть в карты, а ряженные женщины, раскрывшись же, стали рассказывать, как они хотели было идти в Заручье, да попали на драку и потому не пошли туда. — *«Да как, с чего началась драка-то?»* — спрашивали их. — *«Вестимо дело, с чего, — отвечали они, — зачем, вишь, городские ребята ходят в Заручье, зачем играют там с девками, и зачем они у заруцких-то девок в почёте, а те — нет».* — *«И больно прибили городских-то ребят?»* — спрашивали их ещё. — *«Вестимо дело, прибили больно; городских-то ребят было немного, а заруцкие-то, говорят, нарочно были одеты офицерами с саблями да с пистолетами, так поди сунься на них! Прибежал было будочник¹²⁸ Максимко разнимать их, так и того прибили да прогнали».*

Молодцы долго играли с девушками в карты; гости то и дело приходили и уходили, потом стали редеть. Свечи догорали, женщины расходились и стали звать девушек идти домой... Так кончился первый вечер святок.

Год от году новые обыкновения вытесняют старые и, по своей удобности, нравятся и присваиваются всеми. Что за удовольствие, например, сидеть за столом целый вечер неподвижно и садиться за стол с такими причудами? Пришло время, и стали смеяться над таким обыкновением. Вместо большого дубового стола и длинных скамеек, ставят два-три стола небольших в приличных местах и между ними стулья.

¹²⁸ Будочник — полицейский сторож, стоящий на посту у караульной (полицейской) будки.

В сенях ставили свечу, так чтобы она освещала и лестницу на крыльце. Девушки ещё одевались в русское платье в три «злобные» вечера святок, находя это красивым, что и справедливо: тогда ещё не износились маменькины приданные шубки, полушубки и воротушки; вновь этих вещей не шили, ожидая, что они скоро выйдут из моды.

В это же время в костюмах ряженных происходила перемена: прежде одевались как можно чуднее — по старине; карикатурные старики и старухи играли главную роль, употребляя при этом разные не очень благопристойные поговорки, клонящиеся всегда к тому, что вот такой-то или я сам учил, бил, *ломил* свою жену за то, что она подала мне за обедом щей очень горячих, я и ожёлся. Лица завязывали платками, и Боже сохрани, за какой тяжкий, смертный грех считали надеть на себя маску — харю. По уверению стариков, кто наденет на себя эту харю, тому для очищения от такого тяжкого греха не было иного средства, как в самое Крещение, вслед за освящением воды в проруби, окунаться в ней же, не смотря ни на какой мороз. К сожалению, это глупое суеверие исполнялось на самом деле, это помнят все, и живы ещё те, которые купались сами; многие поплатились за то своим здоровьем, а другие и жизнью.

Но, как сказано выше, обыкновения менялись в это время; на игрища не редко стали являться в масках; самое название игрищ слышалось реже, стали называть их просто вечерами. Маски сначала привозили с собой молодцы из Питера, потом мологские торговцы стали сотнями возить их из Москвы и напоказ выставляли в лавках.

Количество святочных вечеров меняется ежегодно от пяти до семи, по расположению воскресных праздников: когда Рождество Христово бывает в воскресенье, тогда бывает семь вечеров, а если оно будет в четверг, тогда только пять вечеров.

На новый год и на крещенский сочельник вечеров не бывало. В это время девушки занимались гаданьем, а так как 31-го числа декабря бывает отдание праздника Рождества

Христова, то на этот день с 30 числа вечеров бывает мало. Девушки, с тех же пор, как начинают поговаривать о святках в филипповки, высчитывают по святцам, сколько им в такой-то год сидеть вечеров.

Во второй вечер святок девушки одевались в белые кисейные платья — костюм летний, описанный выше в гулянье Петрова дня. На этот раз они уже не сидели за столом по старине — это было оставлено. Ряженные приходили такие же, конечно, как и в первый вечер, но между ними стали являться и в костюмах прошедшего столетия, опрятно одетые. Девушкам приятнее было играть с хорошо одетыми, чем с каким-нибудь уродом стариком в вывороченной шубе шерстью наверх. Это действовало на молодцов сильнее всяких обычаев, и они во чтобы-то ни стало старались доставать костюмы или одеваться опрятнее вроде, например, испанца, турка и тому подобное. Потребность костюмов вложила мысль некоторым торговцам Мологи купить их в Москве и отдавать напрокат, что и было исполнено. Обыкновение не играть с ряженым закрытым тоже было оставлено, потому что девушки и женщины всегда узнавали почти каждого ряженого, как только он переступал порог в горницу, как бы он ни был одет.

В третий вечер девушки одевались в хорошие ситцевые платья. Эта же постепенность в костюмах шла и после Нового года. Ряженные, точно в такой же постепенности, вечер от вечера, являлись реже; холостые молодцы не пропускали ни одного вечера, но женатые и женщины сидели дома, отдыхали. Для девушек это было приятнее, ибо они могли свободнее веселиться.

Новый год

Новый год первого января в Мологе празднуется точно также, как он празднуется в прочих городах: после обедни и молебна те же поздравления, а после половины дня к вечеру катанье на лошадях по улицам. С этого дня бывает второй

«злобный» вечер, совершенно подобный первому вечеру святок. Девушки, наблюдая ещё несколько прежнее обыкновение, одевались в русское платье — только вместо того, чтобы сидеть за столом, теперь сидели свободно на стульях. Игра в карты происходила реже; почти постоянно занимались игрой парами. В самой этой игре сделалось изменение: вместо того, чтобы доходить одной паре до другой и потом идти назад, теперь пара, молодец и девушка, выйдут на середину круга, перевернутся, идут на своё место, и здесь, перевернувшись ещё, молодец идёт в правую сторону к смежной паре, где, перевернувшись с девушкой, идёт ко второй паре и т. д. В это же время девушка — пара молодцу — идёт влево к смежной же паре, где, перевернувшись с молодцом, идёт далее ко второй и третьей паре, делая тоже. И таким образом молодец и девушка, обойдя круг на встречу друг другу, сходятся на своём месте и перевёртываются ещё раз. Теперь делать тоже самое начинала другая пара, находящаяся по правую сторону первой нары.

Эти новые фигуры в игре парами вводили в употребление молодцы, приезжавшие из Питера. Такой игре парами они же стали давать название *шен*, намекая на танцы. Неизвестно, велось ли обыкновение в Мологе исстари, что кажется вернее, или оно введено было после: девушки под конец вечера, когда женщины поразойдутся по домам, а знакомые молодцы останутся досиживать вечер, играли в старинную игру *фантами*. Под голос известной песни они хоронили золото¹²⁹, припевая:

¹²⁹ В «Золото хоронить» (другое название: «Колечко») можно играть с любым маленьким предметом — колечком, монетой, пуговицей, скрепкой и тому подобное. Участники садятся в ряд, складывают ладони, как створки раковины, и держат их перед собой. Водящий, у которого в сложенных таким же образом руках находится «колечко», подходит к каждому по очереди и опускает свои руки в руки игрока. Одному из игроков он подкладывает в руки «колечко», стараясь сделать это незаметно. Тот, кому досталось «колечко», тоже старается не выдать себя. Остальные, в свою очередь, внимательно смотрят, подмечая, кто ведёт себя необычно и подозрительно. После того как все игроки обойдены, водящий отхо-

Уж я золото хороню, хороню,
Чисто серебро я схраниваю,
Я у батюшки в терему, в терему,
Я у матушки в высоком, в высоком. (И пр.)

В этот вечер, также как и в первый вечер, ряженных бывало множество. Новые обыкновения, вводимые постепенно, невольно заставляли оставлять старые. Так, новые игры парами, вышеописанным образом, требовали быстрых движений, поэтому песни, под напев которых шла игра, нужно было петь скорее, следовательно веселее, отчего и вечера стали веселее, вместо прежнего безмолвного сидения за столом, или томного, протяжно-унылого напева старых песен, под такт которых пары ходили нога-за-ногу.

Во второй вечер после Нового года девушки, одевались или в белые кисейные платья, или в шёлковые.

В третий, в последний «злой» вечер, девушки одевались в русское платье, но иногда и в шёлковые лучшие, потому что у многих из них маменькины приданные шубки и полушубки стали изнашиваться и потеряли прежний лоск. Вечер этот торопились начать пораньше, и, как последний вечер, он продолжался долго; сидели до заутрени, чтобы навеститься в последний раз и насмотреться на ряженных.

Кроме вышеупомянутой игры фантами, были ещё в употреблении игры *соседями* и *в рекруты*. В последнюю игру играли редко, но соседями играли почти каждый вечер. В этой игре ещё лучше, ещё благовиднее можно наговориться досыта с милым сердцу, чем в играх «огнём» и «столбиками», не опасаясь подслушивания и посторонних глаз.

дит в сторону и говорит: «Колечко-колечко, выйди на крылечко!». Игрок с «колечком» быстро вскакивает и бежит к нему. Другие игроки, особенно если заранее поняли, у кого «колечко», стараются схватить его и удержать на месте. Если игроку с «кольцом» удаётся убежать, то он водит в следующем коне, если нет — водящим остаётся прежний игрок.

Все девушки и молодцы садятся на стульях большим пёстрым полукругом, то есть кому, где пришлось занять место: молодцы между девушками и девушки между молодцами. Одна девушка начинает игру. Она подходит к девушке или к молодцу, который сидит крайним в полукруге, и спрашивает его: «*Нравится ли вам эта соседка?*». Она указывает на девушку, которая сидит с молодцом рядом. Молодец отвечает: нравится. Девушка спрашивает теперь девушку, ту, о которой спрашивала прежде: «*Нравится ли вам этот сосед?*». Девушка отвечает по своему желанию: нравится или не нравится. Тогда её спрашивают: кого же вы желаете? — Она отвечает: «*Вот того-то*», указывая на другого молодца и называя его по имени. Молодец, который сидел с ней рядом, встаёт, а выбранный ей молодец подходит и садится на его место; прежний молодец садится там, где сидел этот. Потом девушка спрашивает нового молодца об его соседке, другой девушке: нравится ли вам эта соседка? — Здесь опять в воле молодца оставить подле себя соседку или выбрать другую девушку, по своему желанию, или сказать девушке, которая его спрашивает: «*Не нравится, извольте сами садиться*». Тогда спрашивающая девушка садится, а та, которая сидела на этом месте, идёт спрашивать, и т. д. Игра простая, как будто нарочно выдуманная для того, чтобы иметь случай досыта наговориться молодцу с любимой девушкой, или девушке — с любимым ей молодцом.

Святочные гаданья

В те вечера, в которые не бывает игрищ, как-то: накануне праздников, на Новый год и на крещенский сочельник, первое и самое общеупотребительное гаданье это — гаданье на картах. Девушки почти не расстаются с картами. Гаданье на картах подробно описано в любом оракуле¹³⁰, но каждая гадальщица на картах по-своему понимает и толкует значение

¹³⁰ Оракул — здесь: гадательная книга.

каждой карты. Есть особенные, так сказать, привилегированные гадалыщицы на картах, к которым приходят издалека погадать не только о сердечных тайнах, но и о пропавшей лошади, и обо всем. Такие гадалыщицы ловко пользуются суеверием простых людей.

Соберутся девушки к своей подруге вечером и, разговаривая о своих заветных сердечных тайнах, берутся за карты. Девушка, желающая погадать, вынимает из колоды короля бубнового, червонного или трефового, и кладёт его на стол; думая думу заветную, она тасует карты: это называется — *задумать на того-то* — потом она, вынимая из колоды по одной карте, раскладывает их кругом задуманного короля известным порядком. Как, где, какие легли карты — судят по их значению о том, любит или нет тот-то девушку, или у ней есть соперница и проч. Или берут девушки по клочку кудели, зажигают их и бросают; у которой горящий клочок полетит вверх, значит ей скоро быть замужем, у которой он сгорит в воздухе, не поднимаясь и не опускаясь, то быть ей замужем не скоро, а у которой горящий клочок опустится на пол, той оставаться навсегда девой. Берут оловянную пуговицу или две от сарафана бабушкина, и на железной ложке растапливают на огне, потом выливают в воду, а, вынув из воды, смотрят на вылившуюся фигуру, с чем она имеет сходство? Венец означает скорую свадьбу той, которая задумала, карета тоже; но не редко выливается и подобие гроба.

Берут из поленицы полено, какое первое попадётся под руку, вносят в горницу и смотрят; гладкое, ровное полено означает смирного, хорошего мужа, напротив кривое, суковатое — злого, худого мужа. Выходят в огород и, встав спиной к сугробу снега, тихонько ложатся на него спиной и делают собой отпечаток, после сего идут домой; утром смотрят на свои отпечатки: исстёганный отпечаток означает, что будущий муж станет усердно сечь, а чистый отпечаток означает кроткого мужа.

Слушанья

С вечера, когда ещё не спят, девушки слушают под окнами своих соседей; где услышат весёлые разговоры о чём-нибудь, например о тех же святках, и притом со смехом, выводят заключение, что им, вышедши замуж, будет жить весело. Слушанье имеет, впрочем, два смысла; одна задумывает: как я буду жить, замужем, а другая задумывает: каково я проживу будущий год? Если услышат, что в доме ужинают и, разговаривая, часто упоминают слово хлеб, значит жить исправно, в довольстве; если же, Боже сохрани, разговаривают о покойнике: непременно умереть девушке будущим годом, и все стремглав бегут от окошка.

Сговариваются идти слушать к амбару, находящемуся где-нибудь вдалеке от жилья в поле; они пробираются туда с большим страхом, прячась друг за дружку; подойдя к амбару и присев на корточки, слушают... Как-будто пересышающаяся рожь слышится... Это означает довольство во всей будущей жизни; стук, шум слышатся — к тому, что жизнь будет шумная, беспокойная; но при этом каждой девушке слышится своё.

Слушают у церкви. Если там слышатся свадебные песни — к свадьбе, обыкновенные напевы — жизнь обыкновенная, а похоронные — скорая смерть той девушки, которая это слышит.

После всех гаданий подобным образом, настроенное разными предзнаменованиями воображение и ожидание будущих, неизбежно связанное с суеверием в действие какой-то сверхъестественной силы, невольно вселяют в каждую молодую девушку страх, робость. Мудрено ли, что в подобном настроении духа все, даже пустые случайности могут иметь важные последствия; неосторожные шутки в этом случае тоже действуют очень вредно.

Однажды девушки слушали у амбара в поле, притаив дыхание; с другой стороны амбара были приставлены к нему только-что нарубленные в этот день тонкие сосны для дров,

у которых вершины не были отрублены, а оставались с иголками. Дул ветерок и уронил дрова в ту сторону, где находились девушки. Можно представить себе их страх, при виде каких-то лап, постепенно махавших из-за угла амбара; они бросились бежать не в ту сторону, куда следовало, разбежались врознь и потом уже через высокие сугробы снега едва попали на настоящую дорогу. Не говоря ни слова от страха и от холода, они разошлись по домам, только некоторые из них, по болезни, не сидели вечера святок и после того долго жаловались на колотьё в боках, биение сердца и другие болезни.

Молодцы знают о гаданьях и о слушанье девушек, и для шуток иногда подстерегают их. Однажды двум молодцам удалось как-то подслушать, что девушки собираются идти к пустой бане, находящейся вдали на огороде. Молодцы забрались в баню с намерением хорошенько попугать девушек. Девушки пришли к бане, присели и стали слушать. Такое положение девушек показалось молодцам до того смешным, что они не вытерпели и захохотали; для девушек было довольно и этого; они совершенно без памяти прибежали в ту же горницу, из которой вышли, в полной уверенности, что слышали голос домового — банного. Последствия этого слушанья были очень дурные: девушки от страха не могли разойтись по домам, покуда за ними не пришли домашние, а одна из них, полная, румяная, прежде весёлая девушка сделалась грустна, печальна, стала худеть-худеть, и чрез год умерла с воспоминанием о бане. На другой же день молодцы уверяли девушек, что в бане были и хохотали они; девушки никак не верили молодцам, потому что в бане им слышался нечеловеческий голос.

В каждом уголке матушки пространной России есть словоохотливые старушки, которые во время длинного зимнего вечера, радым-рады бывают, лёжа на печке, с кем-нибудь поговорить о чём-нибудь былом, давно минувшем. Такие старушки есть и у нас в Мологе. Подсядешь, бывало, к такой бабушке вечером без огня и, говоря с ней о том-другом, речь дойдёт и до святок, и до святочных гадань. Старуха готова рассказывать,

да только чур ни гугу, слушать так слушать, не перебивать.

Бывало, начнёт рассказывать бабушка, как мы молоденькие-то ещё были, в девках-то, и пойдём слушать куда-нибудь, к овину что ли или к церкви, а пурга-то так глаза и слепит, а ветер так и воет. Вот припадём мы к земле, да и слушаем, слушаем, да сами и спрашиваем друг дружку: — Ну что, Маряша? — А ничего, говорит она, вот в той стороне едут, колокольчик звенит. — Ну, это поезд, говорим мы ей, за тобой приедут. Потом спрашиваем другую: Ну, что, Марфуша? — Ничего. Я, говорит она, вот там как будто рубят что-то. — Ну, говорим мы ей, либо дом, либо гроб тебе сколачивают. Послушаем ещё и опять спрашиваем друг дружку: Ну, что, Аннушка? — Да ничего, говорит, как будто где ворота скрипят. — Ну, говорим мы, ей, к тебе завтра сваха придёт. Спрашиваем ещё: Ну, что, Даша? — Ничего, говорит, вот в той стороне собака лает. — Ну, говорим мы ей, быть тебе в той стороне замужем, а теперь тебя сговаривают...

Вот эдак послушаем мы у церкви-то, послушаем да и пойдём ещё куда-нибудь, да всё слушаем, послушаем да и скажем: а что, девки, пойдёмте к бабушке Василисе?.. Вишь ты, была у нас одна старуха, уж то-то старуха, царство ей небесное, про всё знала, про всё ведала. Ну, вот, бывало, о святках и придём мы к ней да и говорим: бабушка Василиса, родимая, как бы нам погадать, да получше-то? — Ох вы, говорят, окаянные! надоели вы мне, погадай, да погадай бабушка, а как бабушке-то чего бы принести, так нет. Ведь бабушка-то не воздухом сыта бывает. Уж я и пальцы-то все для вас истёрла о карты. — Ну, вот мы бабушке Василисе да и посули, кто льну десяточек, кто лучинки, кто мучки овсяной на блинки, и уговорили эдак бабушку Василису погадать нам, да хорошенько погадать-то. Ну, девки, говорит она нам, комухí годовые¹³¹! Уж погадаю же я вам, так погадаю, что в век не забудете. Только чур не пугаться, а что скажу, так-то и делать надобно.

¹³¹ Комухá — здесь: непоседа, шаловливый ребёнок.

Ну, вот, бабушка Василиса оделась, верёвкой подпоясалась, краюшку хлеба положила в пазуху, да ещё что-то, кажись, соль никак, взяла ухват да головню с опёчка¹³², и пошли мы с ней. Пошли мы с ней в поле, да дальше-дальше всё, значит, к лесу-то. Идём, идём... Ну, вот, ручей перешли, вот Гасилова мельница, а дядя-то Фрол, мельник, и идёт к нам на встречу. Как увидал нас, и говорит: *«Куда это вы, девки? Аль в лес за грибами? Поздненько, говорит, поздненько»*. — Ну, вот, эдак идём мы с бабушкой Василисой, всё дальше идём, и пришли на боженку¹³³; а бабушка Василиса и говорит: *«Ну, девки, садитесь вот хоть тут, направо от дороги-то, да смотрите, говорит, чур, молитвы не творить, назад к городу не оглядываться, и слушайте: что бы вам ни послышалось, что бы ни привиделось, молчите, да только слушайте, а как услышите, петух запоёт, вы и скажите: чур нас! чур нас!.. Ну, да я сама за вами приду. Смотрите же, повторяю, чур, молитвы не творить, а не то пропадёте все ни за копеечку...»*.

Сели мы, сидим, а бабушка Василиса и обвела кругом нас головней по снегу, а головню-то воткнула в снег к лесу. Нас так по коже-то мороз и подирает... Глядь — а уж бабушки-то Василисы и нет, как сквозь землю провалилась. Куда она делась, мы не видали.

Ну, вот, сидим мы, сидим да слушаем, а ветер в лесу так и воет разными голосами... Страшно!.. Вдруг налево по дороге как кубарь какой, аль кто проехал, так только снег скрипнул да вверх полетел, а мы сидим себе да сидим, страсть берёт, прижались друг к дружке, а зубы-то у нас так и щёлкают. Ну, вот слышим мы у Фенютиных на овине рожь молотят, вот так и слышно, что молотят, и молотила пощёлкивают, а мы сидим да только посматриваем друг на дружку.

Ну, вот, вдруг слышим направо на десятине собаки грызутся, так-таки и слышим, что грызутся близёхонько; погля-

¹³² Опёчек — деревянное основание русской печи.

¹³³ Боженка — здесь: часовня.

дели мы туда — никаких собак нет, а грызутся; а в лесу-то как захлопал кто-то в ладоши, мы так и обмерли, дух перевести не можем... А тут опять кто-то захлопал в ладоши, да уж близёхонько, как заушает эдак: у! у! у! да по сосне точно помелом махнул, так снег с неё и посыпался весь, и сучья закачались... Ужась нас взяла такая, что и почурать-то¹³⁴ мы позабыли, да ну бежать, а куда побежали не помним, как есть все ничего не помним. Услышала я, что петух запел: ну, слава Богу, думаю, уж теперь не страшно будет; гляжу: темень такая, хватъ — на соломе сию. Где это я? — думаю, да и скажи: Девки!.. Никого нет. Пуще прежнего испугалась, а меня хватъ кто-то за ногу, я так и обмерла.

Ну, вот, слышу кличет меня: Пашуха, Пашуха! — Кто ты? — говорю я. — Да я, Марфуша. — Ты Марфуша? — Я, — говорит. — А девки-то где? — А вот все здесь же. — А я и ну кликать: Маряша! Анюта! Палаша! — А они и говорят: мы все здесь. — Ну, слава Богу, хоть все-то вместе, думаю я. А где мы? — спрашиваю я. — А мы-то и сами не знаем, где мы... Ну, вот мы глядеть, глядеть, слезли с соломы, глядим, а мы у дяди Фрола на мельнице под навесом сидим.

Глядь, бабушка Василиса идёт из лесу. — Что, говорит она, комухи годовые — чего испугались? Аль вас подстегнул кто? Убежали... Ну что, говорит, что выслушали? — Ничего, да страшно больно, бабушка, говорим мы ей. — То-то же и есть, страшно, говорит она, а коли страшно, так и гадать не надобно... Ну, вот мы с бабушкой Василисой и пришли домой.

Старуха, воодушевившись собственным своим рассказом, встала и села на печке.

А я-то, батюшка, грешница, большая грешница; ещё тебе что скажу, продолжала она, утирая слёзы рукавом своей рубашки. Захотелось мне, дуре эдакой, погадать, узнать своего суженого. Ну, вот я и думаю, как бы это сделать? Знала я, что бабушка Василиса даром мне его не покажет. Была у

¹³⁴ Почурать — закричать «чур!» как сигнал тревоги.

меня новинка¹³⁵, тоненькая новинка, сама ткала, сама белила; лежала она у матери в коробке, за замком, а ключ был у неё на поясе. Ну, вот однажды и пожелаей она в печке попариться да помыться; она как разделась да влезла в печь-то, я пояс-то и укради, да в коробку, вынула новинку да опять заперла коробку, как было, и пояс положила на место.

Прихожу я к бабушке Василисе, да и говорю: кормилица-бабушка, покажи мне моего суженого, и новинку ей отдаю; а бабушка Василиса мне и говорит: глупенькая ты, Паша, право глупенькая! Ты бы, говорит, рубашку себе сшила из новинки-то. — Ну, нет, говорю я ей, новинку-то я ещё вытку, а ты, кормилица бабушка Василиса, покажи мне моего суженого, а новинку-то возьми себе. — Ну, что с тобой делать, сказала бабушка Василиса: увидишь ты суженого своего, только ты, Паша, достань где-нибудь шкуру сырую аль лошадиную, аль коровью. — А у нас, осенью, кололи корову, так шкура-то и была, висела на шесте, на повете.

Ну, вот я шкуру-то и укради, да к бабушке Василисе и принеси; а она мне и говорит: ты, Паша, приди ко мне попозже. Ну, я и ушла домой. Поужинали мы дома-то, я и пошла, будто к Марфуше посидеть, а сама к бабушке Василисе. Посидели мы с бабушкой ещё немножко, да и пошли в огород, а огородом в поле, до дороги дошли, всё по снегу, да по снегу выше колен вязли. Бабушка Василиса шкуру несла. Ну, вот как дошли мы до дороги-то, бабушка Василиса разложила шкуру на дороге, и говорит мне: *«Паша! Кажись, ты девка неробкого десятка, садись, — говорит, — вот тут на шкуру-то, да смотри же, крепче держись, а как я уйду, так ты, погодя немного, и скажи: суженый-ряженный, коли ты любишь меня, так покатай меня; а как он будет тебя катать, так смотри, Пашуха, крепче, крепче держись за шкуру-то; а как поедешь, так всё увидишь, и Москву увидишь, и Киев, и другие города; только смотри не опоздай, — чтобы до заутрени здесь*

¹³⁵ Новинка — здесь: тонкий, узкий домотканый холст для белья.

быть. А как будешь подъезжать к городу, так и скажи: чур меня! чур меня! Ну, он и пропадёт».

Вот бабушка Василиса ушла, а я сижу на шкуре-то, сижу... Хвост у шкуры-то впереди... Посидела я эдак с часок, никем-никого не слышно, хоть бы собака залаяла. Ну, я и скажи: суженый-ряженный, коли ты любишь меня, так покатай меня!.. Месяц сначала светил, да его стало заносить облаком, темнеть стало. Я сижу да сижу. Холодно. Вот я возьми да шкурой-то и обогнись. Сижу, зеваться что-то стало, дремота напала, кажись бы вот так тут на месте и уснула. Сижу, и вдруг... меня из памяти вышибло от страха, смотрю: за хвост-то шкуры тащит меня молодец. Кафтан синий, шапка бобровaya, кушак красный, сапоги новые так и светятся; лица-то мне не видно было. Ну, вот тащит он меня, да как тащит-то, всё прямо, всё прямо, и через леса, и через реки летьям-лечу, так у меня волос на голове дыбом и встал от страха-то.

Ну, я смотрю, как стену какую вижу, смотрю: церквей-то, церквей сколько... Я и спроси суженого — вишь мне больно хотелось в лицо его увидеть: что, мол, это такое? — Москва! — ответил, да таково сердито, а сам не оглянувшись, только немножко повернул голову... Кажись, борода у него рыженькая небольшая. Ну, вот смотрю я, гора какая, и церквей тоже много, я опять и спроси его: это что такое? — Киев! — сказал он также сердито. Гляжу я, опять город, что ли, какой. — Это, мол, что? — Саратов, сказал он, и обернулся ко мне лицом. Смотрю: глаза так и бегают, быстрые такие, а нос — так себе, только прям больно; борода клинчиком, рыженькая. Он и говорит мне, да так сердито: дальше что ли везти? — Нет, говорю я, пора домой. — Как он вернёт меня, так я чуть-чуть усидела на шкуре-то. Ну, вот опять и через реки, и через леса всё прямо лечу, лечу...

Вот уж и наш город стало видно, и Борис-Глеб¹³⁶ видно ста-

¹³⁶ Имеется в виду Вознесенская церковь города Мологи, один из приделов которой был освящён в память Святых благоверных князей-страстотерпцев Бориса и Глеба.

ло, я и скажи: «*Чур меня!*», перекрестилась, «*Чур меня!*» да ещё перекрестилась, глядь, а суженого уж и нет. Смотрю, у самых-то у моих ног прорубь, и хвост шкуры и самая шкура в прорубь свесились... Я уж и не помню, как скатилась долой со шкуры-то, встала, смотрю, ан я на нашей реке, на Мологе. Оборотилась я к церкви, да на божие милосердие взглянула, и говорю: светлое Христово воскресение, помилуй меня, окаянную грешницу! — Домой уж я не пошла, а ночевала у бабушки Василисы; а бабушка Василиса сходила-таки себе за шкурой.

Гаданье в зеркало

Словоохотливые женщины, происходящие, вероятно, по прямой линии от бабушек Василис чрез бабушку Парасковью, соберутся, бывало, в чьём-нибудь доме вместе с девушками, рассказывают им всякую всячину, вроде вышеописанного разговора, или ещё и покраше что-нибудь. Одна, бывши в девушках, может быть, слыхом не слыхала о порядочных гаданьях, а теперь, наслушавшись от других, рассказывает такие чудеса, что у слушательниц мороз подирает спину. Молодые девушки очень охотно слушают их, но только следствия таких бесед бывают иногда очень печальны.

Одна девушка, наслушавшись таких рассказов, вздумала погадать в зеркало; дождавшись времени, когда все домашние её, поужинав, улеглись спать в избе, девушка в холодной, впрочем не очень, горнице накрыла стол скатертью, поставила два прибора, солонку, положила две ложки, два ломтя белого хлеба, поставила кушанье; но ни ножей, ни вилок не положила: этого требовало такое гаданье. На край стола поставила зеркало, против него стул и ещё два стула против приборов, иконы завесила скатертью, протёрла зеркало полотенцем и слушала: не идёт ли кто? Уверившись, что никого нет, она села против зеркала; несколько погодя, она сказала: суженый-ряженный, приходи со мной ужинать.

Долго сидела девушка, долго смотрела в зеркало, надеясь

в нём увидеть своего суженого, несколько раз дремала. Но вот, кажется, зеркало начинает тускнеть — знак, что суженый уже близко. Она протирает зеркало полотенцем, а тут на беду свеча так нагорела, что в горнице стало темно. Тронуться с места, чтобы снять со свечи в такую минуту девушке было нельзя, это значило бы испортить всё гаданье.

Девушка продолжает сидеть, время от времени протирает зеркало, потом видит: в зеркале как будто показывается лицо, туманно, неясно и как-то сбоку, низко, как будто лицо подымается с полу и едва выглядывает из за её плеча. На девушку напал страх, ей следовало бы смотреть в зеркало не мигая. Лицо в зеркале показывалось в одном положении, неясно, неопределённо, и не подходило ближе. У девушки зарезало глаза; она смигнула и против своей воли пробыла, зажмурившись, несколько секунд.

Страх её увеличивался; она раскаивалась, что начала гадать в зеркало, но теперь отстать, не гадать, как ей сказывали, было уже нельзя. Нужно было, чтобы суженый подошёл ближе, даже сел бы с ней за стол ужинать, и потом, насмотревшись на суженого вдоволь, девушка могла его уничтожить, сказав: чур меня! чур меня! — и гаданье кончалось.

Девушка снова взглянула в зеркало, лицо показалось ей как будто яснее, значит, приближается к ней; её обдало холодом, в висках застучало; она чувствовала, как волосы на голове становились дыбом, она решила бежать. Ещё раз она взглянула в зеркало — суженый, близко, и она бросилась, бежать из горницы; только что хотела отворять дверь, как почувствовала, что её кто-то хватает сзади за платье. Она вскрикнула и, выбежав в сени, потеряла память.

Долго спустя после этого, она сама рассказывала: мне казалось, говорила она, что я бегу, бегу, всё по кочкам да по ямам, а суженый мой держит меня за плечо и говорит мне: остановись, остановись! ведь ты звала меня, пойдём же ужинать!..

Домашние, хозяин и хозяйка дома, услышав необыкновенный крик в сенях, с просонков не знали на что и подумать.

Отец несчастной девушки зажёл свечу и в сопровождении своей жены вышел в сени. Горница была растворена, они испугались. Пойдя туда, они увидели проказы своей дочери, но её здесь не было, пошли искать её и нашли под лестницей, ведущей на подволоку. Дочь их сидела на полу, плотно прижавшись к стене; бедняжку нельзя было узнать; она смотрела во все глаза, волосы были растрёпаны, лицо бело-синеватое, губы запеклись кровью. Её подняли, ввели в избу, она вся дрожала. В таком положении она пробыла до свету, не смотря на все попечения отца и матери; они напоили её тёплым, посадили на печку, укрыли; больная согрелась и, по-видимому, уснула. Она спала до самого обеда, то есть до полден следующего дня, беспрестанно бредила суженым-ряженым, потом успокоилась; проснувшись, глядела во все стороны мутными глазами, не узнавала ни отца, ни матери, словом — она сошла с ума.

Ровно три недели находилась девушка в таком несчастном положении, но молодая натура, при пособии медицинских средств, взяла верх над болезнью, и месяца через полтора больная выздоровела, по-видимому, окончательно. Пришёл май месяц. Девушка была здорова, весела как прежде, о прошедшем не было и помину. В Борисов день, к вечеру, собрались к ней подруги девушки, разодетые в лучшие платья, чтобы всем вместе идти на гулянье в Заручье. Как водится, девушки попеременно, та и другая, беспрестанно смотрелись в зеркало, поправляя свои наряды. Хозяйка-девушка, как-то невзначай, со стороны, взглянула в зеркало и в нём увидела то же лицо суженого, которое видела на святках. Она изменилась в лице, ноги её подкосились, руки опустились, и она едва могла дойти до стула и сесть.

Прочие девушки видели это и не знали, что такое с ней делается; они попеременно спрашивали её: Грунюшка, Грунюшка, что с тобой? — Больная молчала, лицо её горело, грудь сильно волновалась. Она обвела глазами всех подруг и заплакала. Ещё больше приступили к ней девушки, продолжая спрашивать; наконец, она сказала им: я видела опять

суженого, и зарыдала. Девушки с ужасом переглянулись. — «*Да где? где?*» — продолжали они, спрашивая больную. — «*Вон, там в зеркале!*» — отвечала она.

Одна из девушек, резвая, всегда весёлая, подбежала к зеркалу, посмотрела в него прямо, потом сбоку, с другого, и остановилась, что-то рассматривая, потом подозвала к себе подруг, и они попеременно все, смотря в зеркало, видели в нём изображение лица. Они долго смотрели в зеркало, переглядываясь между собой и не говоря ни слова; вдруг та же девушка, которая первая подошла к зеркалу, захохотала. — «*А это что?*» — говорила она, указывая на портрет, висящий на стене между платьями, повешенными на той же стене. — «*Это не он*», — отвечали ей девушки, сравнивая выражение лица в зеркале с портретом. — «*Он, право, он*», — говорила та же резвая девушка Саша, и, подойдя к самому портрету, она встала между ним и зеркалом. — «*Ну, смотрите же, не я ли?*», — сказала она. — «*Да, да, ты и есть*», — отвечали девушки и засмеялась. — «*Ну, вот, я отойду*», — говорила Саша, и отошла от портрета: в зеркале показалось прежнее изображение лица. Дело заключалось в том, что простое, нешлифованное стекло зеркала неправильно, уродливо отражая в себе предметы, совершенно меняло черты и характер лица портрета.

Резвая Саша, смеясь подошла к больной, говоря: «*Грунюшка матушка! Чего ты испугалась? Посмотри, ведь это он виден в зеркале-то, посмотри сама*». И, взяв Груню за руку, она подвела её к зеркалу. Груня робко посмотрела в него, усмехнулась, но какой-то горькой улыбкой, и опять села на прежнее место. Девушки, раскрыв истинную причину испуга своей подруги, всеми мерами старались ей развеселить, но Груня оставалась по-прежнему грустной. — «*А что же гулять-то?*» — вскричала резвая Саша, обращаясь к Груне и вопросительно смотря на неё. — «*Я не пойду*», — отвечала Груня. — «*Ты не пойдёшь, так и мы не пойдём*», — сказали ей все девушки подруги. — «*Да от чего же тебе не идти?*» — говорила Саша.

— *Ты лучше разгуляешься, Груня; я пойду тётеньке Марье скажу*». И с этим словом она выбежала из горницы.

Саша подробно рассказала отцу и матери Груни всё, что у них происходило в горнице; те, выслушав её, поняли в чём заключалось дело, и вместе с Сашей вошли в горницу. — *«Что с тобой, золото мой, Грунюшка?»* — говорила мать, подходя к ней. Между тем отец смотрел в зеркало. *«Что с тобой?»* — продолжала мать. — *«Что у тебя болит?»* — *«Ничего, маменька, у меня не болит»*, — отвечала Груня. — *«Так отчего же ты такая невесёлая?»*. Груня заплакала навзрыд, это облегчило её несколько, и она, отеревши слёзы, сказала отцу и матери, что, увидя нечаянно в зеркале то же лицо суженого, которое видела на святках, так испугалась, что вовсе не помнит, как села на стул. *«А если бы я одна была»*, — прибавила она, — *«Так уж и не знаю, что бы со мной было»*. И девушка опять заплакала.

Мать и другие девушки всеми силами старались её утешить, разговорить. Резвая Саша то и дело подбегала к зеркалу, говоря: *«Да чего его бояться-то? Мало ли что видно в зеркале! Эх! Я, Груня, на твоём месте, плюнула бы, да и засмеялась. Ну, да что? Право, плюнула бы!»* — вскричала она, сильно притом топнув ножкой о пол. Эта выходка Саши развеселила Груню; она перестала плакать; другие девушки смеялись на геройскую выходку Саши, и мало-помалу в общем говоре и смехе Груня начала принимать участие.

Несколько артелей гуляющих проходили по улице. Все девушки бросились к окошкам смотреть на них. Разговор переменялся; как водится, стали говорить о том, кто такие прошли, на ком лучше было платье, как сшито и тому подобное. Груня, изредка принимавшая участие в этом разговоре, приметно повеселела. Резвая Саша, топнув ещё ножкой о пол, сказала: *«Да пойдёмте же гулять-то! А ты, Груня, пойдёшь с нами?»* — *«Пойду»*, — отвечала Груня. Она была почти совсем одета, поправилась, завила височки, сбитые слезами, и все отправились в Заручье на гулянье.

Отец и мать Груни, оставшись вдвоём, стали рассуждать, каким образом на святках Груня видела портрет в зеркале? Отец поставил стол на том самом месте, где он стоял во время гаданья, поставил на него зеркало так, как оно стояло тогда, подставил стул и сел на него. Смотря в зеркало, он увидел, что если сидеть прямо, написанного на портрете не видно, он совершенно закрывался сидящим на стуле и приходился сбоку; но если несколько поднять голову и немного наклониться в левую сторону, тогда портрет был видим в зеркале. Дочь ростом была ниже своего отца, почему ей не нужно было поднимать головы, а только нужно было немного наклониться в левую сторону, и изображение портрета в зеркале покажется выходящим из-за плеча с правой стороны. Портрет висел на стене довольно далеко, а простое нешлифованное стекло зеркала изображало его в себе так уродливо-фантастически, что это изображение никак не возможно было принять за изображение портрета. Отец-старик и его жена попеременно смотрели в зеркало, удивляясь невиданной ими роже, показывающейся там. При этом они сообразили ещё и то, что когда они вошли в горницу, в несчастную для них ночь, свеча на столе едва-едва горела, издавая какой-то красноватый, слабый полусвет, так она нагорела, почему, естественно, и изображение в зеркале могло казаться ещё фантастичнее. В горнице тогда было довольно холодно, отчего, сидя близко к стеклу зеркала, легко можно было своим дыханием заставить тускнеть стекло. *«Вот и суженый, вот и ряженный!»* — говорили старики, смотря на портрет. — *Однако надобно его куда-нибудь спрятать, а то, пожалуй, Груня будет его бояться, да и для чего он нам? Его никогда невидно тут под платьем».* — *«Да как же так? — спросил старик свою жену. — Ведь я помню, тогда на портрете висело моё платье, два армяка, две сибирки да мех некрытый?».* — *«А вот то-то же и есть, — отвечала жена, — говорят, на грех мастера нет, а грех-то нечаянно случился. Я накануне того дня твоё платье, почитай всё, отдала*

Антипе в окаянных харях ходить, а он и не принёс его на другой день: вишь, он проспал, говорит».

Груня гуляла со своими подругами в Заручье и на других гуляньях, но она гуляла так-себе, нехотя, или как от нечего делать; ей всё равно было, что гулять при многочисленной публике, что сидеть дома. Какая-то непонятная ей тоска и равнодушие ко всему окружающему сопутствовали ей везде. Она, прежде весёлая и шутливая девушка, теперь постоянно была в задумчивости, говорила мало; ей часто хотелось плакать, или убежать куда-то на край света белого, далеко, далеко... Такое состояние духа Груни продолжалось больше года; наконец, её выдали замуж, и новая жизнь, новая обстановка предметов подействовали благотворно, и она выздоровела.

Этот пример расстроенного воображения, один из целой сотни подобных ему примеров, есть прямое следствие разговоров и рассказов бабьих, подобных рассказу бабушки Парасковьи.

После святок все вышеописанные слушанья и гаданья кончались вечером четвёртого числа января, на крещенский сочельник; только одни карты оставались во всей своей силе, как для забавы, так и для гаданья, на весь круглый год, за исключением Великого поста. В Крещение, после обедни и освящения воды в проруби на реке Мологе, те из молодых людей, которые в святки надевали на себя «хари», то есть маски, или одевались по подобию дьявола, непременно должны были купаться в проруби, не смотря ни на какой мороз, чтобы очиститься от такого тяжкого греха. По словам старых людей, были, будто бы, примеры, что эти окаянные хари, как подобие и изобретение сатанинское, прирастали к лицу того, кто их надевал. Такие страсти, поневоле, хоть кого так заставят купаться в проруби на морозе, только, к несчастью, последствия этих безрассудных купаний не редко были самые плачевные.

В Крещение и во все следующие затем воскресные дни и праздники, во весь мясоед, после полудня, часов с двух с по-

ловиной — обыкновенное катанье на лошадях по улицам. Девушки, живущие в центре города, где происходило катанье, собравшись гурьбой у ворот чьего-либо дома, вместе с молодыми женщинами, стояли и сидели, любуясь на катающихся.

Масляница

Ещё с половины Пёстрой недели¹³⁷ мологские молодцы начинают делать горы. Они, собравшись большой артелью человек в пятнадцать и более, с помощью ещё ребятшек-подростков, выбирают место, где лучше можно сделать гору. А так как молодцы делятся на городских, середских и заруцких, то они поэтому делают горы отдельно. Городские молодцы делают гору, по большей части, около деревянной Воздвиженской церкви, на Глубоком озере; середские молодцы — против «серёдки», то есть средины города, а заруцкие противу своего Заручья. Против серёдки почти всегда делают не одну, а две, иногда три горы; здесь по крутизне и высоте берега удобнее делать горы, почему они всегда бывают лучше городской и заруцкой гор, и здесь-то во время Масляницы бывают главные гулянья и катанья на горах.

Выбрав место, удобное для деланья горы, молодцы приступают к работе. Самый верх горы всегда помещается в небольшом рве, хребет коего сравнивают сколь возможно; ниже, в глубокие обрывы берега наносят снегу и таким образом выравнивают, чтобы гора, по возможности, была ровна; сверху, до льда реки, горы делают в виде широкого жёлоба; снег хорошо уминают и прихлопывают лопатами. После этого поперёк реки, по льду, проходят как можно прямее от обоих боков горы до противоположного берега, но так, что чем далее идут по льду, расходятся всё шире и шире; по проложенным

¹³⁷ Пёстрая неделя — неделя перед Масленицей, предпоследняя перед Великим постом. Название недели связано с тем, что в отличие от предыдущей, в среду и пятницу соблюдался пост, то есть получалась «пестрота» — дни употребления в пищу мяса перемежаются постными днями.

следам начинают расчищать лёд, то есть с него снимают покрывающий его слоем снега во всю ширину реки.

По окончании этих работ, дают знать девушкам, что гора готова, и чтобы они шли её поливать. Девушки не заставляют долго себя ждать и торопливо сбегаются с вёдрами на коромыслах поливать гору. Это поливание, судя по морозу, иногда продолжается несколько дней, а между тем молодцы пробуют гору, начинают на ней кататься на лотках и исправляют, где заметят, неисправность, или *стрях*, то есть где приходится небольшой пригорок, а за ним следует крутизна; лоток, раскатившись, перелетает эту крутизну и сильно встряхивает сидящих на нём; в этом случае крутизна, следующая за пригорком, представляет в жёлобе горы яму, почему нужно бывает её заровнять снегом.

Если во время большого гулянья и беспрестанного катанья, гору разобьют, то есть на ней сделаются выбоины, тогда запирают гору, поперёк кладут толстую слегу: это значит, гора заперта. После сего лечат гору, в выбоины кладут мокрого снега, сравнивают его и дают замёрзнуть. Между тем, гуляющие идут на другую гору и там продолжают гулять и кататься.

На горах катаются на *кобылах*, так у нас вообще называют лотки. Лоток делается следующим образом: берут осиную доску толщиной вершка полтора, от семи до восьми вершков ширины и аршина полтора длины; один конец доски отрезывается поперёк ровно, а другой конец закругляется и снизу подстрагивается так, чтобы он не мог упираться в снег. Сверху лоток выдалбливается в толщину руки; внутри лотка назади прибивают сиденье, вроде небольшой подушечки; на переднем конце лотка ввинчивают кольцо и за него привязывают верёвку. В таком виде лоток готов, но не совсем ещё; его нужно подморозить. Сперва нагревают холодный лоток в избе, повёртывают его вверх дном, намазывают коровьим или лошадиным помётом толщиной в полпальца и замораживают; подмороженный лоток делается чрезвычайно скользким, особенно когда его обкатают — сгладят.

Гулянья на горах начинаются с середины масляной недели. В этот день девушки, да и все, позавтракав довольно плотно масляничных снадобьев, блинков, пирожков и тому подобного, и одевшись ещё не в хорошие наряды, идут гулять на горы и кататься. К вечеру гуляющих появляется больше, и в городе начинается катанье на лошадях; покатавшись по улицам, многие едут посмотреть на горы.

На другой день, в четверг, гулянья на горах делаются многолюднее, особенно к вечеру, и все одеваются в хорошие наряды. День-ото-дня, к концу масляницы число гуляющих умножается; молодцы с лотками, с кожаными рукавицами на руках, наперерыв изъясняют своё расположение к девушкам. Молодец садится на свой лоток и просит товарищей позвать такую-то девушку, а иногда и двух, скатиться с горы. Девушки благодарят, не идут, церемонятся. В таком случае их тащат силой. Первая девушка садится на лоток к молодцу между его колен и кругом хорошо подбирает своё платье; другая девушка садится к ней на колени и также хорошо подбирает своё платье. Это необходимо, потому что при съезде с горы всегда навстречу дует ветер. Усевшись, молодец, подпираясь руками, сталкивает свой лоток и почти отвесно съезжает с крутой горы; на льду реки он правит лотком. Если, например, лоток забирает в сторону, вправо, молодец протягивает левую руку и сильно нагнетает рукавицей в лёд, отчего лоток получает прямой правильный ход. При этом нужно заметить, что чем тяжелее будет нагружен лоток седоками, тем он дальше едет по горе; проезжая лёд по реке, он далеко въезжает ещё на противоположный плоский берег, между тем как на лёгком лотке один человек едва доезжает по льду до половины реки.

Во время многолюдного гулянья на горе и беспрестанного катанья по горе, случаются иногда забавные, а иногда и печальные обстоятельства. Прежде, когда ещё не были в употреблении кринолины, девушка, садясь к молодцу на лоток, хорошо подбирала своё платье; но несмотря на это, озорник-ветер нередко забирал платье и покрывал им головы се-

доков; теперь, при употреблении кринолинов, особенно камышовых, удивительно, как девушки умеют их подбирать и решаются ехать с горы?..

Случается, лоток с седоками неловко едет по горе; молодец правит, но сила не берёт, лоток ткнётся носом в край горы в снег и начнёт вертеться на льду. Хорошо, если седоки крепко держатся один за другого: они усидят; но часто их разбрасывает в разные стороны, а там с горы едут; встать бы да отсторониться, чтобы не ушибли: встать нельзя, сила движения ещё продолжается, а лёд скользок, вот тут-то и беда.

К одной беде и другая беда: кататься на горе торопятся, с горы ещё едет лоток или два, и вот при этом достаётся тем, которые на льду и не успели встать. Бывало, так подшибут, что несчастную или несчастного замертво относят в сторону или домой, а там, смотришь, ещё другой несчастной все зубы вышибли. О разорванных шубах, салопях, платьях и говорить нечего. Нельзя сказать, чтобы в подобных обстоятельствах не брали предосторожности, но в многолюдстве какой может быть порядок. Съехал молодец неловко, завертелся, разбросал своих седоков; те, которые стоят на краю берега, видят это и предостерегают других не ехать скоро. Сзади их находящаяся толпа, ничего не видя, что делается под горой, силой сталкивает с горы тех, которые уже сидят на лотках, готовые ехать.

Молодец, очень сердитый на какую-либо девушку, иногда мстит ей подобным же образом, с намерением заправляя ход лотка в сторону, или делает хуже: верёвка привязана к лотку длинная, молодец кладёт её вдоль лотка и садится на верёвку, ещё довольно длинный конец которой остаётся сзади лотка. К молодцу, по его желанию, садятся девушки, ничего не подозревая; он трогается с места; на самом перевале под гору, когда лоток наклонится вперёд, верёвки приступают ногами, лоток останавливается, молодец держится за лоток, а несчастные девушки, съехав с лотка, с самого верха горы едут по шероховатому льду... на чём пришлось. Нельзя сказать, чтобы подобные озорничества и дурачества повто-

рялись часто; но не пройдёт ни одной масляницы, чтобы не случилось чего-нибудь подобного.

У нас есть ещё обыкновение, в котором молодежь находят какое-то удовольствие: приходят на гору новобрачные молодые, муж и жена, тотчас же для них готовят хороший лоток и просят их садиться, скатиться с горы. Волей или неволей, молодые катятся. Между тем, на конце горы их дожидаются человек пять–шесть мужчин; едва только молодые доедут до конца горы, их хватают и зарывают в сугроб снега, в пазухи и где только можно напихивают им снегу и оставляют. Это шутка, конечно, но шутка шутке рознь; едва ли когда эта шутка обходится для молодой женщины без слёз. Есть у нас смельчаки, которые, рискуя сломать себе шею или разбить голову с такой крутой и высокой горы, катаются, стоя на ногах.

В прошедшие времена, во время масляницы, по улицам возили разукрашенную лодку. Большую рыбацкую лодку, иногда третник¹³⁸, ставили на двое саней; на лодке ставили мачту и украшали разноцветными флагами. Всю лодку покрывали коврами, на середине стояли стол и кругом его стулья. На стол ставили множество бутылок и закусок, бутылки наполнялись всякими питьями. На носу или на корме помещались музыканты или песенники, иногда те и другие вместе; кругом стола и по бортам лодки помещались разные лица в костюмах и в масках на лицах, но некоторые садились в лодку и в том костюме, в котором гуляли по улице. Разбанченные разноцветными лентами, с бубенчиками и колокольчиками, от шести до восьми лошадьми с фореяторами¹³⁹ возили по всем улицам, забавляя гуляющих горожан песнями и музыкой.

В пятницу и субботу тоже гулянье. На горах начинают гулять рано, утром часов с десяти, не в хороших платьях, а после обеда переодеваются в лучшие наряды. По улицам тоже катанье на лошадях.

¹³⁸ Третник — лодка, на которой переезжают реку с помощью каната.

¹³⁹ Фореитор — кучер, сидящий на передней лошади при упряжке цугом (когда лошади идут парами, одна за другой).

В воскресенье, называемое прощальным воскресеньем¹⁴⁰, гулять начинают вскоре после полудня, то есть после обеда. В этот последний день обходят все горы, везде катаются; по улицам на лошадях катаются только до вечерни. После вечерни ходят и ездят к своим родственникам прощаться. Девушки, переодевшись в платья похуже, идут кататься на горы в последний раз. Теперь-то охотницы до катанья на горе катаются и не могут накататься, гору не берегут и потому катаются разными манерами. Иногда возьмут большой луб, на него сядет целая гора желающих, и едут по горе с криком и визгом. Поздно вечером горы пустеют. Ребятишки, заранее приготовив несколько худых кадок, щеп, хворосту, всё это зажигают на конце горы. Это называется *жечь гору*.

Прощальным воскресеньем заключаются все праздничные гулянья, оставляются и забываются на время Великого поста песни и карты. Религиозные пожилые люди вечер с воскресенья проводят в благоговении, в ожидании наступающего времени очищения совести, души и тела; а молодые люди скучают о минувших удовольствиях и с некоторой грустью на сердце ожидают первых дней поста. Но вот наступит пост, первая неделя его точно скучна, но день за день она проходит, к посту попривыкнут, и время и дела пойдут своим чередом, чем далее, тем веселее. Приближается весна, а там является желание в радости встретить торжественный для всех православных христиан праздник праздников.

¹⁴⁰ То же, что Прощёное воскресенье (последнее перед Великим постом).

В. А. Лавров

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ГОРОДЕ МОЛОГЕ¹

Красивый вид представляет этот город, когда едешь на пароходе из Рыбинска, а увидишь его ещё издалека. 105 каменных домов, 907 — деревянных, три церкви и монастырь раскинуты почти на пять вёрст и никак не верится, что на таком пространстве живут не более 5 190 человек. Оптический обман происходит здесь от того, что в городе только три улицы, и только одна из них очень длинна. Кроме того, местами тянется бесконечный забор, а то и просто пустошь.

Купцов 1-й гильдии здесь вовсе нет, даже по 2-й считается один с капиталом в 60 000 руб.; к 3-й принадлежат 60, каждый — с капиталом в 2 400 руб.. Всё купеческое сословие состоит из 211 мужчин и 206 женщин. Мещан: 1 769 мужчин и 2 225 женщин. Городской бюджет выражается в следующих цифрах: от прежних годов в 1862 году оставалось принадлежащих городу 11 917 руб. 76 коп., поступило в 1862 году 6 791 руб. 92 ½ коп., израсходовано 7 645 руб.

¹ В настоящем издании под одним названием печатаются два очерка ярославского краеведа XIX в. В. А. Лаврова (?-?): «Кое-что о городе Мологе» (Ярославские губернские ведомости. 1863. Ч. неофиц. № 11. 14 марта. С. 65) и «Из воспоминаний о городе Мологе» (Там же. 1863. Ч. неофиц. № 41. С. 289–290).

53 ½ коп., осталось к 1863 году 11 064 руб. 15 коп., из них — 5 000 руб. в пользу бедных города Мологи.

Нельзя сказать, чтобы город Молога был так безжизненен, как большая часть наших уездных городков. Ещё пятнадцать лет тому назад он заявил себя передовым из всей губернии: ещё в то время устроены были здесь спектакли, так называемые благородные — дважды в неделю, а по временам и вечера, тоже называвшиеся благородными. Участвовали в этих увеселениях не только здешние, но и приезжие (по большей части, помещики) из уездов Пошехонского и Рыбинского.

В масляницу спектаклей и вечеров не было: устраивалась лодка, везомая по площади двадцатью лошадьми и более. Все участвовавшие в спектаклях и вечерах были на палубе; гремит музыка, начальник дистанции путей сообщения (по-здешнему — водяной смотритель) командует в рупор, а личики барышень и дам тают от удовольствия. Но, увы, всё это давно миновалось и, Бог весть, почему не повторяется.

Другое дело — купечество, небогатое чиновничество и мещанство. Они крепко держатся весёлой старины. До сих пор о святках целые ночи молодёжь танцует кадрили под звуки гитары мещанина или под звуки скрипки отставного инвалида. Маскированные (пародии медведя, козы, петуха) входят на вечеринку по призыву мальчика, который с каким-то непонятным удовольствием мёрзнет целый вечер у ворот, покрикивая: халява погоняй, что значит по-здешнему: маскированные, милости просим!

В масляницу всю неделю — катанье с гор.

Летнее гулянье начинается с Троицына дня, продолжается всю неделю, каждую ночь. От сумерек до румяной зари потешается беззаботная молодёжь на качелях, игрой в горелки и т. п. Но в этом гулянье есть обычай, вероятно, неприятный для тебя, милая мологжанка! В самом деле, какое удовольствие может доставить молодец — хотя бы он был и суженый — если от берёзки, которая остаётся после Троицына дня он оторвёт большой прут, совьёт его вроде верёвки и хлещет

им тебя, красавица, по гибкому стану. Я даже замечал, что который к тебе неравнодушен, тот норовит ударить тебя пошибче.

Монотонную жизнь мологжан в старину разнообразили пехотные полки, назначавшиеся сюда для квартирования. В сороковых годах был здесь Владимирский полк. Конечно, квартирование полкового штаба в Мологе составляет эпоху в жизни такого небольшого города. До сих пор моложанки, теперь уже, увы устаревшие, вспоминают о весёлой стоянке владимирцев. И есть чем вспомнить их! Как только полк пришёл в Мологу, наехали сюда из соседних уездов старухи помещицы с молодыми дочками. Для чего?! Вероятно, уже догадался читатель и предчувствует читательница.

Припомните, что в те годы так современно пел Булгарин² в своей драме — не припомню название:

Мундир военный
Для всей вселенной
Силён!

И вот составляется подписка на устройство благородного собрания. За дешёвую цену приискивается обширный новый деревянный дом, музыка же у владимирцев была своя и очень порядочная. Танцевали, как говорится, до упаду в неделю по две ночи. Разумеется, владимирцы заполонили многие девичьи сердца; но, к великому прискорбию, не многим барышням удалось при выходе полка из Мологи следовать за ним в качестве «военных» дам.

Так как описываемое событие относится к тому доброму

² Булгарин Фаддей Венедиктович (1789–1859), русский писатель, журналист, критик и издатель. «Герой» многочисленных эпиграмм Пушкина, Вяземского, Баратынского, Лермонтова, Некрасова.

старому времени, когда, по выражению Пушкина, пиит армейский любил в альбом уездной барышни подмахнуть стишок злодейский, то и в Мологе нашёлся такой поэт и, вероятно, вследствие поэтической вольности сделал *маленький скандалячик*. Был арестован и разгонял тоску уединения сочинением сатиры, в которой, между прочим, злобно укорил моложан за то, что они пьют травничок.

Здесь обличитель, вероятно, держался преданий старины глубокой. Действительно, по всему северному Поволжью в простонародье Молога слывет пьяной. Это не без причины. По истории Карамзина, на месте нынешнего города Мологи была ярмарка, которая слыла первой в России до XVI столетия и, особенно, славилась торговлей с Азией и Турцией. Поэтому можно поверить, что тогда в Мологе было, как говорит предание, семьдесят семь кабаков. А так как в старину жилали деда веселей своих внучат и как простую пили воду, мёд, крепкое вино и притом было «на Руси — веселие пити», то, может быть, наши предки попивали, и порядочно. В прошлом же году слишком на пять тысяч жителей было менее десяти питейных домов. Нынешний год, правда, число их значительно увеличилось, но ведь оно увеличилось повсеместно.

Не одни кабаки в Мологе — есть и богадельни. Моложская богадельня помещается в каменном доме, против уездного училище. Устроена она по завещанию помещика Осипа Павловича Бахирева, давно уже умершего³. Это был замечательный в своём роде человек.

Говорили в городе, что он имеет душ 500 крестьян в разных губерниях и, преимущественно, в Новгородской. Однако достоверно никто ничего не знал, потому что Осип Павлович

³ Бахиревская женская богадельня в городе Мологе была учреждена в 1852 году. Подробнее см.: Маркевич В. И. Обзорение исполняющего обязанности главного попечителя благотворительных учреждений в Угличе, Мологе, Рыбинске, Костроме, Казани, а также некоторых московских и подмосковных. СПб, 1914. С. 6–7.

в Мологе никогда не служил, формуляр⁴ свой едва ли кому показывал, не вспоминал о прежней жизни до Мологи, в которой поселился и обзавёлся домом уже не один десяток лет, и, вообще, был каким-то загадочным моложским гостем. По временам уезжал куда-то далеко, по словам его, к родственникам, которых, однако, едва ли видели у него здесь.

Почти всё время проводил он в Мологе за картами. Побуждением к игре была не страсть к любостяжанию, а, вероятно, желание убить столь дорогое для других, а для него не имеющее никакой цены — время.

Игра была всегда безденежная. Партия составлялась почти исключительно из самого хозяина и двух—трёх отставных чиновников, получавших пенсию за свою долговременную, чуть ли не с мафусаилов век⁵, службу. Партнёры жили как будто в каком-то неведомом царстве: кроме мелких интересов и сплетен, в изобретении которых Молога едва ли не превосходит другие уездные городки, ничто их не занимало, исключая, конечно, достолюбезного преферанса. Даже в Венгерскую войну⁶, современную описываемому времени, никогда не упоминалось за карточным столом, что вот-де булгаринская пчёлка⁷ сообщает, что там-то русские побили неприятеля.

Сохранившие под снегом седин горячее сочувствие к преферансу, старики-гости проживали у хозяина по целым неде-

⁴ Формулярный список — послужной список, в который вносились все сведения о прохождении службы чиновниками и государственными служащими.

⁵ Мафусаилов век — выражение, означающее долголетие (продолжительность земной жизни человека).

⁶ Венгерская война, или Подавление Венгерского восстания 1848—1849 гг. — боевые действия, начавшиеся после попытки выхода Венгрии из Австрийской империи, которые были осложнены интервенцией русской армии.

⁷ «Северная пчела» — русская политическая и литературная газета, издававшаяся в Санкт-Петербурге в 1825—1864 гг., вначале либеральная, впоследствии консервативно-охранительная. Основана Фаддеем Булгариным, совместно с Н. И. Гречем.

лям. Кончается партия далеко за полночь — и каждый гость идёт в отведённую ему однажды навсегда кровать, несмотря на то, что иной семейный и у него чрез два-три квартала своя квартира. Эти гости были, положим, и *приживалки*, но *приживалки городские*, а не те, которые во времена рабства⁸ дополняли квартиры, из коих иную можно было назвать не только пословицей: сытый голодного не разумеет, но чем-нибудь ещё *плотоядно-эгоистичнее* этого. Нет, наши *приживалки* были люди более или менее независимые и потому только увеселяли домохозяина, что карты доставляли им самим несказанное удовольствие...

Простим, добрый читатель, старичкам, которые так ребячески потешались во время оно в захолустье! Другое дело, когда дойдёт до прощения тех, которые также убивают время, а иногда и добрые силы в наши дни, когда совершаются такие мировые события, как уничтожение рабства, и когда оказывается недочёт в людях для дела!

Но возвратимся к воспоминанию. После нескольких так проведённых лет умирает Осип Павлович. В завещании, между прочим, он назначил устроить в его доме богадельню, не забыл также назначить деньги на её существование в вечное время.

И так жизнь человека, вся может быть бесполезнопроведённая, оставила по себе столько незабвенный след. Но не лучше ли каждую минуту служить на пользу общества, чем откладывать доброе дело до того времени, когда мы будем на краю могилы!

⁸ Имеется в виду крепостное право.

СОДЕРЖАНИЕ

МОЛОГА В 1802 ГОДУ	3
---------------------------------	----------

А. А. Фенютин. ЗАМЕТКИ О ПРАВАХ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА МОЛОГИ.....	10
---	-----------

А. А. Фенютин. УВЕСЕЛЕНИЯ ГОРОДА МОЛОГИ В 1820–1832 ГОДАХ	16
--	-----------

Отдел I. Весенние праздники и гулянья	16
Святая неделя.....	16
Борисов день 2 мая.....	17
Николин день 9 мая.....	38
Ерши.....	40

Отдел II. Летние праздники и гулянья	58
Петров пост, или Петровки	58
Петров день 29 июня.....	58
Игра мячом	65
Ильин день 20 июля.....	69
Игры шаром.....	73
Игра в столбцы	73
Игра в шехарду.....	75
Игра с тычка	76
Игра куrom	78

Отдел III. Осенние праздники и гулянья	80
Братчины.....	80
Киселки и именины	80
Свадьбы	91
Сватовство и сговоры.....	91
Богомолье	99
Уха	108

Рукобитье	109
Девичник	113
Свадьба	118
Визиты и поздравительный стол	123
Отвóдины	124
 Отдел IV. Зимние праздники и гулянья	129
Филиппов пост (Филипповки)	129
Рождество Христово	130
Святки	131
Новый год	145
Святочные гаданья	148
Слушанья	150
Гаданье в зеркало	157
Масляница	164

В. А. Лавров. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ	
О ГОРОДЕ МОЛОГЕ	170

Научно-популярное издание

ТРАДИЦИИ И ПРАЗДНИКИ ГОРОДА МОЛОГИ

Историко-этнографический сборник

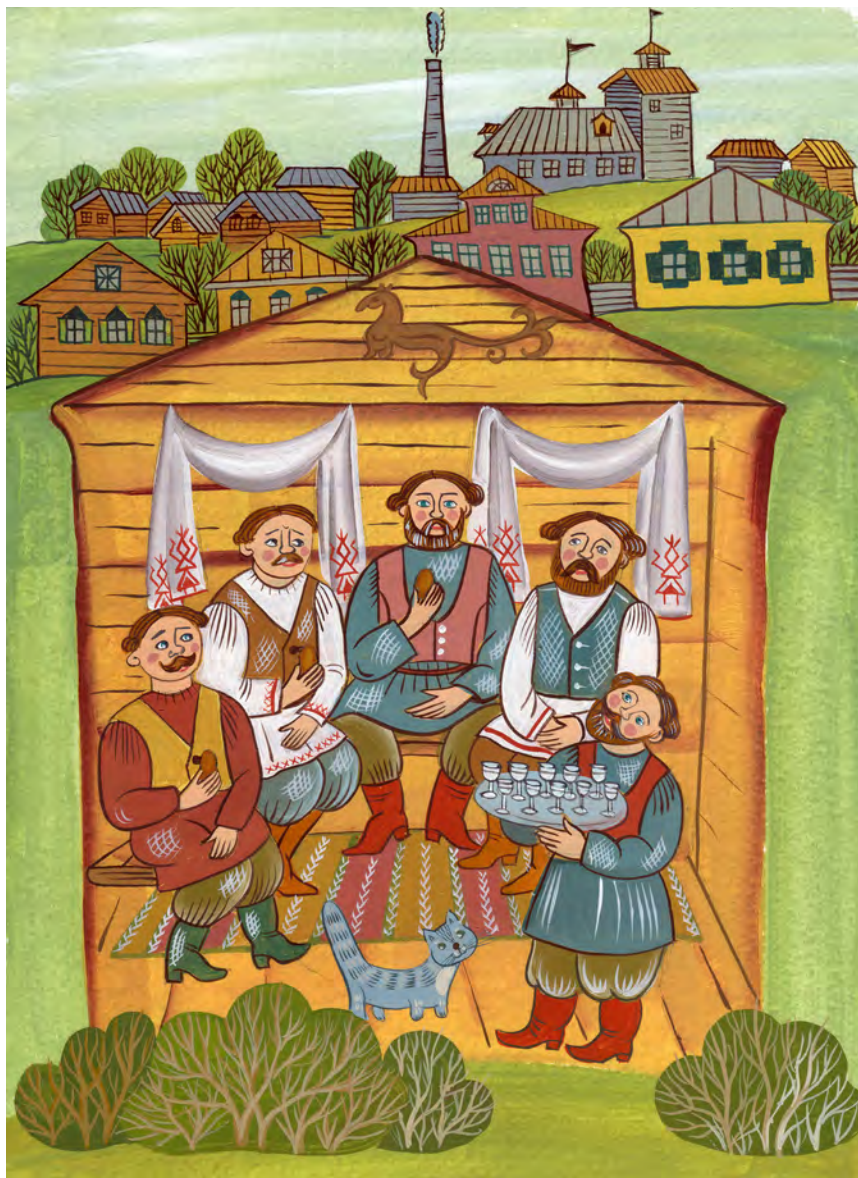
Редактор-составитель
Анатолий Клопов

Художник-иллюстратор
Версанна Добрынинская

*В издании использованы графические заставки,
созданные в рамках проекта «Росписи затопленных земель»,
реализованного в 2019 году НЧУК «Музей Рыбинские рыбы»
при поддержке Фонда президентских грантов*

*Редактор-составитель благодарит
Ивана Андреевича Казанцева за передачу в дар
Рыбинскому музею-заповеднику подлинника издания
А. А. Фенютина «Увеселения города Мологи
в 1820–1832 годах» (Ярославль, 1866)*

Подписано в печать 15.11.2022
Формат 60×90/16. Гарнитура Old Standard TT
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз.

Сначала церемонные гости сильно отговариваются, уверяя, что они не пьют больше одной или двух рюмок. Теперь, под говор и шумок, берут рюмки безотговорочно, в особенности те из гостей мужчин, которые для того только и пришли на праздник.

Эта вторая пара поднимает свой платок кверху, делая воротца; девушки начинают петь, а первая пара, ведя за собой хоровод, проходит в растворённые воротца и идёт вдоль проулка до тех пор, пока весь хоровод пройдёт в воротца.

На этом другом гулянье они застали девушек, играющих столбиками. Четыре пары девушек стояли друг против дружки крестообразно, и каждая пара стояла так, что одна девушка стояла сзади, а другая наперед; пятая пара девушек была в действии.

Подавальщик бросает мяч кверху. Молодец-игрок хотел ударить по мячу палкой, когда мяч летел книзу, да не попал, промахнулся и отошёл прочь. Другой молодец-игрок тоже хотел попасть по мячу палкой, он ещё хотел дать жаровку, да тоже не попал.

В Ильин день, после поздней обедни в соборе, бывает крестный ход. В этот же день в городе бывает годовая ярмарка, почему стечение народа бывает не малое. По пути крестного хода многие из званых гостей, не доходя до собора, остаются на площади.

После ухи подали жареного поросёнка, начинённого гречихой, и потом жареную баранину. Для питья на столе стояли бутылки с пивом, мёдом и квасом. После жарких подавались сладкие пироги, сдобные, начинённые изюмом с мёдом, потом битый коровой и, наконец, рёзаны.

Потом сваты начинают тащить пряник один к себе, а другой к себе, до тех пор, пока пряник не разломится на две половинки. После этого старики меряют половинки пряника: у кого пряника больше, у того силы и счастья больше.

На шею невесты была снизка жемчужная в пятнадцать ниток с фермуаром. Платье шелковое светло-голубое с пышными буфами у плеч, далее рукава узкие с остеечками на кистях рук; лиф гладкий с полуоткрытым воротом.

Наши мальчишки сговариваются сделать кулачное нападение на которую-нибудь сторону. И вот мало-помалу начинается схватка, тут в ответ ловкому кулаку взмахивается клюка или палка, и пойдёт потасовка: чья не выдрала, скорей в рассыпную бежать.

По зву мальчишек скоро явились халявы, то есть ряженые. На мужчинах были шляпы и армякѣ, обшитые кругом лентами. На голове женщины — шляпка с перьями; на самой надет был капот. Лица у всех были плотно завязаны платками, кроме одних глаз.

Сговариваются идти слушать к амбару, находящемуся где-нибудь вдалеке от жилья в поле; они пробираются туда с большим страхом, прячась друг за дружку. Как-будто пересыпающаяся рожь слышится... Это означает довольство во всей будущей жизни.

Бабушка Василиса разложила коровью шкуру на дороге, и говорит мне: «Паша, садись вот тут, да смотри же, крепче держись, а как я уйду, так ты, погода немного, и скажи: суженый-ряженный, коли ты любишь меня, так покатай меня».

Долго сидела девушка и смотрела в зеркало, надеясь в нём увидеть своего суженого, несколько раз дремала. Но вот, кажется, зеркало начинает тускнеть — знак, что суженый уже близко. Девушка протирает зеркало, потом видит: в зеркале как будто показывается лицо.

В прошедшие времена, во время масляницы, по улицам возили разукрашенную лодку. Большую рыбацкую лодку, иногда третник, ставили на двое саней. Всю лодку покрывали коврами, на середине стояли стол и кругом его стулья. На носу или на корме помещались музыканты.